

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОВЫЙ.83

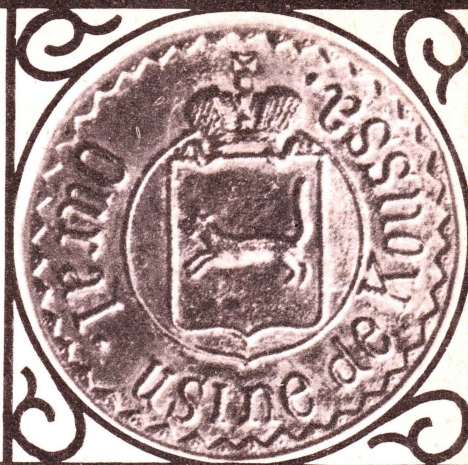

3

МАРТ

СТАРАЯ МЕДАЛЬ

Исполнилось сто лет со дня образования Геологического комитета — первого государственного геологического учреждения России. В первые годы существования комитет, бывший весьма немногочисленным по штату сотрудников, добился выдающихся успехов в изучении геологии страны. Была составлена обзорная геологическая карта Европейской России, проведены исследования в горнорудных районах — на Урале, в Донбассе и других. Исследования сотрудников Геологического комитета, которым долгое время руководил А. П. Карпинский, быстро получали международное признание.

Летом 1897 года в России проходил VII Международный геологический конгресс. Он был самым представительным из всех, проведенных в прошлом веке, — 704 участника из 26 стран. Был выпущен ряд памятных и официальных знаков и медалей. Участникам конгресса выдавались официальные жетоны — серебряные, величиной с полтинник, с ушком, в которое продевалась трехцветная лента. В центре лицевой стороны жетона изображена эмблема геологов и горняков — скрещенные молотки, обрамленные венком. По кругу — надпись на латинском языке: «Геологический конгресс. Умом и молотком». Последняя фраза — официальный девиз Международного геологического конгресса. На оборотной стороне жетона — обрамленная венком надпись на латинском языке: «Россия, 1897».

Настольная медаль диаметром 46 миллиметров отлита из чугуна и на лицевой стороне имеет латинскую надпись и эмблему. На другой стороне изображен герб Уфимской губернии и надпись на французском языке: «Урал. Кусинский завод». Атрибутика медали указывает на то, что она посвящена экскурсии членов конгресса на Урал. В ней участвовало около 150 человек из 17 стран. Они посетили интереснейшие геологические объекты, рудники и заводы по маршруту Уфа — Златоуст — Челябинск — Екатеринбург — Нижний Тагил — Кушва — Пермь.

Были и другие медали и знаки, связанные с уральской экскурсией участников Международного геологического конгресса. В газете «Урал» сообщалось, что памятные жетоны, значки, заводские гербы дарили ученым в Златоусте, в Кыштыме. Несомненно, они большая редкость и их поиск — увлекательная задача для любителей уральской старины.

Геннадий УФИМЦЕВ

Оформление С. Мальшева

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ·83

3 МАРТ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В номере:

И. Гурин «ПЯТЕРКА» СО ТРУДУ	2
Л. Голубев АРТЕМ НА УРАЛЕ	4
Ю. Леонов БРЕЗЕНТУХИ	6
АДРЕС МЕЧТЫ	12
КАК ОТВЕЧАТЬ, РЕБЯТА!	13
Л. Гаряев ТРУДНЫЙ ВЫБОР	14
В. Сляднева, А. Старовойтов УЛЫБАЮСЬ ГРЯНУВШЕМУ МАЮ... Стихи	18
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	20
Ю. Рязанов ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ	22
М. Смолин ДЕНЬ МУЗЕЕВ И СОБИРАТЕЛЕЙ	27
В. Павлов АВТОГРАФ ПАНКРАТИЯ СУМАРОКОВА	28
Н. Верзаков ЗЛАТОУСТОВСКИЕ ВЕХИ	31
В. Савельзон ПАМЯТНИК В СТЕПИ	32
Н. Казаринова РЕАЛЬНОСТЬ СКАЗКИ	33
В. Крапивин ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ. Повесть. Начало	34
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА	65
Ю. Сосновский НУ И ЧТО!	69
Л. Чумичев ТАВАТУЙСКИЕ БЫЛИЦЫ	70
И. Малышев В ТАЙГЕ И ПУСТЫНЕ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
[главный редактор],
Муса ГАЛИ,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
[заместитель главного
редактора],
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
[ответственный секретарь].

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219.
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30.11.82.
НС 11001.
Подписано к печати 17.01.83.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 0,21
Учетно-издательских листов 10,5
Тираж 287 000.
Заказ 448.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
сунк Розы АТЛАС.

© «Уральский следопыт», 1983 г.

300-й
номер
журнала

«ПЯТЕРКА» ПО

**Иван
ГУРИН**

Продовольственная программа — дело всенародное. Тут вполне могут явить свою изобретательность и юные техники. Лучшие из них уже предложили новые устройства и машины, которые могут быть применены в широкой сельскохозяйственной практике. В помощи сельскому хозяйству могут принять участие не только жители сел, но и городов. Как это часто бывало в истории техники, именно взгляд со стороны может оказаться наиболее плодотворным. Надеемся, дорогие юнтехы сел и городов России, вы расскажете нам и о своих работах.

В старинном прикамском селе Тауш живет, мне рассказали, замечательный мастер — Сергей Никитич Зюлев. Работает учителем труда, ведет кружок малогабаритной техники. На пришкольном участке, в огородах жителей Таушинского отделения конезавода имени В. М. Азина можно увидеть в деле и трактор, и мотоплуг, и картофелекопалку, изготовленные руками мальчишек и девчонок...

И вот я в Тауше. Найти Сергея Никитича не составило труда. Через школьный двор ребята перетаскивали, видимо, в новую мастерскую небольшие верстаки, мебель. Они и привели меня к мастеру.

Сергей Никитич с большой охотой стал показывать ребячьи творения. Вызвали удивление шипорезный, токарный станки, косилка, другие сельскохозяйственные машины. Но особая гордость кружковцев — трактор. Его длина полтора метра. Все как у настоящей машины, даже задняя скорость есть. Кое-какие узлы и детали усовершенствованы. За изготовление этого трактора кружковцы награждены дипломом I степени Пермской областной станции юных техников.

Он родился в 1930 году в небольшой деревушке Куединского района. Рос сообразительным мальчуганом. Настоящих, заводских игрушек не видел — изготовлял их сам. Делал самокаты, педальные тележки, велосипеды. У него появилось много друзей. Они помогали ему в конструкторских делах. Это был своего рода домашний технический кружок Сережи Зюлева...

В 1943 году семья переехала в Тауш. В те трудные военные годы в школе не хватало учебных пособий. Сережа стал мастерить линейки, металлический циркуль. После,

когда работа была закончена, учитель физики спросил:

— Где ты, Зюлев, взял такой прекрасный циркуль?

— Сделал.

Не поверил учитель. Устроил мальчику-умельцу испытание. Дал Сереже металлический лист и попросил изготовить еще два циркуля.

На следующий день на учительский стол легли два блестящих циркуля. Их невозможно было отличить от циркулей заводского изготовления.

А вскоре почти все ребята в классе имели циркули Сережи Зюлева.

Проблем у создателей малогабаритной техники предостаточно. Главная из них — отсутствие движков. Потому и стоят многие ребячьи машины «на приколе». Ни конезавод (шеф школы), ни станция юных техников не смогли пока помочь энтузиастам приобрести недостающие агрегаты. Зюлев вынужден использовать моторы от собственных изъезженных мотоциклов.

В Чернушанском районном производственном управлении сельского хозяйства, в конезаводе имени В. М. Азина, к сожалению, не серьезно подходят и к самой технике, изготавливаемой руками ребят. Некоторые из агрегатов при доработке можно было бы использовать на полях. Например, роторный картофелекопчик получил на областной выставке высокую оценку. Он практичен, оригинален. Многие знающие специалисты утверждают, что его можно зарегистрировать как изобретение. Есть и другие машины, которые могут быть полезны в сельском хозяйстве: роторный рыхлитель почвы, картофелекопалка... Думается, и ребята будут по-иному относиться к

ТРУДУ

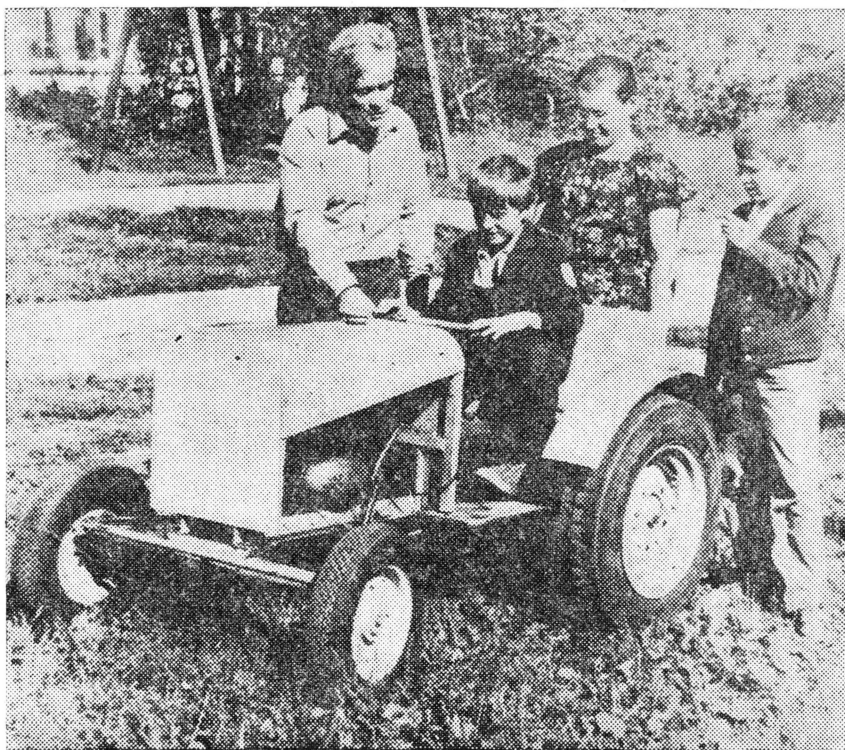
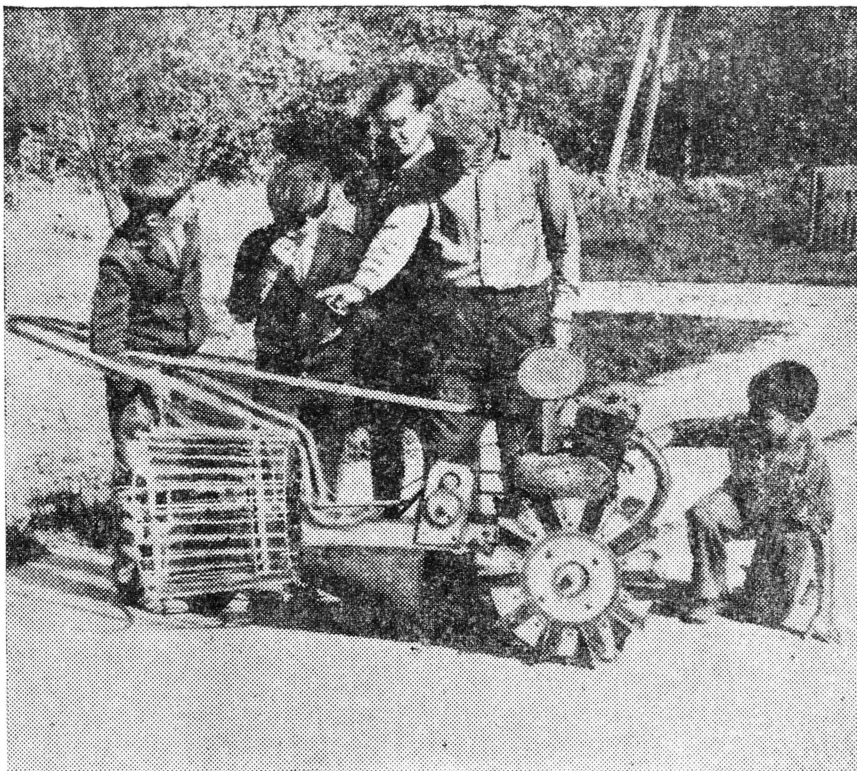
изобретательству, если увидят, что их техника приносит людям пользу.

Воспитать трудолюбие у ребят — дело не простое. К сожалению, в иных школах к урокам труда относятся не очень серьезно. У Сергея Никитича настрой другой. Мальчишки и девчонки на его уроках соприкасаются с таинствами мастерства, познавая их с чувством окрыленности. Постепенно инструменты, дерево, металл становятся послушными их рукам. И тем, кому уроков не хватает, кому хочется изобретать что-то, конструировать, предоставляется возможность заниматься в филиале станции юных техников, где есть кружки авиамоделный и малогабаритной техники. Последним, как уже говорилось, руководит сам С. Н. Зюлев. И еще есть кружок начального моделирования. Его ведет дочь Зюлева — Людмила Сергеевна.

...Я собирался уходить из мастерской, когда Зюлева обступили школьники. Одна девочка протянула Сергею Никитичу дневник. Он аккуратно вывел «пятерку». Все ребята счастливо улыбались. Ведь это была оценка по любимому предмету.

На снимках: картофелекопалка и трактор таушинцев.

Фото автора.

АРТЕМ НА УРАЛЕ

Леонид
ГОЛУБЕВ

Рисунок
А. Банных

АРТЕМ (Федор Андреевич Сергеев) родился 7 марта 1883 года в селе Глебове Фатежского уезда Курской губернии. Известно, что с 1892 года он учился в Екатеринославском реальном училище, закончил его, затем по конкурсному экзамену поступил в Московское высшее техническое училище. 1902 год — первый арест за участие в политической демонстрации студентов. Осужден к 6 месяцам тюремного заключения, которое отбывает в Воронежской тюрьме. К тому времени он «состоял в рядах искровцев, большевиков и коммунистов» (из личной анкеты Артема). После тюремного заключения Артем продолжает революционную работу. Жандармская слежка вынуждает его выехать за границу. В Париже он поступает в Высшую русскую школу и там в 1903 году знакомится с В. И. Лениным.

Вернувшись на родину, Артем руководит уральской партийной организацией...

Мне, как говорят, повезло. Я встретился с дочерью известного уральского революционера Алексея Алексеевича Шпагина — Валентиной Алексеевной Шпагиной. Разговорились.

— А ваш отец встречался с Артемом? — поинтересовался я.

— Как же! Он даже написал воспоминания о нем.

Эти воспоминания оказались не опубликованными в печати. Они долгое время находились в Перми, затем были переданы в Свердловский партархив.

И вот они передо мной — пожелтевшие от времени шпагинские страницы.

«В начале августа 1906 года Пермская партийная организация пополнилась свежими, весьма ценными работниками: приехали из Сормова Самсонов Иван Николаевич, из Харькова — Артем. Оба товарища оказались большевиками...»

С Артемом А. А. Шпагин встретился первый раз в Перми, за Камой, на массовке. Дело было в воскресенье, народу собралось много. Самым острым вопросом, по которому велись в те дни споры большевиков с эсерами, был аграрный. Артем выступал с речью от Пермской организации РСДРП. Его слушали внимательно.

На той массовке, как пишет Шпагин, разгорелся шум, — эсеры пускали в ход всяческую демагогию. «В результате в головах несознательной части рабочих создавалось убеждение, что социал-демократы идут против крестьянства. Артем, возражая, спрашивал эсеров о том, как они думают провести социализм в деревне, не проводя его в городах — на фабриках и заводах, возможно ли сохранить общину с ее уравнительным землепользованием в условиях буржуазно-капиталистических отношений».

Массовка затянулась до поздней ночи, пока на правом берегу Камы не обнаружили подозрительных людей. Все моментально разошлись.

— Кувалда! — услышал вдруг Шпагин свою партийную кличку. Перед ним стояли двое. Одного он знал, это был большевик по кличке Арсений. Второй, коренастый молодой человек, протянул руку:

— Артем...

— Вот что, Кувалда, — проговорил Арсений. — Ты ведь с семьей живешь?

— Точно.

— Не возьмешь ли товарища Артема в нахлебники?

«...В голове моей моментально сверкнула мысль о том, что, находясь вместе с Артемом, я могу пополнить багаж своих знаний. Поэтому я, не колеблясь, сказал, что буду очень рад», — вспоминает Шпагин. И далее: «...Он произвел на меня впечатление простого деревенского парня: голубая рубаха и длинный пояс с кистями, сапоги. При виде такой простоты нельзя было подумать, что в нем таилась неистощимая сила знания — сила, посредством которой ему не раз удавалось приводить своих соперников в яростное и вместе с тем беспомощное состояние.

Глубоко искренняя и живая речь Артема

проникала в души рабочих и находила самый живой отклик. Уходя с массовок, они все чаще и чаще задумывались над словами Артема».

Из воспоминаний А. А. Шпагина можно судить и о личной жизни Артема. Утром он всегда вставал рано, вместе с хозяином напившись чаю, сразу садился за работу. Артем нежно любил детей. Когда А. А. Шпагин возвращался домой, он не раз заставал такую картину. Четверо шпагинских ребятишек сидели на постояльце верхом. В квартире раздавался веселый хохот; когда кто-нибудь из ребятишек ушибался, начинал плакать, Артем спокойно произносил:

— Революционеры не режут.

Плач унимался, и снова начиналась шумная возня.

Артем прожил в шпагинской семье три недели. Дальше оставаться было нельзя. Хозяин дома постоянно напоминал, чтобы гость прописался...

По словам дочери Шпагина, Артем, перебравшись на другую квартиру, старого друга Кувалду не забывал, почти ежедневно бывал в шпагинской семье. Те вечера были насыщены различными делами — читали запрещенную марксистскую литературу, писали листовки, вели подготовку к партийным собраниям.

«К ноябрю 1906 года Артему и Самсонову удалось восстановить типографию. К этому времени были сосредоточены уже порядочные силы. Приехали товарищи-украинцы, близкие друзья Артема... — пишет А. А. Шпагин. — Началась предвыборная кампания во 2-ю Государственную думу...»

Как известно, по инициативе Артема А. А. Шпагин был избран депутатом 2-й Государственной думы.

«Дней через пятнадцать после моего отъезда в думу Артем вместе с Маней Загуменных был арестован. Просидели они в Пермской тюрьме до апреля, а потом были отправлены в Николаевские роты. В день отправки Артема моя жена пошла к тюрьме и видела, как Артем с другими товарищами вышел из тюремного двора, окруженный конвоем с шашками наголо. Увидев мою жену, он, как раньше, улыбнулся во все лицо и бодро зашагал туда, откуда редко кто возвращался не искалеченным физически и нравственно.

Позднее Артем был сослан в Сибирь, бежал в Австралию и жил там до падения царизма».

Возвратившись на родину, Артем все свои силы отдавал становлению молодой Советской Республики.

21 июля 1921 года в «Правде» появилась заметка, окаймленная черной рамкой: Артем (Федор Сергеев) погиб во время катастрофы на Курской железной дороге.

БРЕЗЕНТУХИ

**Юрий
ЛЕОНОВ**

*Рисунки
Розы Атлас*

По промтоварной карточке купила мне мама сапоги. Согласно моде весны сорок пятого они не претендовали на изящество: брезентовые голенища цвета хаки, кожмитовые подошвы на клею — обыкновенные брезентухи. Но когда я надел их впервые и они мягко обтянули стопы, показалось: лучших сапог нет ни у кого из мальчишек. По крайней мере, в нашем пятом «а».

До той весны не привык я обращать внимания на свои обутки. Ноги не жмут, ходить удобно, — и хорошо, лучших не надо. Но та весна была особенной. Мы жили в сибирском поселке Чулыме, через который, взрывая воздух гудками, — на запад, на запад! — летели поезда. И в том же поселке жила Лилия.

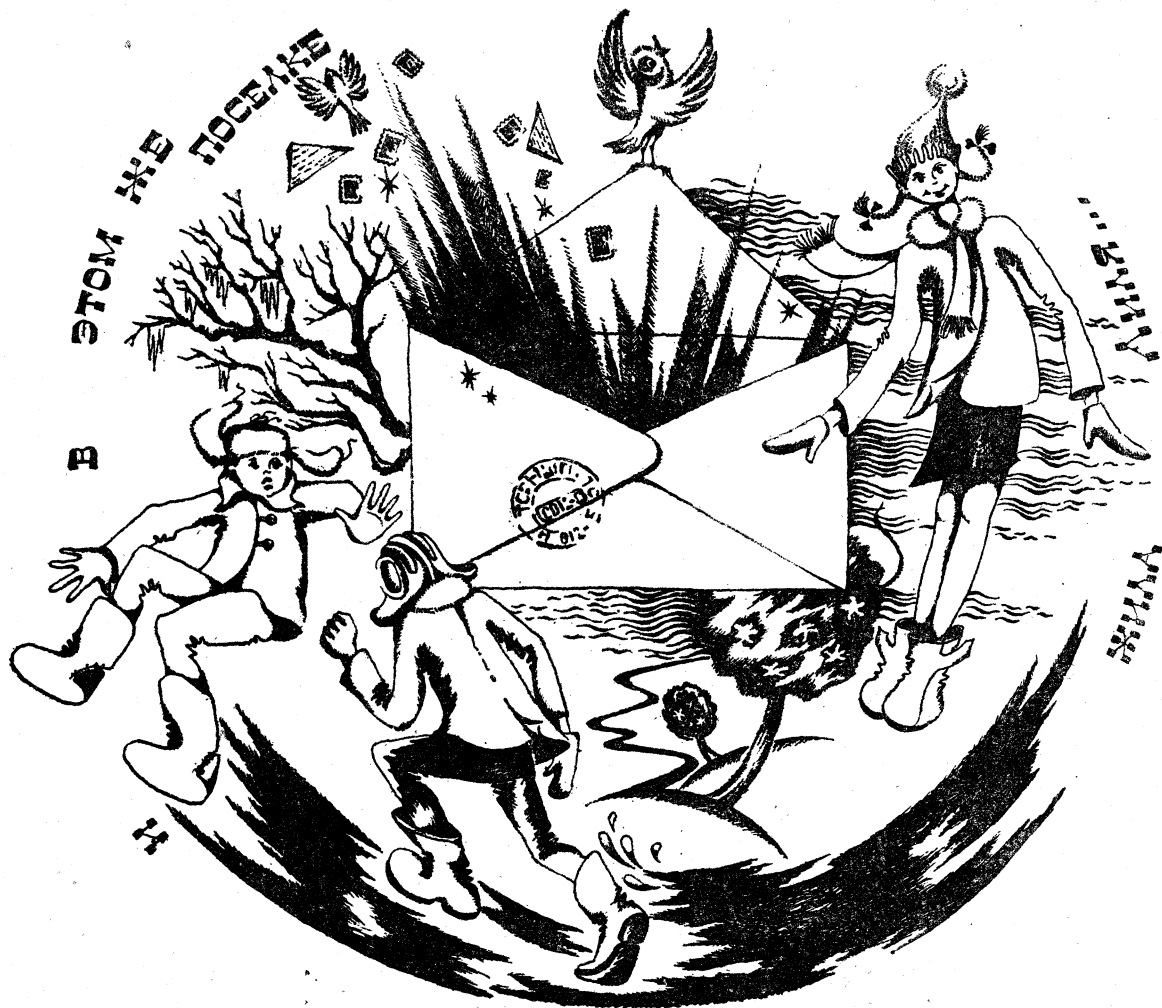
Среди пестрой толпы одноклассников железнодорожной школы, где наголо обритые в санпропускниках головы соседствовали с лохматыми, тоскующими по ножницам шевелюрами, эта узколицая девочка с дерзко вздернутыми косичками, эвакуированная из Калинина, показалась мне обыкновенной чистюлей. Чистюль я не любил — все они были пискуньями и недотрогами.

И прошлой зимой, и этой Лилия сидела впереди меня, через парту, но только к весне я стал замечать, что ее торчащие в разные стороны косички обладают свойством нахально лезть в глаза, до навязчивости. Рассказывает ли учительница о том, как впервые попал на Новую Землю ненец Тыко Былко, объясняет ли правила деления дробей, мельтешат впереди, рассеивают внимание два каштановых хвостика.

В отместку за назойливость я раза два дернул на перемене те косички и получил сдачу: несколько слабых тумачков да взгляд, в котором вовсе не чувствовалось рассерженности или злости. Напротив, в глазах Лилии искрилось нечто столь озорное, подтрунивающее, что я готов был дернуть ее за косы еще хоть сто раз, лишь бы снова, поддразнивая, оглянулась она в мою сторону. Но отчего-то смелость моя быстро иссякла.

Всю зиму протопал я в хорошо разношенных, истончившихся на подъеме валенках. Мой дед подшил к ним дратвой толстые войлочные подошвы, и теперь валенки отменно скользили по отполированному полозьями снегу. Особенно лихо это выходило, когда удавалось подцепиться за

облучок мчавшейся мимо кошевой или за край розвальней. Отличные были валенки! Но к весне, когда мама заставила надеть сверху ненавистные мне калоши, на каждой ноге словно добавилось по кирпичу. В такие минуты я казался себе неуклюжим и неповоротливым, а то и вовсе — еле шаркающим дедом. Конечно, минуты эти, когда я словно поглядывал на себя со стороны, были мимолетны. Стоило лишь встретить кого-нибудь из знакомых ребят или пересечь рыночную площадь, где торговали колобками из сваренных в меду семян конопля, как мысли устремлялись совсем на другое...

Лилина семья снимала квартиру в особняке с зелеными резными наличниками окон. Отныне при виде его не раз мне приходило на ум: хорошо бы завернуть сюда просто так, как забегаяю к другу Кольке Лимончику, поболтать о том о сем... Но тут же находились разные причины не делать этого. Я просто робел, не желая признаваться себе в том. Как вдруг...

Оказалось: для того, чтобы зайти домой к Лиле, мне не хватало всего лишь новых сапог с брезентовыми голенищами.

В них я чувствовал себя намного уверенней и даже неотразимей, чем прежде. Что за чудо-сапоги купила мне мама!

Весна в том году была особенно звонкой и обещающей. Быть может, потому, что с фронтов приходили все более радостные вести. А может, еще и оттого, что в ту весну мне должно было исполниться тринадцать...

Капель под окном не тренькала, а вызванивала марши. Надев сапоги, я вышел во двор и зажмурился. Сияло, искрилось, блестело на солнце все вокруг: и рыжие вихры соломы на стайке, где жевала жвачку наша корова Майка, и лужа, в которой скользило белое облако, и оплывший, разинувший пасть сугроб с тонкими зубами сосулек.

Я потоптался возле той лужи, попробовал ногой хрупкую пластину льда, оставшуюся от ночных заморозков, и пошел к дому с зелеными резными наличниками окон.

Дверь на мое счастье открыла сама Лиля, так

что даже врать не пришлось, зачем вдруг пожаловал.

— Здравствуй,— сказал я.— Пойдем, погуляем.

Она тряхнула косичками и убежала одеваться.

Я огляделся. Обнесенная дощатым забором, уходила от крыльца обширная, в проталинах пустошь. Посреди ее распахнуло свои объятия покривившееся чучело в драной ушанке. Сухие бодылья подсолнухов бросали тени на темный от паровозной копоти снег. Пахло весной, уже не той ранней, когда пробудившиеся запахи едва внятно щекочут ноздри, а резко и прямо наносило оттаявшей землей и навозом, созревшими за зиму листьями, влажной корой взметнувшихся над домом тополей...

— Эй ты, хмырь! — окликнул меня мальчишеский голос.

Из пролома в заборе торчала ушастая голова на длинной шее.

Я тотчас прикинул, насколько выше меня тот, приклатенный. Выходило — ненамного.

— От хмыря слышу!

— Хе... — задумалась голова.— В стенку сбачаем? — Парень ловко подковырнул ногтем медяк, поймал его на лету.— По пятаку?

Я ответил, что играть мне не на что. Парень поскущел:

— Ладно, тогда на шалабаны.

— Неохота.

Поиграв «на зубариках» ногтями и задержавшись взглядом на новеньких моих сапогах, парень признался:

— А жаль. Я б тебе такого горячего влындил! — Для наглядности он согнул в три погибели мосластый палец и с маху щелкнул им себя по лбу. Убедительно получилось, он даже поморщился.— Но ты не думай, что открутился. От меня не открутишься.

— Напугал,— сказал я.— Аж коленки трясутся.

— Хе,— миролюбиво осклабился парень.

Больше всего я боялся, что выйдет сейчас Лилия, и тогда этот ушастый наверняка придумает какую-нибудь пакость, чтоб испортить нам настроение.

Презрительно сплюнув, я отправился в глубь двора. А когда оглянулся, в проломе никого не было.

На том пустыре-огороде мы и повстречались с Лилей. Мама отпустила ее погулять ненадолго, только во двор, поэтому мы не сразу придумали, чем бы интересным заняться. Просто стояли среди редких, жухлых стеблей, жмурились то на солнце, то на беспечного милягу-чучело в драной ушанке и говорили так, ни о чем.

На Лиле было коротенькое, в обтяжку, пальтишко и несоразмерно большие резиновые боты, как видно, доставшиеся от старшей сестры. Ноги ее в такой обуви выглядели тонкими и длинными

не по росту. Я заметил, как стыдится она такой несуразности, переминаясь с ноги на ногу, и старался не глядеть вниз. Подумалось: могла и вовсе не пойти сегодня гулять, причину для отказа всегда легко выдумать, а вышла, значит, ей со мной интересно. И так пожалел я, что не надел привычных валенок с калошами...

Не помню, о чем мы говорили в тот раз. Помню лишь, как ушла настороженность из сузившихся ее глаз, и они засмеялись, распахнулись доверчиво, во всю ширь. Мне тоже хотелось смеяться, по поводу и без повода. Без повода даже лучше, азартнее получается.

Под высокой завалинкой дома пробивал себе дорогу юркий, тоненький ручеек. Мы помогли ему одолеть завал из листьев, и он зажурчал для нас одну из самых переливчатых своих песен. Расчищая еще один завал, мы разом взяли за толстый березовый прут и потянули — каждый к себе. Уступать не хотелось. Я схватил Лилию за руку, чтобы разжать ее пальцы, но они были цепки и долго не поддавались.

А потом прут куда-то исчез, и оказалось, что стоим — рука в руке — и молчим. Над нами рвались ввышину, исходили запахами спелые, клейкие уже почки. Чирикали взхлеб воробьи. Ручей приборматывал еле-еле, вновь запруженный листов. Надо было б расшевелить его снова тем прутком, да вовсе непослушными стали руки. Я готов был простоять так хоть всю жизнь, чувствуя, как подрагивает в моих пальцах не остывшая от возбуждения ладонка.

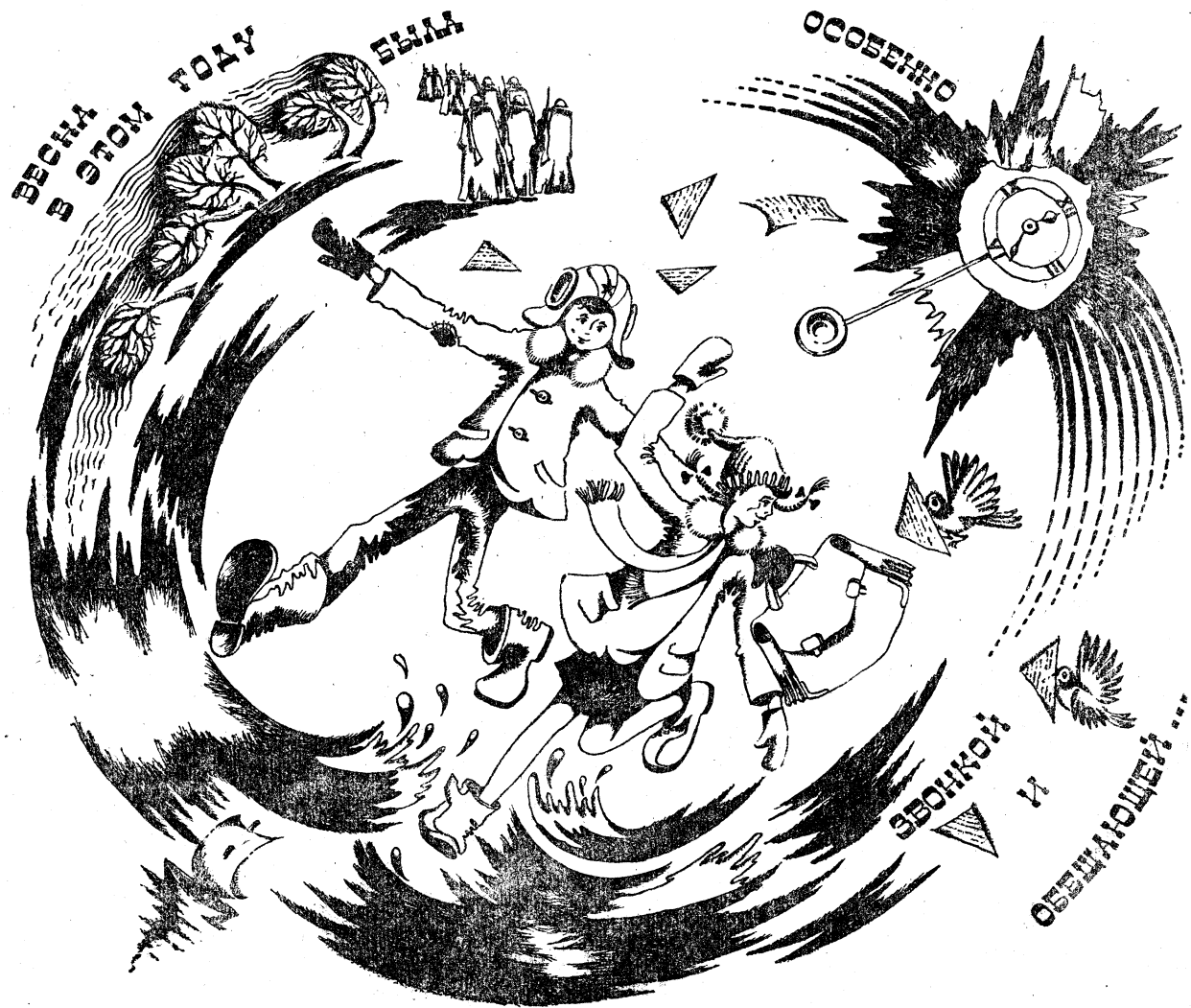
Тонкое, вредненькое «хи-хи-хи» заставило нас отдернуть руки, как от ожога. За широкой щелью забора, на уровне моей груди заворуженно пялились на нас несколько круглых глаз. Я прикрикнул — малышня исчезла. А вместе с нею исчезло и дивное ощущение отрешенности от всего мира, в котором не было никого, кроме нас да весны с ее запахами и звонами.

Снова взять Лилины пальцы в свои я уже не решился до самого расставания. Одно дело, когда это случилось само собой, и совсем другое — нарочно...

На следующее утро, весьма удивив маму, я собрался в школу намного раньше обычного. Казалось мне, что Лилия тоже придет пораньше и, может быть, в пустом классе нам снова удастся поболтать ни о чем.

Класс и в самом деле был пуст. Чуть подрагивали стекла от громяющих на задворках школы составов. Я хотел поглядеть в окно, откуда видна была Лилина улица, но ворвался долговязый Колька Лимончик. Трахнул крышкой парты, достал из кармана перочинник и принялся резать на ломти сырую картофелину.

В ту пору самые распространенные школьные ручки были складные: полая трубочка, в которую входили вкладыши, с пером и без него. Если вынуть их, получался ствол. Стоило дважды дава-

нуть им на картофелину, закупорив с обоих концов трубку, и вот он — примитивный воздушный пистолет. Резкий нажим карандаша на затычку, хлопок — и с противоположного конца «ствола» вылетает картофельная пуля.

С Колькой Лимончиком мы сидели за одной партой. Конечно же, он поделился картофелиной со мной, и тех, кто появлялся в классе следом за нами, мы встречали дружными залпами. Такая азартная получилась перестрелка, что на радостях чуть не шарахнули по громогласной нашей директрисе, заглянувшей в двери на крики.

Лиля появилась перед самым звонком. Едва заметно кивнула мне и больше не повернулась в нашу сторону. Была она в нарядном платьице и ботинках, такая гордая и неприступная, что просто не верилось: неужели вчера держал я ее ладошку в моей.

На переменах тоже не было повода перекинуться словцом: у девочек свои кружки и разговоры, у нас — свои. И после школы Лиля, как

всегда, пошла с подружками, а мы, приреченские, — своей ватагой.

Так повторилось на следующий день и через день. Я терялся в догадках: неужели сердится на меня Лиля, но за что? Или столь искусно маскирует от одноклассников, боясь насмешек, нашу тайну. Но как же тогда передать Лиле, хотя бы намеком, сколь нравится мне она?

Колька Лимончик, которому доверял я все свои секреты, рассудил просто:

— А ты ей записку напиши.

Светлая голова у Кольки! На уроке пластанул я из учебника арифметики Киселева чистый розовый лист, вклеенный сразу за обложкой, — мне казалось, что такие послания пишутся непременно на розовой бумаге. Загородился ладонью и, стараясь не посадить кляксы, тщательно вывел: «Я люблю тебя, Лиля». Подписываться не стал — и так поймет, от кого.

Теперь предстояла самая трудная часть операции — как передать записку, чтоб не видел

никто. Конечно, можно было бы попросить об этом сидящего передо мной увальневатого Тихона — Тихоню. Но опасался я доверять ему такую бумагу.

Как и Колька Лимончик, был Тихон из местных, но на этом сходство их кончалось. Колька рос долговым, громкоголосым, неусидчивым. Всю зиму ходил в расстегнутой телогрейке — душа нараспашку, жил с матерью и младшими сестрами в бараке железнодорожников, по ту сторону от станции. Приземистый, во всем обстоятельный Тихон носил борчатку из добротной овчины. Столь же добротным выглядел и пятистенок с массивными ставнями, где жила семья Тихона. В игры он обычно не ввязывался, усмешливо приглядывал со стороны. Может, оттого и не ввязывался, что принимали его ребята в компанию неохотно, дразнили куркулем. Верно, с весны пропадали в огороде дед и бабка Тихона, а с ними и сам он. Зато зимой все свое у них было, даже на базар выносили. Что ж в том плохого? «Работающий он, этот Тихон, — думалось мне, — только скрытен уж слишком, все молчком да молчком. И почему-то тоже не прочь схватить за косички Лилию...»

Нет, не поднялась у меня рука передать через Тихоню записку. Бросить ее прямо на парту Лиле?.. А вдруг увидит учительница...

Арифметику вела у нас прошлогодняя выпускница педагогического училища, которую меж собой мы звали Машуткой — такая она была молоденькая, крепенькая, розовощекая. Мы не боялись ее строгости — боялись ее слез, на которые слаба была она по молодости.

И все же я решил бросить записку. Сделал отвлекающий маневр — ткнул Тихона в правый бок и, едва он обернулся ко мне, чтобы сказать, кто я такой есть, кинул записку слева. Она стукнулась о выступ Лилиной парты и отскочила в проход.

Я так и обмер. На вышорканном, истоптанном полу розовый конвертик не просто валялся — кричал о своем существовании. Хоть срывайся с места и хватай, пока не поднял его тот же Тихон.

— Вот токо ткни еще, я тебе так ткну... — ворчал он.

Все заохлодело во мне, когда математичка мелкими шажками направилась в нашу сторону. Она не спеша подняла записку, подержала ее в руках ровно столько, чтобы я успел помянуть всех святых, которые мне были известны от бабушки, и порвала на части.

Урок продолжался, словно ровным счетом ничего не случилось. Звонко, без раздражения звучал голос учительницы. Я был благодарен ей как спасительнице.

В том переполненном, расхлябанном годами лишений и безотцовщины классе, где троечники ходили в прилежных учениках, Лилия была едва ли не отличницей. Поэтому повод для встречи

придумался как бы сам собой. На перемене, дождавшись, когда рядом почти никого не было, я подошел к Лиле и сказал, что совсем плохо стал разбираться в арифметике, никак не соображу, что к чему. Не поможет ли она мне после уроков?

Класс наш сразу же занимала вторая смена, поэтому, лукаво посмотрев на меня, Лилия спросила, где же мы могли бы заняться.

— А хоть бы у меня дома! — обрадовался я так, словно эта счастливая мысль только что пришла мне на ум.

Надежда моя повидаться с Лилей без длинного глазастого забора, без заинтересованного внимания одноклассников, наедине, была робка. Я едва заставил себя начать этот разговор. Но стоило встретиться с повеселевшим Лилиным взглядом, как все сомнения исчезли: хорошо, что я завел такой разговор:

— Только сначала я сама выучу уроки, а потом...

Этого «потом» я ждал, как праздника: подмел пол, накинул на стол белую льняную скатерть, которую мама накрывала в торжественных случаях, и, не зная, что бы еще такое необычное придумать для встречи, слонялся из угла в угол нашей комнатухи. На стене поскрипывали давно не смазанные часы с кукушкой. За дощатой перегородкой хныкал соседский Сергуня.

В дверь постучали мягко и коротко. Я бросился открывать. За порогом, приятно улыбаясь, переминался с ноги на ногу Тихоня.

— Ты чего? — не очень-то вежливо спросил я.

— Марки вот сулил ты мне показать, а я все как-то...

— Давай в другой раз, а то уроки сейчас, корову покормить надо, то да се...

— А ты учи уроки-то, учи, я не помешаю, — великодушно махнул рукой Тихон. — И корове сенца бросить, делов-то... Хошь, помогу?

— Да не-е, — кисло вразил я, и Тихон боком-боком протиснулся погостевать, как здесь говорили.

Когда в дверь постучала Лилия, мы с Тихоном сидели за украшенным белой скатертью столом и листали альбом. Я торопился побыстрее показать все, слабо надеясь, что, может быть, это удастся сделать до Лили. Но марок было много и Тихон проявил нешуточный интерес к ним:

— А это чья марка?

— Немецкая.

— Интересно.

Увидев растерянно замершую на пороге Лилию, Тихон обрадовался так, будто вдруг пообещали ему билет на кинокомедию «Джорж из Динки джаза». Засуетился, глазами закосил с этакой непонятной загадочностью.

— Я вот... тетрадку свою принесла, как ты

просил, — нетвердо сказала Лиля. — А задачник у тебя есть?

«Есть, есть! С той самой, вырванной розовой страницей!» — хотелось крикнуть, но я только кивнул, стоя посреди комнаты, словно великодушный в своем молчании миляга с Лилиного огорода.

Тихон предупредительно освободил нам стол, а сам, прихватив альбом, оседлал табурет у окна. Вроде бы даже отвернулся, чтоб не мешать, склонился так, что короткая шея совсем ушла в плечи, и притих.

Условие задачи было простое. Я решил бы ее наедине с тетрадкой за пять минут. Но Лиля сидела совсем рядом, почти касаясь меня локтем, и мысли мои были так далеко от точек А и Б, через которые кто-то куда-то ехал.

Лилия была терпеливой наставницей. Она повторяла одно и то же и раз, и два, желая, чтобы ее подопечный сам постиг бесхитростную логику решения. Я понатливо кивал головой и нес какую-то околесницу.

— Что же тут непонятного? — сокрушалась она. — Ну вот давай сначала. Из точки А выехал один поезд, вот отсюда...

— А это что за марка? — спрашивал Тихон, вытянув над головой руку.

— Сиам.

— Интересно, — ворковал он и что-то мелкое творил за спиной. Не требовалось особой проницательности, чтобы заметить, куда Тихон «тырит» марки — в рукав. Прodelывал он это хладнокровно, очевидно уверенный в моей благовоспитанности: не стану же я при Лиле уличать его в воровстве.

— А теперь найдем скорость второго поезда... Ну?.. — подбадривала, воодушевляла, умоляла меня взглядами Лилия.

— Что-то не совсем... — бормотал я, красный от стыда и неловкости. Мне как-то вдруг безразлично стало, встретятся ли наконец те самые поезда или нет, хоть вовсе свалились бы они под откос, в тартарары, насколько жалко бы не было.

— Но это же так просто, — вздохнула Лилия.

Я чувствовал себя остолопом.

— А это какая марка?

— Не знаю!

— Интере-сно! — задушевно пропел Тихон.

Лилия поморщилась, словно чихнуть собралась, но не чихнула. Быть может случайно у нее выплю, но я истолковал все по-своему. Подтолкнул Лилию локтем, кивнул на отгородившуюся от нас спину. Так по-стариковски горбатилась она над табуретом, что мы рассмеялись.

Тихон закрутил головой:

— Вы чего это?

— Надежно загородился, — сказал я.

— А-а...

Как только поезда встретились там, где им

было положено, Лилия засобиралась уходить. Тщетно я уговаривал ее остаться еще хоть ненадолго. Лилия лишь потряхивала косичками: нет-нет, ее уже ждет мама.

Тихон вдруг вспомнил, что и его с нетерпением ждут дома дед с бабушкой, торопливо напялил свою борчатку...

Мы проводили Лилию до самого ее дома, где росли такие высокие, пахнущие весной тополя. Она помахала нам варежкой, сморщила нос на прощанье, словно собираясь чихнуть...

— Ну, мне налево, — с облегчением сказал Тихон, едва мы отошли от калитки.

Расставаясь, я крепко пожал короткопалую его ладонь, от души, не без намерения потряс ее. Вот это был фокус! Из рукава пестрой стайкой порхнули нам под ноги разноцветные, изрядно помятые марки, те самые, которые я начал коллекционировать еще до школы.

У Тихона была четкая реакция на такие случаи жизни. Он вскинул локти к лицу, приготовившись защищаться. Сопя и подбадривая себя разными словечками, мы затоптались друг против друга по вязкой, чавкающей грязи, он — в подшитых кожей чесанках, я — в новеньких еще сапогах...

Красивые у меня были сапоги. Жаль, не дожили они даже до Победы, развалились за месяц. В том неповторимом, пропахшем тополиными почками апреле мы с мамой навсегда уехали из Чулыма.

АДРЕС

Прочитав множество писем, поступивших в редакцию с просьбой «дать адрес» мечте, которой подросток собирается посвятить свою жизнь, мы обнаружили одну интересную деталь: на сотню актеров, модельеров, десантников и танцоров, археологов и мастеров конного спорта у нас по «папочной статистике» приходится два-три электросварщика, слесаря. Есть письма как бы стоящие особняком к общему потоку либо по величине приязней, либо по удивительной преданности своей мечте.

Одна юная дева хочет поступить в танцевальный техникум (любовь к танцу настолько огромна, что закрыла реальность — техникумов таких нет, есть школы бального танца при Дворцах культуры).

Другой юный герой непременно желает быть журналистом-международником сразу (забывая при этом о существовании первой ступени на пути к мечте — о простом факультете журналистики университетов Москвы, Свердловска и т. д., где, правда, не каждый может похвастать распределением — мечта не идет к тому, кто ждет у моря погоды, мечты достигает бесстрашно пустившийся в плавание).

Однако есть и трогательное выражение своего желания, желания необыкновенного: Иван Ч. хочет быть клоуном. «Я с детства люблю и умею смешить людей». (Как хотелось бы поближе познакомиться с человеком, умеющим дарить людям хорошее настроение!) И хотя это единственный клоун в нашей почте, мы даем тебе адрес, Иван:

Училище циркового и эстрадного искусства. Москва, 5-я улица Ямского поля, 24а.

Странно только, что ты сам не нашел этот адрес. Хотя эту странность мы замечаем и за многими другими нашими корреспондентами.

Посмотрите-ка, что мы вычитали из сиреневой книжицы, которая называется так: «Справочник для поступающих в средние специальные учебные заведения»:

ГЕОЛОГИ!

Исовский геологический техни-

кум [624358, Свердловская область, г. Нижняя Тура, пос. Ис, ул. Фрунзе, 63].

Миасский геологоразведочный техникум [Челябинская область, г. Миасс, ул. Автозаводцев, 43]. Специальности: геология, поиск и разведка полезных ископаемых.

МОДЕЛЬЕРЫ!

Ивановский химико-технологический техникум [г. Иваново, ул. Жиделева, 8]. Специальности: отделка тканей, художественное оформление и колорировка тканей.

Московский техникум легкой промышленности [г. Москва, 3-й Колобовский пер., 8].

Ленинградский техникум легкой промышленности [Ленинград, Ф-68, пр. Майорова, 46]. Специальности: моделирование и конструирование одежды.

ПАРИКМАХЕРЫ!

В Свердловске есть ГПТУ № 81 [ул. Пионеров, 12, корпус 4], готовящее мужских и женских парикмахеров.

ЮРИСТЫ!

Челябинский юридический техникум [г. Челябинск, 31, пр. 50-летия ВЛКСМ, 1]. Специальность: правоведение.

ПОВАРА!

Свердловский техникум общественного питания [620142, г. Свердловск, ул. Большакова, 65]. Специальность: технология приготовления пищи.

МАСТЕРА!

Уральское училище прикладного искусства [г. Нижний Тагил, ул. Носова, 4]. Специальность: художественная обработка дерева, кости и камня.

ЛЕСНИКИ!

Лисинский лесхоз-техникум Министерства лесного хозяйства РСФСР [Ленинградская область, пос. Лисино Тосненского района].

Тогучинский лесхоз-техникум [Новосибирская область, г. Тогучин, ул. Лесная, 20].

МЕЧТЫ

Подмосковье: Правдинский лесной техникум (пос. Правда Пушкинского района). Специальность: лесное хозяйство.

Отдельно о мечтательницах, в полном смысле слова желающих витать в облаках. Девушки! В Ленинграде открылось авиационно-техническое училище (пр. Литейный, 48), где готовят техников-технологов — читай: бортпроводниц. Прием документов до 31 июня. Тем, кто нетерпелив и уже имеет за плечами 19 лет, можно посоветовать обратиться непосредственно в отдел кадров аэропорта города. Там объяснят, как и когда прийти на комиссию, допускающую к полетам при наличии необходимых качеств у кандидатов.

Будьте смелее и настойчивее в достижении желаемого, старайтесь как можно больше познавать сами! Не то получится, что профессию посоветовал родитель, где выучиться — подсказал учитель, а когда получил диплом, понял — не мое.

Как можно мечтать ни о чем, как можно не знать хотя бы основные моменты, азы будущего дела? Как ни странно — попадают среди ваших строк и такие:

Но, к сожалению, ничего о своей будущей профессии не знаю...

Мечтаю об этом, но даже не догадываюсь, как это называется...

Знаю ужасно мало, но зато люблю...

Хоть что-то расскажите об этом деле, а то я как в потемках...

Уважаемые, мы где с вами живем? У нас разве нет сплошного потока информации, да еще какого потока — радио, телевидение, печать? У нас, в конце концов, разве нет библиотек, где можно найти любую справку, даже самую немыслимую? Надо только искать. Но если есть мечта, разве для нее жалко времени и душевных затрат?

Тогда поставим вопрос иначе: есть ли она, мечта? Или это блажь, дань моде, мимолетное увлечение?

Хочется закончить разговор о тех единицах, что не гнались за необык-

новенностью и престижностью профессии, о тех, кто, похоже, сделал свой выбор обдуманно, взвесив все «за» и «против», как взрослый человек.

«Мне нравится профессия машиниста электровоза. Куда можно поступить, чтобы выучиться этой специальности?»

Дорогой Юра!

Лица, отслужившие в рядах Советской Армии, принимаются в школу машинистов № 1 (г. Свердловск) на обучение сроком 2 года 3 месяца со стипендией 90 руб. Адрес школы: ул. Испанских рабочих, 43а.

Желаем тебе успешной службы, а затем исполнения твоего желания!

«Напишите мне, какое училище готовит электросварщиков в городе Свердловске...»

Дорогая Марина!

В Свердловске есть училище № 82 (ул. Стахановская, 43). Оно-то тебе как раз и нужно. Принимаются туда выпускники 8—10-х классов с документами об образовании, медицинской справкой и заявлением от родителей с их согласием. Думаем, что твои мама и папа ничего против выбранной тобой специальности не имеют. Желаем успехов!

Продолжением нашего разговора является интересная во многих отношениях для тебя, выбирающего свой путь, статья Л. Гаряева «Трудный выбор». Нам кажется, что кое-какие выводы ты сумеешь сделать, наш мудрый и несмышленный, наш упрямый и непоседливый читатель!

КАК ОТВЕЧАТЬ, РЕБЯТА?

Есть письма в редакцию, в которых или по забывчивости, или из ложной скромности, или в расчете на то, что ответ непременно и сразу будет дан через журнал, корреспонденты не дают обратного адреса. Вот одно из них. Оно пришло еще в ноябре прошлого года, и как мы не торопились подготовить ответ — публикуем его только теперь (так долг производственный процесс печатания «Уральского следопыта»). Учитывайте это, наши уважаемые корреспонденты.

Настя и Марина Веренёвы — сестрички-близнецы («нам в этом году исполняется 18 лет») мечтают стать «сестрами милосердия» — медиками. Девочки, не имеющие родителей и родственников, самостоятельно решают свою судьбу.

«У нас нет такой возможности — только учиться, мы будем работать и учиться одновременно. Но хотелось, чтобы и временная работа была хоть сколько-нибудь интересной. А медиками мы будем обязательно».

Такой интересной работой, Настя и Марина, может быть работа на кондитерской фабрике № 2 г. Свердловска. Туда принимаются девушки с 18 лет, обеспечиваются общежитием (надо только выписаться с прежнего места жительства). Вот адрес: 620251, Свердловск, ул. Карла Либкнехта, 43а. Лучше, конечно, предварительно списаться с администрацией.

В Свердловске есть еще много других интересных мест, где требуются молодые, добросовестные рабочие руки.

ТРУДНЫЙ

**Леонид
ГАРЯЕВ**

Приходит время — детство кончается. Наступает пора выходить из теплого, ласкового моря ребячьих радостей, приставать к какому-нибудь из берегов самостоятельной, взрослой жизни.

Только вот к какому!

Нелегким оказывается выбор. Откуда-то из розовых младенческих лет приходят на память слова колыбельной песни:

Сто путей, сто дорог

Для тебя открыты...

Ты, наверное, уже останавливаешься у больших щитов, на которые раньше не обращал внимания: «Требуются ученики слесаря, электромонтера, газосварщика...», «ГПТУ готовит горновых, вальцовщиков, подручных сталевара...»

Конечно, можно испытать себя в одной профессии, не понравится — переключиться на другую, третью, четвертую... Да только не думай, что если ты молод — все успеешь.

Перед входом в будущее

Твои сверстники — юные тагилчане хорошо знают главную цитадель своего рабочего города — Нижнетагильский металлургический комбинат.

Но мало кто из них обращает внимание на ничем не примечательное длинное здание на площади перед управлением комбината. Дом как дом — мало ли таких в Нижнем Тагиле. Так думает каждый, пока в это здание не попадет, пока не почувствует, что здесь, на всех четырех этажах, многие серьезные взрослые люди заботятся о будущем таких, как он.

И еще — о будущем металлургического комбината, который растет, развивается и всегда нуждается в умелых трудолюбивых рабочих руках.

Как наилучшим образом свести эти две идущие навстречу друг другу силы — молодежь, которая ищет свое место в жизни, и предприятие, всегда готовое предоставить богатый выбор этих самых мест?

Конечно, прежде всего надо учитывать склонности ребят к тому

или иному делу, а если таких склонностей пока нет, помочь выявить, даже пробудить их. С этой целью еще в восьмых классах подшефных школ комбината производится предварительный, пристрелочный опрос: «Кем хотел бы ты стать?»

А годом позднее эти же ребята, чуть подросшие, впервые переступают порог учебного цеха, расположенного в пристрое того самого четырехэтажного здания, о котором уже говорилось, и прежде всего попадают в центр профессиональной ориентации.

Вот они, шумливые, разноголодые, полные нерастроченной энергии, вместе с преподавателем входят в небольшой зал, с интересом и не без робости оглядывают необычную обстановку и постепенно умолкают, заранее настроившись на удивление.

Удивляться здесь есть чему. Воротами в будущее кажется многим обычная двусторчатая дверь в углу зала. Из нее, распахнувшейся автоматически, выезжает... робот и обращается к юным посетителям с сорокаминутным словом о комбинате, его цехах и производствах, дополняя рассказ появляющимися на экране кадрами. Ни фосфоресцирующие «глаза» рассказчика, ни его даже отдаленно не похожий на человеческий, жестяной какой-то

ВЫБОР

голос, ни чуть поднимающаяся в знак приветствия рука — ничто не ускользает от внимания ребят, сидящих буквально с раскрытыми ртами.

Но много ли можно сказать за сорок минут о громадном предприятии, на котором заняты десятки тысяч человек, одних профессий насчитывается почти пятьсот, а иные цеха стоят заводов? Конечно же, выступление необычного докладчика годится только для затравки, для того чтобы вызвать любопытство слушателей, дать им хоть уголком глаза заглянуть в совершенно неведомый мир крупного современного производства.

Завершается экскурсия «общением» с УРУ. За этим загадочно-пугающим названием скрывается вполне безобидная универсально-регистрационная установка — сравнительно небольшой металлический ящик, начиненный электроникой. Каждому из ребят, пришедших сюда, в центр профориентации, предлагается ответить на вопрос: что собираешься делать после окончания школы? Ответить не на словах, не на бумаге, а просто нажав одну из пяти кнопок, будто сделав первый, нерешительный еще шаг в том или ином направлении: «в институт», «в техникум», «в ПТУ», «на производство» и «не знаю».

— Разная бывает картина, — говорит заведующий кабинетом профориентации Владимир Евлампиевич Ашевский. — В некоторых классах больше половины нажимают на первую кнопку. А спроси, какой именно институт имеется в виду, — сплошь и рядом внятно сказать не могут. Часто сказывается влияние родителей, излишне оберегающих своих чад от черной работы. Не потому ли затвердили ребята едва ли не одно положение из Конституции насчет доступного каждому права на образование в соответствии со склонностями. А вот следующую строчку «и с учетом общественных потребностей», как видно, мимо сознания пропустили. Не знают, а порой и не хотят знать, что производству сейчас требуется в три раза больше работающих рук и светлых голов, чем могут принять все вузы страны. И не понимают пока, что даже средний, добросовестно

выполняющий свои обязанности рабочий больше пользы приносит, чем инженер или, скажем, экономист, который очертя голову, поддавшись моде, поступил в первый попавшийся институт, с грехом пополам окончил его, тянет кое-как давно опустылевшую служебную лямку и часто раскаивается в своем случайном, сгоряча сделанном выборе.

От таких вот случайностей, от того, чтобы каждый год еще несколько сотен ребят не вступало на неверную дорогу, не выростало в равнодушных к своему делу, хоть и дипломированных, специалистов и старается оберегать своих подопечных центр профориентации. Следующий вопрос, который «ставит» перед ними УРУ: что будешь делать, если не попадешь в институт? И тут уж другая песня слышится, часто преобладает в ней мотив: «пойду работать на производство» и добавляется: «учиться заочно в институте».

Из тех, у кого хватает выдержки и настойчивости, кто, не отступая, не боясь трудностей, берется за выполнение этой программы, выходят, как правило, специалисты высокого класса. Потому что в институты они поступают обладая уже кое-каким и производственным, и жизненным опытом.

И даже те, у кого недостает порогу на работу и заочную учебу, чаще всего в накладе не остаются. Овладевая той или иной специальностью, постигая ее тонкости, они вырастают в мастеров своего дела, в кадровых рабочих, которые дороже всякого золота ценятся на любом предприятии.

А начатки производственных навыков и те, и другие получают еще в школьных мастерских и углубляют их в старших классах, когда начинают работать в учебном цехе.

Чистая грязь?

Металлургический комбинат связывается в нашем представлении, прежде всего, с гигантскими, видимыми издали домнами, с огнедышащими мартенами и конверторами,

с грохочущими прокатными станами. Стоит вспомнить: каждый из этих агрегатов состоит из многих тысяч тщательнейшим образом подогнанных деталей. Износилась, вышла из строя одна какая-нибудь деталь в доменном, допустим, производстве и, если запасной сразу не нашлось, может выйти из строя одна из печей, а недостаток выдаваемого ею чугуна тотчас же вызовет перебои в работе мартеновского, конверторного, прокатных цехов.

Для того, чтобы бесперебойно действовали, выдавали необходимый для народного хозяйства металл основные цеха комбината, им необходимо много рабочих подсобных профессий — слесарей-ремонтников, токарей, электромонтеров, модельщиков. Их и готовит учебный цех, в частности, из старшекласников средних школ.

Каждую неделю приходят они в цех, сначала уясняют основы теории, а затем применяют только что полученные знания на практике, занимаются производительным трудом.

— А видели бы вы их полтора года назад, — не может сдержать улыбки мастер Людмила Сергеевна Казанцева. — От включенного станка, как от дикого зверя, шарахались. Деталь готовую двумя пальчиками брали, испачкаться боялись. И многие в один голос: «Кому это надо! Не буду ведь я токарем!» Немало труда пришлось нам положить, чтобы убедить: эта производственная грязь — чистая, легко смываемая, а вот меньше здесь, в цехе, приобретенное навсегда при них останется. Не мешок ведь с камнями, что к земле пригибает, а дело в руках, которое всегда пригодится в жизни.

В том, что не на ветер были брошены эти слова наставников, убеждаешься, когда видишь, как бережно, ласково берут начинающие токари готовые изделия, укладывают их в ряд. Не такого уж малого труда стоили каждому эти простенькие болтики, гайки или шпильки, которых ждут не дождутся в цехе широкополочных балок, в рельсобалочном или копровом. От одного этого, от сознания полезности своего труда человек взрослеет.

И конкурс не страшен!

Правда, нелегко придется ребятам, потому, прежде всего, что за неделю успевают отвыкнуть от станка и каждый раз надо вспоминать, восстанавливать полузабытые движения. Закрепить их помогает производственная практика, которая проводится в течение двух недель подряд в конце февраля и заканчивается трудовыми турнирами. Победители их освобождаются от экзаменов и получают ценные подарки. Главное же — им, как и успешно сдавшим экзамены, вручаются свидетельства о присвоении рабочих разрядов, обычно первого или второго. А документы эти открывают широкую дорогу в цеха комбината, где, конечно же, с большей охотой принимают молодежь, не вприглядку знакомую с производством.

После окончания занятий около мастера задержались три десятиклассницы. Одна решила поступить в фармацевтический институт, другая выбрала профессию швей-технолога, третья подумывает о строительной технике.

— В институте, конечно, конкурс, — рассуждает самая бойкая из тройки, Ольга Стрельникова. — Но если и не попаду сразу, можно поработать — не квалификация, так хоть специальность в руках есть.

Таков видимый сразу итог работы учебного цеха.

Почти тридцать лет жизни проработал в рельсобалке Василий Сергеевич Дергачев и, выйдя на пенсию, не усидел дома, пришел в учебный цех воспитывать подрастающую смену, будущих электромонтеров. И хоть никогда не изучал педагогику, результатам трудов его позавидуют многие дипломированные преподаватели.

Вспоминает об одном случае. «Объясняю материал, ребята слушают, записывают. Вдруг распаивается дверь и на пороге — Миша Зарубин, признанный заводила группы. Мало того, что опоздал на пятнадцать минут, еще и по рядам ходит, с каждым за руку здоровается, на меня — ноль внимания. Усадил я его, а когда остальные разошлись, отозвал его к себе в комнату, напомнил про деда его, награжденного орденом, которого по рельсобалке хорошо знал. Притих вроде, но срывы все же случались... Мать, должно быть, тревожилась, зашла как-то ко мне. Успокоил я ее, сказал, что все в порядке. Он, когда узнал, удивился, а я: «Надеюсь же на тебя, да у матери и без того забот хватает». Как подменили парня! Окончил он учебу в числе лучших. Отвел я его

и Сергея Матишина, такого же в прошлом сорванца, в цех. С месяц, наверно, прошло, встречаю как-то инженера оттуда: «Ну, золотых ребят прислали вы, Василий Сергеевич. Эти двое пятерых других стоят». Сейчас Матишин во флоте электриком, а Зарубин после армии вернулся в цех».

Подобные примеры не редки. Любой из мастеров может назвать недавних школьников, прошедших выучку здесь, в учебном цехе и успешно работающих ныне на металлургическом комбинате. И вместе с тем...

— Радоваться особенно нечему, — размышляет вслух Владимир Иванович Чичканов, заместитель начальника цеха. — Правда, и в процессе обучения не просто металл в стружку переводим, а снабжаем производство необходимыми, хоть и простейшими изделиями, такими, на которые труд квалифицированных рабочих тратить жаль. И худо-бедно, каждый год несколько десятков наших выпускников идет прямо на комбинат или в ПТУ по специальности, приобретенной здесь, в учебном цехе. Но таких пока меньшинство. А остальные? Могут и не подняться с первого этажа, из учебных классов, на второй, где отдел кадров находится. Зачастую недостаточно оказывается того прикосновения к профессии, что дает наш учебный цех. Прививать умение и желание трудиться надо не тогда, когда у наших воспитанников усы пробиваются начинают, а гораздо раньше, с малолетства. Впрочем, кое-что, немногого пока, но в этом отношении делается.

«Дошколята»

Старшеклассники, склонных посвящать себя работе в детских садах и яслях, называют «дошколятами». Странно выглядят они рядом с будущими токарями, слесарями, электромонтерами? Да, но только на первый взгляд. Ведь и через десятилетия комбинат будет испытывать потребность в кадрах. Причем в значительно более квалифицированных, чем сейчас, всесторонне развитых, умеющих делать то, о чем мы сегодня и представления, пожалуй, не имеем, владеющих многими профессиями, способных быстро переключаться с одного дела на другое. Воспитанием этих качеств в сегодняшних детсадовцах, несмышлянышах, только начинающих познавать мир, всерьез озабочено руководство учебного цеха, где специально для этого около двух лет назад и создан класс «дошколята».

Общеизвестно: основы знаний и умения закладываются в самом раннем возрасте, когда маленький

человек особенно восприимчив ко всему окружающему, когда мозг его еще не перегружен ненужной информацией, подобен чистому листу бумаги, на котором можно писать все что угодно.

Но что надо писать? Прежде всего, с учетом возрастных особенностей, вводя обучение в игру, развивать воображение, творческие способности в самом широком смысле слова, для начала давать самым маленьким представление о цвете, о геометрических фигурах, о счете. Этой цели подчинена, скажем, развивающая игра «Сложи узор», которую десятиклассницы — будущие воспитатели, делают, руководствуясь книгой такого известного всей стране авторитета, как инженер и «многодетный отец» Б. П. Никитин.

И тут же вышедшие из умелых рук учащихся простенькие, радующие глаз необычностью сочетаний поделки из шишек, соломы, спичечных коробков. Такие нынешним старшеклассникам, в недалеком будущем воспитателям дошкольных учреждений, предстоит мастерить при деятельнейшем участии их многоглазых подопечных. Конечно, не столько ради того, чтобы малыш пробуждал в себе творца, а чтобы, приложив свои ручки к материалу, убедился: и он может делать из простого, обычного нечто сложное, красивое и, главное, приносящее радость другим.

С этого, самого малого, и должно прививаться уважение к труду, пусть и не всегда приятному, но необходимому окружающим, начиная с расчистки двора от снега, работы в огороде или подклеивания истрепавшихся книжек. И, конечно, не случайно один из множества подготовленных учащихся альбомов открывается словами К. Д. Ушинского: «Воспитывать детей надо не для счастья, а для труда жизни, это и принесет им счастье».

Безусловно, не каждая из девочек пойдет работать в детский сад или ясли, некоторые изберут иной путь, но в любом случае знания и навыки, полученные здесь, в классе «дошколят», пригодятся. Хотя бы для воспитания будущих собственных детей.

Счастливого плавания!

«Эстафетность», стремление объединить, подчинить общей цели силы старшего и младшего поколений во имя будущего отличает работу всего коллектива преподавателей учебного цеха.

И не в последнюю очередь — работу Владимира Петровича Рембе-

за, по штатному расписанию преподавателя столярно-модельного дела.

Не так просто смастерить — выстругать, выточить, высверлить — деревянную модель, по которой потом будут отлиты металлические детали. И все же обучить только этому способен любой опытный рабочий-наставник.

А если посмотреть на дело шире, если призвать себе на помощь дремлющую в каждом подростке любознательность, дотошность, стремление докопаться до корней? Особенно применительно к материалу, с которым приходится сталкиваться ежедневно, — к дереву. Разве не интересно будет ребятам узнать о разных породах деревьев? Да что узнать — увидеть их, руками потрогать.

Зная о дереве намного больше, чем их сверстники, постоянно чувствуя отеческое какое-то внимание к своим запросам, начинающие модельщики и к учебе относятся с повышенным вниманием и вокруг преподавателя своего буквально выются. Причем не только в классе. Кое-кого из них можно видеть и в одной из подвальных комнат, где Рембез на общественных началах руководит судомодельным кружком. При входе в тесноватое помещение обращает внимание на себя большая модель крейсера «Аврора». Объем работы над ней свидетельствует цифра: состоит модель более чем из восьми тысяч деталей, разумеется, не только деревянных. Каждую надо сделать, подогнать... На помощь кружковцам, в основном четвероклассникам, приходят старшие ребята из групп слесарей, токарей.

И это еще не все. Каждое лето при клубе юного техника металлургического комбината Рембез собирает «ветеранов» из числа своих бывших воспитанников и строит с ними уже не модели, а настоящий корабль-двухмачтовик с полутораметровой осадкой, водоизмещением семь тонн, с двумя каютами, камбузом и всем, что необходимо всамделишному кораблю. Не один уже год длится эта эпопея и не нынче она будет завершена, учитывая всякого рода трудности: и материал добыть не всегда просто, и помехи случаются серьезные, и погода порой подводит — работы можно вести только летом. Хоть и выросли из кружка, даже с Тагилом расстались те, что начинали (кстати, один из них поступил в Арктическое училище, другой — в институт океанологии), но и они, поддерживающие со своим наставником постоянную связь, и пришедшая им на смену поросль юных кораблестроителей твердо уверены: кораблю быть и более того — отправиться в дальнее плавание. Маршрут разработан давно, но пока держится в секрете, достигнута договоренность с опытным штурма-

ном, не говоря уже о том, что и сам Владимир Петрович умеет управляться с парусом. Более того, установилась дружба с «самим» Ю. А. Сенкевичем, который на присланном ему чертеже корабля написал: «С удовольствием отправился бы с вами в плавание».

Но как возникла такая мечта в сугубо сухопутном Нижнем Тагиле, где о морских просторах может напоминать только городской пруд? Как и следует ожидать, все началось с Рембеза. В юности он бредил морем, да не вышло, не сбылось задуманное. И, окончив местный индустриально-педагогический техникум, прорисовав душой к ребятам, решил хоть им передать то, что сам узнал, изучил, но не смог воплотить в жизнь. Передает, как видно, успешно, как и они, верит в осуществление самых дерзких планов, но видит в этом не столько цель, сколько средство.

Не только умение

Да, средство, с помощью которого можно привлечь ребят к полезному делу, привить им способность не только уноситься мечтой вдаль, но и собственноручно эту мечту творить, приближать, сделать средством воспитания просто хороших людей — смелых, умелых, не боящихся никакой работы.

Никакой! Порой заместитель начальника учебного цеха В. И. Чичканов даже «жалуется» на Рембеза. Придет-де и чуть не со слезой в голосе просит: «Разрешите снять ребят с урока, материал для корабля пришел, срочно разгрузить надо. Наверстаем потом». И ребята, думаете, против? Какое там, хоть разгрузка, сами понимаете, не разминка какая-нибудь. Или — ожидали однажды представителя Академии педагогических наук, узнали о его приезде поздновато, а показать работу хотелось. Надо было срочно выкопать яму для устройства стапеля. Дело не из самых веселых, тем более, что на дворе время предосеннее, грязь страшная. Но копали именно весело, дружно, с доброй яростью. Управились вовремя.

На площади перед управлением металлургического комбината, высятся памятник В. И. Ленину, обращенный в сторону того самого здания, в котором размещен учебный цех. Кажется, движением простертой руки Ильич напутствует сегодняшнюю, вступающую в жизнь молодежь никогда не стареющими словами: «Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда...»

ЗАВОД ЗАВОДОВ — ЮНЫМ

Ветераны Уралмаша вспоминают такой факт. Однажды директор строительства «завода заводов» Банников попросил свою молодую помощницу выяснить, не пришел ли на площадку экскаватор. Она быстро справилась с поручением и ответила: — Товарищ Экскаватор еще не явился.

Конечно, нынешние юные уралмашевцы (а их в заводском поселке — десятки тысяч) хорошо знают, что экскаватор — это не человек, а машина. Они так подкованы в технике, что сейчас даже помогают своим отцам. Школьники поселка стали соавторами рабочего коллектива в решении практических задач.

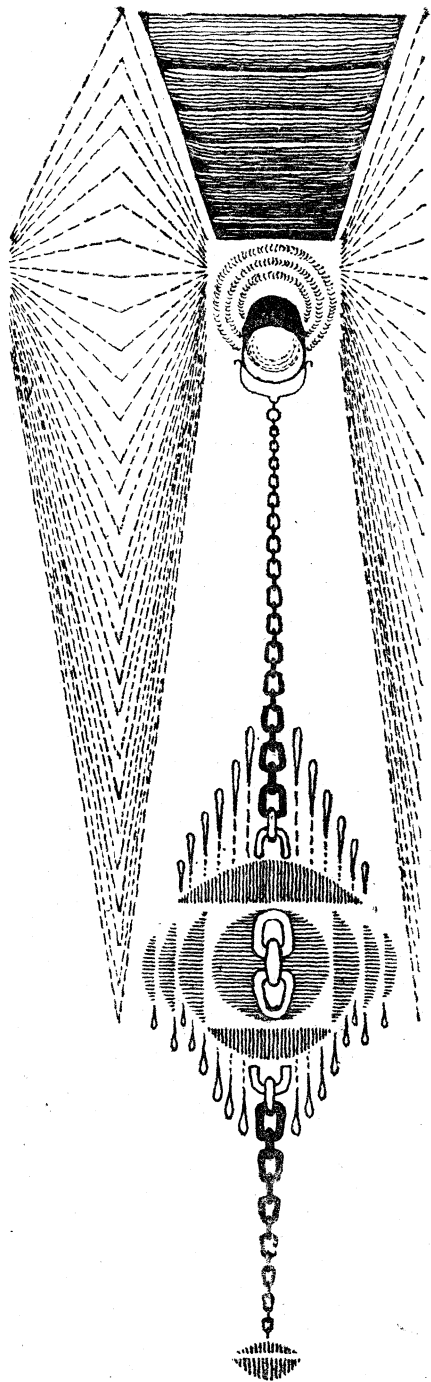
Совместно инженеры Уралмаша и подростки спроектировали, например, универсальный верстак для слесарных, столярных и электротехнических работ, наладили, выполняя заказы школ и профтехучилищ, его серийный выпуск. Фирменный знак этого изделия — «Свердловск. Уралмашзавод. УПК № 1» — подчеркивает реальность делового и творческого союза. Еще более убедительно выглядит факт регистрации в заводском бюро рационализации и изобретательства предложений школьников. Годовая экономия от предложений юных изобретателей составляет сотни рублей. В школе № 100 было разработано, в частности, приспособление для высокоточной нарезки внутренней резьбы в сложных деталях, благодаря чему производительность труда на операции увеличилась вдвое.

Центр трудового воспитания школьников уралмашевского поселка — учебно-производственный комбинат № 1. Комбинат и завод действуют по единому комплексному плану, которым предусмотрено непосредственное участие производственников в обучении подростков массовым рабочим профессиям. Завод создал в комбинате учебное общественное конструкторское бюро. Вместе с учеными-психологами из Уральского государственного университета уралмашевцы помогают подросткам в выборе профессии, — на заводе открыта специальная лаборатория профориентации.

Участвуя в серьезных практических делах, более трети подростков уралмашевского завода и УПК находят свое место в жизни. Закончив школу, они совершенствуются в профессии, которую помог выбрать завод.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Улыбаюсь

Валентина СЛЯДНЕВА

* * *

Колодцу, может, триста лет.
Блеснул морёный дуб осклизло,
И гроыхнула цепь, и свет
Тугим пучком ударил снизу.

И на ладонь упала ржа —
Цепь тоже славно послужила!
О, как ты редко приезжал
Туда, где мать к тебе спешила!

И ты так верил, что вокруг
Все будет ясно и нетленно...
И пред колодцем этим вдруг,
Вздыхнув, ты преклонил колено.

* * *

Яблоки-дички поздние
Будем рвать с тобой гроздьями,

Терпкий сок вкусив, — жмуриться,
Допоздна считать — улицы...

Яблоки-дички стужей
Налиты опять сладкою,

Музыку снегов слушаю.
Подошла зима. Рад ты ей?

С кем ты рвешь теперь гроздьями
Яблоки-дички поздние?

Ах, они скользят льдинками,
По губам скользят льдинками...

* * *

В поле и чисто и голо.
Мчалась я тут на коне...
Перепелиное соло
Сверху упало ко мне.

Рядом былинка качнулась
И пробежал муравей,
Словно бы лето очнулось
Маленькой каплей своей.

Как было не удивиться
Птице, запевшей не в срок?
Видимо, ведомо птице,
Что мне
Родной уголок.

* * *

...С улыбкою мною
Травинка надкушена горькая.
Спасибо, любовь,
Не часы ты нам даришь —
Мгновения!
К Цветному бульвару иду
И на улицу Горького,
И мелкого дождика
Слушаю я откровения.

Спасибо, любовь,
Что меня научила печалиться!
И что подарила мне сказку
На правду похожую...
Спасибо за август,
Который во мне не кончается,
За это молчанье,
Спугнувшее фразу расхожую!

Лебеди

По холсту голубень и марево,
Белый лебедь и красна девица...
И в Надежде и в Старо-Марьевке
На художника все надеются.

— Ах, какой молодец! Задёшево
Продает нам все краски летние...
И у нас, где подушки с прошвами,
По водице поплыли лебеди.

грянувшему маю...

Я их глажу, перышки трогаю,
И молчат они, безответные...
И отец мой, и мать растроганы,
Что мечты у меня разноцветные.

* * *

Окна мою чистою водой,
Улыбаюсь грянувшему маю,
На все лето в дом свой на постой
Звонкий день, ядреный день впускаю.

Горизонт в окне — на три версты,
Сад в цвету и пол моей округи,
И сменяют в том окне посты
До ночи веселые подруги.

«А всего-то,— щурясь, скажет мать,
Из окна кивнув кому-то: «Здрасьте!» —
Рукава повыше закатать
Да и смыть
Все то, что мир наш застит!»

**Александр
СТАРОВОЙТОВ**

Глупый Игнат

Про Синичкина Игната
Неспроста идет молва,
Будто он сдружился с Натой
Из второго класса «А».

Говорят девчонки: «Странно!..
Взял и предал целый класс...
Нет, чтоб выбрал нашу Жанну —
Лучше Натки в тыщу раз!

Несомненно у Синички
Ветер веет в голове —
Жанна может на реснички
Положить четыре спички,
А Наташка только две!»

* * *

Братцы! Я в деревню еду,
Далекуще-далеко!
В гости к бабушке и деду
Пить парное молоко.

Эх, какое там раздолье!
Не ругается никто.
А под домом есть подполье —
В нем варенья — банок сто!

Только главное не в этом.
Говорю, чтоб знали все:
Босиком в деревне летом
Можно бегать по росе.

Значит, так...

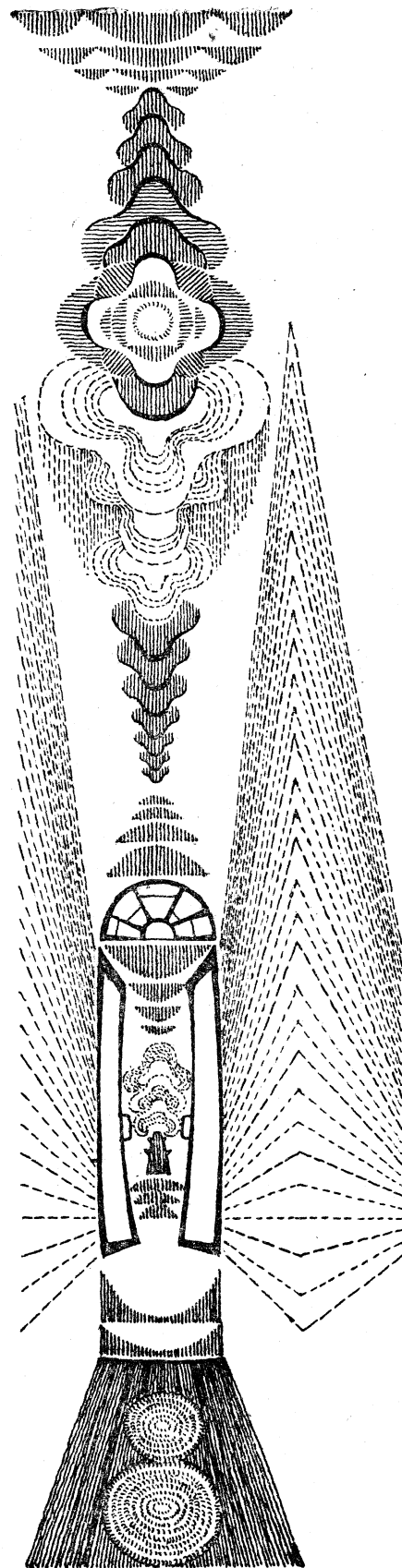
Значит, так, вдвоем с братаном,
Взявшись за руки, идем,
Значит, так, по общим планам
На лужайке строить дом.

Значит, так, пришли на место,
Говорю братану: «Строй!
Я теперь — начальник треста
И команду тобой!»

«Значит, так?» — кричит мне Мишка.
Отвечаю: «Значит, так!»,
Позабыв, что у братишки
Тренированный кулак.

А еще он громко плачет,
Если сдачу сдашь ему.
Значит, так, придется, значит,
Быть рабочим самому.

Рисунки
В. Меринова

● «Следопыт великого подвига» — так называется поисковый клуб 2-й школы украинского города Бровары. Ребята собирают материалы о юных героях Великой Отечественной войны. 1012 имен зарегистрировано следопытами клуба.

● Новая традиция — праздновать день улицы — рождена учащимися московской школы № 141, в которой создан музей Рихарда Зорге. Сотни людей посещают в этот день тихую комнату в школе на улице Зорге. Копия рации, уникальные фотографии и документы рассказывают о жизни и подвиге легендарного разведчика, о его соратниках по работе.

● 100-тысячный посетитель зарегистрирован в народном музее славы школы № 4 белорусского города Слонима, ведущем поиск бывших партизан. По инициативе следопытов школы горсовет присвоил улицам города имена командиров партизанских соединений и отважных советских партизан.

● Образцы древних пород, остатки вымерших животных, гербарии — так и должен выглядеть любой музей природы. Только в музее 31-й школы Ульяновска эти экспонаты — редчайшие, уникальные, так считают многие крупные ученые, знакомые с его экспозицией. Музеем руководит учитель С. Е. Бирюков.

● В Московском институте инженеров землеустройства торжественно открыт монумент памяти погибшим студентам и преподавателям вуза. Имена героев, отдавших жизнь за Родину, установлены группой «Поиск». Проект монумента спроектирован студентами архитектурного факультета, а воздвигнут он студенческим строительным отрядом.

● На окраине литовского города Молайта, у соснового леса, вырос мемориальный комплекс. Золотыми буквами на гранитных плитах вписаны имена 153 советских воинов, погибших при освобождении района от немецко-фашистских захватчиков, — эти имена установлены следопытами края.

● Новый зал открыт в народном музее Кадуийской средней школы № 1 Вологодской области. Его экспонаты рассказывают об истории создания и о сегодняшнем дне Череповецкой ГРЭС.

● В школе № 15 города Андижана создан музей атеизма. Его экспозицию составляют экспонаты, представляющие эволюцию жизни на земле, книги и брошюры по атеизму. Здесь же — паранджа, чичван и другие предметы местного культа, документы, рассказывающие о борьбе за освобождение женщин. Музей создан под руководством учительницы биологии Састурохон Якубовой.

● Собрали... ДИВИЗИЮ

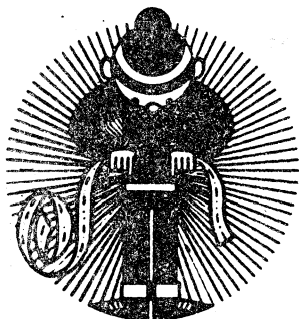
Началось все с самого обыкновенного снимка военных лет. На фотографии был изображен самолет с надписью на борту «Мещовский колхозник». Воркутинские следопыты прежде всего заглянули в энциклопедию, выяснили, что Мещовский район есть в Калужской области. Написали туда письмо...

Едва городок Мещовск был освобожден от гитлеровских захватчиков, его жители начали собирать деньги на постройку тяжелых бомбардировщиков. В 1944 году десять самолетов Ту-2 были переданы лучшей эскадрилье 113-й авиадивизии. Один из них и был изображен на фотоснимке...

Восьмой год ведут поиск следопыты 3-й и 35-й школ Воркуты. Когда-то по их инициативе в сквере возле Большого театра в Москве встретились бывшие летчики эскадрильи — их было не больше десятка. Потом, в Мещовск, их приехало уже девятнадцать — тех, кто летал в эскадрилье «Мещовский колхозник»...

А в воркутинские школы все шли и шли письма от бывших ветеранов всех трех полков дивизии...

Так ребята заочно собрали всю дивизию. Многие из ее ветеранов уже побывали в гостях у воркутинских следопытов.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

Как поспешно теперь расстаются с бытовыми вещами, чтобы незамедлительно купить другие, более модные (не менее стремительно обновляется и мир техники). И это — не житейское наблюдение, а научный факт. Психологию экспресс-потребления изучают социологи и экономисты.

Однако, думается, и тут есть место для поправки: нынешние люди — это также и поколение собирателей. Причем — энергичнейших. Ведь чем быстрее одни выбрасывают, тем изобретательнее другие должны собирать. Разумеется, коллекционерский бум — явление многослойное. Активное собирательство — очевидно, это и реакция на удручающую стандартизацию жилищ. Предметы старины придают квартире индивидуальные черты. Наконец, по-видимому, существует некая цикличность в обострении интереса к прошлому. В конце минувшего — начале нынешнего века происходило то же самое. По силе чувств, а не по размаху дела, конечно, сравнимы эти периоды.

Если есть теории потребления-выбрасывания, то нет теорий любительского собирательства. Посему заранее просим быть снисходительными к только что высказанным умозаключениям, к попытке теоретизировать... Так или иначе, но мы с вами — свидетели и участники невиданного в отечественной истории массового собирательства. Не хотелось бы при этом оставаться равнодушным свидетелем и пассивным участником. Мы открываем на страницах нашего журнала, у которого одно из главных направлений — красведение, новую рубрику «Клуб собирателей».

Первая публикация — заметки собирателя русских старопечатных книг и произведений древнерусского искусства. Мы могли бы, впрочем, с той же готовностью предоставить первое слово и филателисту, и фалеристу, и нумизмату, и тому, кто коллекционирует самовары или оловянных солдатиков. Тут нет и не должно быть дискриминации. Собиратели все равны и ответственны перед нашей культурой. Автор заметок «Из прошлого в будущее» рассказывает не только о своем любимом виде коллекционирования, но и ставит — порою спорно — общие проблемы собирательства. Вот в этом-то духе мы и постараемся вести наш «Клуб». Будем давать не столько информационные материалы (кто-то где-то собрал такие-то вещи), сколько предлагать вашему вниманию проблемные очерки. Право же, интереснее не инвентаризация личных сокровищ российских собирателей, а анализ этого общественного явления — коллекционирования.

Коллекционеры собирают не просто предметы, но коллективную память о прошлом. Для того, чтобы обогатить этой памятью настоящее и будущее. Каждый начинающий собиратель (мы бы хотели ему в этом помочь) должен учиться в какой-то степени и личному мужеству: надо думать не о накоплении необычного и престижного имущества, не о тайном взращивании тщеславия, а помнить и о современниках, и о наследниках-потомках. Им все наши труды! Только с таким душевным настроем можно, выстраивая коллекцию, «выстроить» также и самого себя, то есть сделать свою жизнь одухотвореннее. Тогда увлечение обретет смысл. У книги, к примеру, есть, очевидно, и нравственное, и интеллектуальное содержание. А есть ли у старинного самовара какой-либо внутренний смысл? Иной, чем у книги, но есть. Скажем, его красота. Она не бездуховна. Да если еще и собиратель «водогрейных сосудов» станет по-исследовательски вглядываться в историю русской жизни, быта, то он найдет немало работы для ума. Тут уж «самоварщику» без любви к книгам будет не обойтись. Так от страстного коллекционирования некоторые собиратели переходят к увлекательной исследовательской работе, к науке. А если учесть, что теперь коллекционирование стало демократичным (и это одно из завоеваний нашего общества) и многогранным, то у пытливых собирателей есть прямая возможность помочь науке в том, до чего у нее руки не доходят. Собиратели-исследователи — верные помощники ученых и музеев. Они — основатели новых и новых музеев. Например, уральский землеустроитель Иван Данилович Самойлов (наш журнал о нем уже писал) собрал образцы бытовой народной живописи и создал единственный в стране такого рода музей.

«Ничто не обнаруживает с такой беспощадностью невежество и претензию, как безграмотно собранная коллекция», — написала однажды проникновенная писательница Татьяна Тэсс. Добавим, что если при этом человека жгла недобрая страсть, то да, не восхищает, а тревожит такое собирательство. А коли добрая ведет страсть, то, вероятно, человек найдет в себе силы самообразоваться. Надеемся, что «Клуб собирателей» поможет и таким людям.

Нет сомнения, что собиратели — большая сила, оберегающая разбрасываемые по небрежению или по иным причинам частицы отечественной культуры. Собирательство — патриотическая работа для тысяч людей, работа, воспитывающая и возвышающая их души.

Итак, милости просим в наш «Клуб собирателей!» Пишите о проблемах коллекционирования, о себе, о товарищах. Не скупитесь на советы. Сообща, «миром» будем стараться делать «Клуб» интересным и полезным.

ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Юрий
РЯЗАНОВ

Кто, что и зачем собирает

Прежде заглянем в словарь современного русского языка: коллекционерство — собирание коллекций как занятие, страсть к коллекционированию. Коллекционер — собиратель коллекций. Определение, прямо скажем, не отличается полнотой. Коллекция — систематизированное собрание однородных предметов. Собиратель занимается сбором, собиранием «чего-либо». Вроде бы — разницы между понятиями «коллекционер» и «собиратель» нет? Откроем еще БСЭ: «Коллекционирование предполагает выявление, сбор, изучение, систематизацию материалов, чем оно принципиально отличается от простого собирательства». Значит, коллекционирование — собирательство с исследовательской задачей. Это тоже важно уяснить, чтобы определить место коллекционера в жизни общества.

Чего только нынче не собирают! Коллекционируют вырезки из газет и журналов, изделия из оленьего рога, часы, пряники, самовары, редкие издания и древние рукописи, экслибрисы, этикетки с пивных и прочих бутылок, ключи, патефоны и граммофоны, почтовые марки и конверты, резные деревянные маски, медные и другие пуговицы, фотографии, парадные воинские доспехи, шлемы, кольчуги, образцы «горячего» оружия, корневища и сучки деревьев, монеты, морские раковины, лотерейные билеты и денежные купюры, спичечные этикетки, кактусы, аквариумы, значки, автографы писателей, чемоданы, ордена, медали и знаки отличия, календари, афиши, грампластинки, изображения гербов, курительные трубки и пачки из-под папирос, сигарет и сигар, даже описания небесных молний... Можно и дальше продолжить перечисление предметов коллекционирования.

Коллекционирование, как известно, делится на научное, учебное и любительское. Любительские коллекции создаются и с серьезными профессиональными целями. В га-

зетной заметке «О чем поют ракушки?» читаем: «Интересной находкой пополнился домашний музей калининградского ученого — кандидата биологических наук Р. Буруковского. Ученый привез из последнего научного рейса в Атлантику редкий экземпляр морской раковины верметуса, которая высоко ценится специалистами». Коллекция имеет большой познавательный интерес. Слушая рассказы ученого, гости попадают в мир легенд и древних мифов. Квартира превратилась в музей, открытый для всех желающих: школьников, студентов, ученых. Именно как результат большой собирательской работы оценивает автор заметки изданную книгу Р. Буруковского «О чем поют ракушки?», стотысячный тираж которой разошелся мгновенно.

Естественно желание коллекционера общаться не только с товарищами по увлечению, но поделиться знаниями со всеми, у кого интерес к истории и культуре. В таком общении — большой просветительский смысл. Вот фалерист М. Ромашов из Нижнего Тагила, собирающий значки Ленинианы. Его собранием восхищались жители Нижнего Тагила, Казани, Ярославля и других городов...

Громадную пользу коллекционирования познали не только сами собиратели. Вот высказывание академика, Героя Социалистического Труда А. И. Опарина: «Я никогда не собирал почтовые марки, но филателию считаю далеко не пустым занятием. Она воспитывает в человеке вкус и способствует общению и взаимопониманию между людьми различных стран. Да, разных стран! Недаром коллекционерство называют лекарством от одиночества».

Для одних коллекционирование — отдых от основной работы, для других — самая любимая и основная, по сути дела, работа, призвание.

Многие коллекционеры, очень знаменитые или вовсе неизвестные современникам, не забыты потомками только благодаря своим увлечениям. Коллекционирование было и осталось занятием многих выдающихся деятелей культуры. П. Д. Корин, русский советский

художник, Ф. Плюшкин, псковский купец, К. С. Станиславский, актер и театральный деятель, М. И. Тихомиров, академик, историк, П. М. и С. М. Третьяковы, А. А. Бахрушин, М. К. Тенишева. Именитые коллекционеры, чьи собрания послужили основой создания новых музеев или обогатили уже существующие.

Передко и сейчас музеи возникают на основе материалов, собранных коллекционерами.

Разумеется, невозможно перечислить всех даже очень известных коллекционеров. И тематические варианты собирательства безграничны. Среди моих знакомых был профессиональный фотограф — страстный любитель поддужных колокольчиков. У него в квартире висело более ста колокольцев и бубенцов, и даже коровьи ботала. Отворили дверь — раздался оповещающий, громкий, мелодичный и долго не затухающий звук почтового колокола. Сел в кресло — звень! — вас приветствует серебряный голосок малютки-колокольчика; хозяин открыл створку книжного шкафа — нежный перезвон грозди колокольцев, закрепленных на общей ножке.

Этот фотограф, между прочим, не единственный известный мне любитель колокольчих звонов. (Не знаю, как их назвать точнее, филологи еще не придумали соответствующий термин).

Причины, побуждающие к личному коллекционированию, очень разнообразны. От почти несознательного желания («Мне это нравится»), от бессистемного, случайного собирательства («Попадалось, вот и брал, не пропадать же добру») до строго продуманного и ограниченного темой подбора экспонатов большого общественного и даже государственного значения. Берутся за собирательство и от нежелания или неумения заняться чем-нибудь другим, более подходящим, а также из любопытства, алчности, для легкой наживы, накопительства, из желания прославиться, из профессиональных интересов, чтобы спасти гибнущие ценности или уберечь их от исчезновения. Существуют и «всеядные» коллекционеры, с трудолюбием муравьев стаскивающие в свои закрома всякую всячину. Та-

кое коллекционирование похоже на детскую забаву, хотя увлечены им бывают весьма солидные люди. Зная я и таких, кто с азартом гонялся за любимыми редкостями, чтобы состоять при них на зависть всем. Если к взрослым коллекционерам, обуреваемым этим недугом, я научился относиться как к хронически больным (в сущности, они таковыми и являются), то подростки, стремящиеся непременно, любимыми средствами и способами присвоить к своей коллекции редкую марку или монету, меня беспокоили. Кто вырастет из этого юноши, у которого во рту пересохло при виде желанного объекта для своей коллекции? Недавно я прочел корреспонденцию под рубрикой «Педагогические раздумья», напечатанную в областной газете. Суть такова: девятиклассник одной из свердловских школ, юноша по всем статьям поведения в высшей степени воспитанный, таким, по крайней мере, его считали окружающие, убил с целью ограбления пожилого женщину, соседку по дому. Он похитил предметы домашней утвари из серебра, чтобы в клубе коллекционеров обменять на монеты — юноша увлекался нумизматикой. Этот случай доказывает, что коллекционерство нуждается в профилактической нравственной «дезинфекции» — вирусы стяжательства и других пороков опасны в собирательстве. И этой проблеме мы постараемся уделить должное внимание.

Хотелось бы подробнее рассказать и о собирателях произведений древнерусской живописи, мелкой пластики, рукописных и старопечатных книг кирилловского шрифта. Этот вид коллекционирования в последние годы стал весьма распространенным. Едва ли не в любом районном центре Урала (да и Сибири тоже) обязательно найдется один или несколько энтузиастов, в собраниях которых наряду с различными предметами старины находятся иконы и — реже — древние книги. Встречаются собиратели, которых ничто, кроме икон или книг, не интересует.

Кто они, с какой целью и каким образом пополняют свои собрания, как намерены в дальнейшем распорядиться накопленными богатствами? Эти вопросы и волнуют общественность и музеи. И самим коллекционерам судьба их собраний далеко не безразлична. Более десяти лет назад, в самом начале увлечения коллекционированием, мною овладела какая-то смутная тревога. Это сработало «предохранитель». Разобравшись, пришел к выводу, что ослабил над собой контроль, уступая горячке собирательства. Я хорошо знал, насколько опасно, даже губительно поддаться бесконтрольному коллекционерскому азарту,

который сродни картежному. Я обрел уверенность только тогда, когда осознал ясно цель: для чего и для кого приобретают ценные rarities. Для себя и для других, сказал я себе, ради того, чтобы прекрасные памятники нашей древней культуры не гибли, не исчезали неизвестно куда, а увеличивали и расширяли силу своего облагораживающего влияния на моих соотечественников и особенно на молодежь, кому все эти материальные и духовные ценности перейдут по наследству!

Минует время, и забудется, что судьба многих сокровищ, выставленных в музейных витринах, некогда складывалась драматично и уцелели они лишь благодаря самоотверженности настоящих коллекционеров, людей бескорыстных и скромных, которые все напасти и лишения переносят стойко и молчаливо — ради высокой цели. И как тут не вспомнить Владимира Павловича Бирюкова, выдающегося уральца-краеведа, — он до конца дней своих собирал все, что относилось к материальной и духовной жизни его поколения и прошлых эпох, создал колоссальный архив, который и до сего дня еще не освоен. Владимир Павлович отлично знал, зачем и для кого он коллекционирует, — для потомков.

При жизни же его очень многие не понимали как коллекционера. Но время показало, кто был прав: Бирюков обладал редким даром видеть и отличать подлинно вечные ценности от сиюминутных поделок и имел мужество до конца идти своей дорогой.

В основе истинного, бескорыстного собирательства лежит патриотизм. Именно чувство патриотизма проявляется в возрастающем интересе к славной истории и великому культурному наследию минувших веков, революционным и героическим событиям советской эпохи.

Коллекционеры и хищники

Меня всегда восхищала скромность и преданность своему делу истинных коллекционеров. Однако далеко не все верят в их добрые намерения, благородную цель: добыть, сохранить, изучить и пропагандировать исторические и культурные ценности нашей Родины.

Почему такое неблагоприятное, оскорбительное отношение возникает к собирателям? Пока я коллекционировал для себя и не скрывал этого (а что тут зазорного?), ничто не вызывало, по крайней мере внешне, подозрений ко мне и моему увле-

чению. Но когда в результате сложной внутренней, душевной работы совершил открытие громадной важности — самое лучшее, значительное из накопленного должен (должен, и все тут!) передать в музей, то почувствовал, что поначалу друзья-коллекционеры стали ко мне относиться с недоверием. Кто-то из них прямо говорил мне: финтишь! Кто-то, не умея объяснить иначе, пустил шепоток, что меня «прижала» за какие-то прегрешения милиция, посему я «принужден» совершить благородный поступок. Когда этот слушок выдохся, то поспедали другие вымыслы и домыслы, один другого нелепее. Частенько меня спрашивали, правда ли, что я собираюсь «бесплатно сдать» коллекцию в музей, смотрели на меня как на «физика», сочувствовали — ведь коллекция древних книг была признана ценной даже археографами.

Удалось-таки в 1975 году заключить договор с одним музеем. В экспозицию приняли полтора десятка лучших икон из собрания. А где-то года через два убедил сотрудников того же музея открыть небольшую выставку древних русских книг, несмотря на то, что чей-то злой язык широко и упорно распространял глупую выдумку: он хочет-де организовать под видом экспозиции «читальню для верующих». Сколько пришлось мне доказывать, что искусство графического оформления древних книг отнюдь не пропаганда религии и что столь злой цели ни субъективно, ни объективно не преследую.

Музей согласился принять 25 книг. Я уговорил принять полный комплект XVI—XIX вв. — 27 томов рукописей и отпечатанных кирилловским шрифтом.

Иконы и книги вошли в экспозицию и пользовались, как я видел, устойчивым и хорошим успехом у посетителей музея.

Признаюсь, однако, что неверие в мою искренность, бескорыстие и тем более нелепые подозрения переживал болезненно. Самое обидное — чувствовал себя бессильным доказать правоту. Но такое отношение к моему решению распорядиться частью коллекции все же не сбilo с избранного пути. Возможно, пришлось бы еще труднее, если бы не поддержка тех, кто мне верил и кто также считал необходимым всемерно сохранять культурное наследие прошлого, понимал значение этого наследия в воспитании патриотизма. Но...

— Поймите, — поучал меня один старший товарищ, — что, пропагандируя церковные книги и иконы, вы объективно распространяете религиозные настроения, подогреваете интерес к богу и прочей чертовщине...

Мы не могли понять друг друга, ибо говорили о разных предметах, даже называли его не одинаково, а ведь предмет был один — древнерусское искусство.

...Это произошло в музее. В ту счастлившую минуту во мне что-то дрогнуло, словно какая-то членица истончилась, и я смутно не то что увидел, а почувствовал красоту иконописи, пока только внешнюю, красочную ее сторону. И потянулся к этому виду живописи, сам еще четко не понимая почему.

Не скрою, многое в древнерусской живописи оставалось непонятным, да еще и сейчас не вправе утверждать: в иконе понимаю все. Высокие помыслы, прекрасные чувства в иконописных изображениях часто скрыты — и глубоко — под вроде бы бесстрастными выражениями ликов. Иконопись — глубинная живопись. Лаконичность и музыкальность ее меня изумляют и радуют. Великие произведения Андрея Рублева с другими шедеврами в музеях Москвы, Суздалья, Владимира меня буквально ошеломили.

Так что коллекционирование мною произведений древнерусской живописи возникло вовсе не случайно. Приобретая очередную икону, я искал в ней животворный источник духовности. Лучшие произведения древнерусской живописи учат доброте, вере в нее как начало начал Человека, вере в победу в борьбе со злом.

До сих пор удивляюсь неотражимости воздействия иконописи. Ее проникновенность я назвал бы сквозной, несмотря на относительную условность изображения. Видимо, этим свойством иконописи обязана абсолютной, предельной искренности чувств самого художника, профильтрованных через целомудренную душу, ведь он свято, безгранично верил в то, что изображал; для него сказочный вымысел религиозных сюжетов был не менее реальным, чем та жизнь, которая его окружала, а в чем-то выше ее. Поэтому образы святых выходили из-под кисти иконографа незамутненными даже легкой тенью змеяго, брэнного существования, они светились не только золотом и чистыми красками, но и особенной радостью — в них ликовала душа человеческая, весь ее прекрасный, вознесенный над житейской обыденностью мир.

Коллекционером я стал в 1963 году. В городском клубе филателистов встречались по субботам не одни собиратели марок, но и нумизматы, библиофилы, фалеристы, бонисты... Формально все мы состояли во Всесоюзном обществе филателистов, имели соответствующие

членские билеты и платили взносы. Кое-кто из нефилателистов даже классеры завел и приносил на клубные собрания — для видимости, чтобы не выгнали. А иные собирали и марки, чтобы иметь обменный фонд. Словом, приспособились.

Несколько лет спустя библиофилы, объединившись в общество книголюбов, перебрались в другой Дворец культуры. Коллекционерам прочих направлений суждено было не расставаться с филателистами, хотя неоднократно совершались попытки избавиться от нараждавшихся, как грибы, секций. «Иконошников» оставили с условием, что они не будут приносить на клубные собрания ничего, а только встречаться. Мы вынужденно приняли ультиматум. А недавно в одной публикации на моральную тему вычитал следующее: «...в ноябре прошлого года секцию филофонистов при московском отделении ВОФ закрыли из-за решения ВОФ о прекращении работы всех нефилателистических отделений общества, и все, кто в ней занимался, остались не у дел».

Спрашивается, куда теперь деваться коллекционерам-нефилателистам? Опять все они оказались как бы на нелегальном положении.

Обычно «отречение» филателистов от «непрофильных» коллекционеров происходит после очередного скандального дела или судебного процесса, в которых эти «непрофильные» оказываются замешанными. К сожалению, такое случается. Но вместо того, чтобы учесть печальный опыт и наладить контроль в секции, где произошло ЧП, руководители филателистических клубов фактически изгоняют всех чохом, ставя им в начет проступок одного или нескольких коллекционеров, а чаще лишь выдававших себя за таковых.

Отвергнутые, разобщенные, лишенные единого руководства, коллекционеры чаще и легче становятся жертвами напористых хищников, не признающих ни нравственных норм, ни даже законов. Получается своеобразный порочный круг, из которого вроде бы и выхода нет.

Рамки журнальной статьи не дают возможности проиллюстрировать каждую проблему примерами из жизни. Положительных примеров мне, как каждому коллекционеру, известно множество. На них советское собирательство и зиждется. Но, наверное, любой из коллекционеров не затруднится назвать хотя бы несколько случаев, когда кто-то из его знакомых или просто коллег по увлечению преступил закон если не уголовного, то неписаного нравственного кодекса собирательства. Особенно под-

вержены произволу обмена. В этой, чуть ли не основной форме пополнения частных коллекций имеется множество лазеек для ловкачей и спекулянтов, этих паразитов на собирательстве.

Однажды я попытался распутать клубок с неравноценным обменом. Ничего у меня не получилось. Икона сменила нескольких владельцев, переходя из рук в руки, то за очень низкую, то за необоснованно высокую мзду. Все участники обменов остались довольны, и лишь я, собиравший именно иконы, не смог ее приобрести из-за непомерно вздутой цены. Так и отступился. Попала она к оборотистому нумизмату, и тот загреб за нее кучу денег. После, втихомолку, не спеша, продал ее по цене заморского аукционного каталога — в нашей стране, увы, каталоги-ценники не выпускаются.

Не раз я открыто возмущался на собраниях клуба: почему коллекционеры мирятся со спекуляцией? Почему не гнушаются продавать друг другу предметы явно с целью наживы? Мне «доказывали», что на собирательство нельзя же слепо переносить правила повседневной жизни, дескать, то, что за пределами клуба и может пониматься как спекуляция, здесь — всего-навсего накопление коллекционерских оборотных средств. Помнится, тогда я очень сожалел, что нет официального кодекса собирательства — кодекса чести коллекционера.

В нашей секции, тем не менее, с самого начала были приняты правила честного отношения коллекционеров друг к другу и к владельцам, у которых приобретались иконы или книги кирилловского шрифта. Мы отбросили традиционный прием сокрытия источника приобретения, каждый обязан был рассказать, где, у кого и за какую сумму приобретен новый экспонат. При обменах между собой мы как бы обязывались не брать больше того, во что обошелся предмет владельцу. Не было у нас и случаев торгашеского охаивания объектов из чужой коллекции с целью сбить, снизить их стоимость. Любой из нас знал все атрибуционные данные, которые удавалось установить.

Так продолжалось, пока не наступил коллекционерский бум. Сразу вдруг появилось много желающих собирать произведения древнерусской живописи и мелкой пластики. Среди «новичков» оказались и такие, кто не только нарушал наши правила, но открыто проповедовал «бизнесменство», то есть спекуляцию. Цинично об этом заявил некий Булыжников. Символическое изгнание его из секции не принесло желанного результата. Булыга (так окрестили его в клубе) и его однодельцы энергично обескровли-

вали личные коллекции, выманивая за более высокую мзду самые лучшие и ценные предметы. «Бизнесмены» завязали многочисленные знакомства и стали скупать для столичных подпольных «фирм» иконы, культовые предметы из драгоценных металлов, мелкую пластику, древние книги. Иногда, наездами, появлялись на собраниях клуба и сами «фирмачи», но чаще они совершали набеги на квартиры коллекционеров и, случалось, скупали все оптом. К сожалению, расчет на жадность оправдывался, кое-кто не сумел устоять от соблазна большой мзды.

Наши ряды довольно быстро поредели. Зато окружение Бульги разрасталось. Сквозь их блокаду уже мало что прорывалось в наши коллекции. У «бизнесменов» было одно, всего одно преимущество — обилие денег. Мало того что «фирмачи» и местные скупщики сумели отгеснить и, по сути, блокировать коллекционеров, в частности, коллекционеров произведений древнерусского искусства, эта саранча принялась методично прочесывать города и все окрест, совершая налеты на легковых со столичными номерами автомашинах, взятых напрокат или собственных. Прочесывание производилось основательно, хищники пользовались крупномасштабными картами и от их алчных глаз не ускользали даже небольшие деревни и рабочие поселки.

Правда, закон об охране памятников истории и культуры запретил произвольный сбор объектов, а по сути неприкрытый грабег, вступив в силу в 1977 году, но к тому времени неисчислимое количество ценностей перекочевало в подпольные хранилища «фирм», к состоятельным «коллекционерам», вложившим несправедливо нажитые тысячи в произведения искусства; а что-то уплыло навсегда за рубеж.

К этому времени нас, челябинских коллекционеров произведений древнерусского искусства, придерживавшихся правил собирательства, можно было уже по пальцам перечесть. Как всякие правила, они, конечно же, нас ограничивали. Но мы чувствовали свою правоту, наша совесть была чиста перед людьми, законом и своим делом. Несмотря ни на какие перипетии, мы сохранили верность своему кодексу чести.

Теперь изменились возможности пополнения личных коллекций. Впрочем, к моему удивлению, многие коллекционеры, не хищники, а истинные, не знают этот очень важный для собирательства основополагающий документ.

Нарушением закона, например, является непостановка на учет коллекции или той ее части, которая имеет государственную ценность.

Купля и продажа (разумеется, и обмен тоже) объектов коллекционирования должны производиться лишь после уведомления организации, в которой они состоят на учете, причем государство вправе приобрести любой из них в первую очередь и вне конкуренции. Более того, в обязанность граждан, в чей личной собственности находятся памятники истории и культуры, вменяются их охрана и реставрация. Это, разумеется, не значит, что владелец, например, древней книги должен, не имея достаточной квалификации, самостоятельно, без консультации или непосредственной помощи специалистов реставрировать ее. Такая самостоятельность может привести к порче памятника. К сожалению, некоторые коллекционеры и древних книг, и икон не всегда обращаются с ними с должной заботой и умением, портят их, но не отдают и не продают музеям.

Более десяти лет назад, помню, появилась в моей коллекции новинка — среднего формата ковچهжная икона Рождество Христово, по-видимому, XVII века. Необычность произведения заключалась не только в ярко индивидуальной манере изографа. Икона была без клейм, сюжеты располагались свободно, и на полях вился яркий цветочный орнамент. Икона мне очень нравилась, да вот беда: долгое время она простояла в курятнике на земляном полу и приблизительно на одну четвертую часть внизу красочный слой осыпался, а до середины — вздулся и отслаивался. Сам помочь произведению я не мог. Реставратор, к которому обратился с просьбой, назначил непосильную для меня плату за свой труд, впрочем, вполне вероятно, справедливую. Как мне ни жаль было расставаться с иконой, пошел я в местный музей, предложил ее, но с условием, что экспонат будет без промедлений отреставрирован. Условие мое выполнили. И я смирился с утратой.

В настоящее время в случае, если владелец даже после предупреждения продолжает проявлять небрежение к памятнику, на защиту последнего встает закон, в котором сказано: «Если гражданин не обеспечивает сохранности принадлежащего ему памятника истории и культуры, этот памятник в соответствии с законодательством союзной республики может быть изъят в судебном порядке с соответствующим возмещением».

С принятием закона изменились, как мы уже упоминали, возможности пополнения личных коллекций. На это не сразу обратили внимание некоторые коллекционеры. Они продолжали действовать «широко и свободно», как прежде, приобретая те же, к примеру, древ-

ние книги и иконы у кого попало. А закон предупреждает: «Собирание старинных документальных памятников, произведений древней живописи и древнего декоративного прикладного искусства организациями либо гражданами допускается при наличии специальных разрешений, выдаваемых и регистрируемых в установленном порядке». Незнание закона, как известно, не освобождает от ответственности за его нарушение. За нарушение этой статьи кое-кому из собирателей уже привелось расстаться со своими коллекциями.

Коллекционерский бум породил вид собирателей, которые приобретают, к примеру, древние книги и иконы для «престижа». Подобных владельцев объявилось немало. Они, достигнув кое-чего в жизни, наполняют дорогим бараклом свои просторные квартиры, а предметами старины как бы подвешивают свое культурное реноме.

Было бы несправедливо умолять о многочисленном отряде коллекционеров, которые себя таковыми не всегда считают. Они берегут не только семейные реликвии, в том числе иконы. Подлинно культурные люди, они уважают историю Родины, принимают искусство, при случае приобретают произведения, принимают в дар. Они — хранители нашей национальной культуры, как бы растворенной в народе. Об этих людях следует рассказать подробнее, больше. Они рядовые, обыкновенные граждане. У них нет и им не нужно огромных собраний. Они охотно жертвуют музеям то, что признается ценным достоянием культуры.

В последние годы выросли ряды коллекционеров-краеведов, настоящих патриотов. Их бескорыстие и одержимость заслуживают гораздо большего уважения и признания и даже почестей. Пусть читатель не посетует, что автор обошел их своим вниманием.

Задача настоящего очерка — затронуть острые проблемы личного коллекционирования и по возможности предложить способы их решения.

День музеев и собирателей

Михаил
СМОЛИН

Музеями древние греки называли храмы муз, покровительниц наук и искусств. В них-то и сохранялись замечательные собрания книг, расшитые золотом ковры, серебряные и бронзовые украшения, статуэтки, вышивки, мозаика и барельефы...

В России старинные вещи хранились как святыня в ризницах храмов и монастырей. Позднее Петр I повелел все, что «зело старо и необыкновенно» хранить в кунсткамере, основанной им в 1714 году. В указе, предписывающем организовать этот общедоступный музей, Петр I писал: «Сдавать губернаторам и комендантам за вознаграждение старые надписи на камнях, железе, или меди, или какое старое и необыкновенное ружье, посуду и прочее...» Все, что по мнению царя заслуживало внимания, должно было быть собрано в кунсткамере для обозрения или, как говорили в старину, «для куриозетету...»

Наряду с государственными хранилищами, сейчас у нас существует много маленьких, но довольно интересных и необычных музеев. Давайте заглянем в некоторые из них...

Этот необычный музей открылся в Киеве. В старинном домике станционного смотрителя собраны медный рожок ямщика, бубенцы почтовых экипажей, перочистка, «подорожная книга», куда заносились сведения о путешественниках, документы, среди которых копии «подорожных листков», выданных в свое время проезжавшим через Киев А. С. Пушкину, Т. Г. Шевченко, М. Ю. Лермонтову, Н. В. Гоголю, М. И. Кутузову и другим выдающимся людям. На массивном, грубо сколоченном деревянном столе — свеча в медном подсвечнике да железная кружка. А рядом — стенды, где собраны тысячи марок, многие из которых, наверное, исколесили не одну тысячу километров в повозках и на почтовых тройках.

А вот еще один музей — янтаря. Открыт он в одной из крепостей Калининграда. Здесь можно увидеть шкапулки, янтарные подсвечники, пудреницы, рукоятки кортиков, шахматы, ювелирные гарнитуры. Еще один такой музей янтаря есть в Паланге.

Очень интересна экспозиция старинной посуды, приборов для сервировки стола, книг с кулинарными рецептами. Открылась она в музее общественного питания в Москве.

Музей соли открыт у нас в стране в городе Артемовске Донецкой области. Знакомство с его экспонатами, среди которых макеты рудников, где добывается это ценное сырье, а также машины и механизмы для его добычи, начинается прямо у входа в здание. Здесь лежит огромная соляная глыба.

Музей одежды и быта создан недавно в Москве учащимися профессионально-технического училища № 20. Однажды кто-то из ребят принес в училище портновские ножницы столетней давности с геральдическим орлом. С этого все и началось. Ребята стали собирать старинные предметы и одежду, и вскоре в училище появились самодельное веретено из липы, швейная машинка столетней давности, элегантный черный сюртук, большой чугунный с деревянной ручкой утюг, работающий на углях, и разнообразная одежда, старинные и современные журналы мод.

Большой популярностью пользуется и музей кузнечного дела, открывшийся в одном из домиков подмосковного поселка Никольско-Архангельский. Это единственный пока в стране музей такого типа. А создал его профессор Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана Анатолий Иванович Зимин, который заведовал более сорока лет в училище кафедрой кузнечного дела. Его коллекция, в которой имеются изделия старых мастеров, инструменты, продукция железнодорожных заводов старой России, книги по кузнечному делу и многое другое, стала основой интересной экспозиции, рассказывающей об истории кузнечного дела, а также развития советской научной школы кузнечно-прессового производства и обработки металлов давлением. Своеобразным эпиграфом к многочисленным экспонатам музея могут служить слова А. М. Горького: «Чем лучше мы будем знать прошлое, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого настоящего...»

У единственного на Украине музея лесосплава на Черной речке в Межгорском районе появился младший «собрат» — музей леса в закарпатском поселке Усть-Чорна. Экспозиция его воссоздает картины труда и быта карпатских горцев в прошлом и настоящем. В ней собраны орудия труда и лесорубов — от старинных ручных пилы и топора до высокопроизводительных электрических инструментов.

А теперь перенесемся в музей пчеловодства в национальном парке Литвы. Побываем на пасеке с ульями, напоминающими те, которыми пользовались литовские крестьяне в XVI—XIX веках. Музей играет важную роль в деле охраны природы. В национальном парке сохранилось свыше шестидесяти видов редких медоносных растений.

В нашей стране сейчас более 1500 музеев, которые ежегодно посещают 150 миллионов человек. Кроме того, имеется огромное число народных музеев, которые созданы и работают на общественных началах — в школах, на заводах, музеи, созданные на основе частных коллекций.

Когда-то императрица Екатерина II, говоря о коллекциях Эрмитажа, доступ в который был закрыт для народа, говорила: «Всем этим любуются только мыши и я». Сегодня же с его уникальной коллекцией знакомятся ежегодно более четырех миллионов человек.

Роль и значение музеев во всем мире, какими бы они ни были — маленькими или большими, — настолько возросла, что на состоявшейся в 1977 году в Москве XI Генеральной конференции Международного совета музеев было принято решение ежегодно отмечать 18 мая Международный день музеев. В определенной степени — это и день коллекционеров, собирателей...

АВТОГРАФ

Панкратия Сумарокова

**Виталий
ПАВЛОВ**

Знакомство с автографом я считаю большой удачей, тем более, что этот — пока единственный, известный науке. Хранится он в Отделе рукописей Пушкинского дома, а сюда попал из архива «Русской старины».

Почти полвека, начиная с 1870 года, в Петербурге выходил исторический журнал «Русская старина». Основателем и редактором его многие годы был М. И. Семевский, известный главным образом своими исследованиями по истории России XVIII века.

Это солидное ежемесячное издание не утратило интереса для историков и сегодня. В нем впервые опубликованы различные документы по отечественной истории, автобиографии, записки, письма государственных и общественных деятелей, не известные до того сочинения писателей и поэтов. На страницах «Русской старины» мы найдем, например, произведения К. Ф. Рыльева, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, письма М. В. Ломоносова, В. А. Жуковского, дневник В. К. Кюхельбекера, записки М. А. Бестужева и М. И. Муравьева-Апостола, воспоминания знаменитого хирурга Н. И. Пирогова, адмирала В. П. Чичагова и многих других виднейших деятелей нашей Родины.

Иначе говоря, «Русская старина» стремилась запечатлеть подлинники документов и сочинений, а не копии и переложения их. Поэтому с уверенностью можно сказать, что рукопись стихотворения П. П. Сумарокова «Плач и смех» принадлежит именно его перу. Убеждают в этом водяной знак на бумаге, говорящий о том, что она сделана в 1786 году на «Сибирской Туринской фабрике Походяшина», большеформатные «старинные» листы, орфография и почерк, характерные для второй половины XVIII века, выцветшие от времени и ставшие пыле коричневыми ореховые чернила и особенно помета в конце стихотворения, написанная тем же почерком, что и вся рукопись: «Сочинена 1788 года августа 29 дня в Тобольске в вечеру. П. С.».

«П. С.» — таким криптонимом подписаны многие произведения Сумарокова, опубликованные в журналах и сборниках на исходе XVIII века, а также появившиеся отдельными изданиями. Есть в рукописи и другие приметы именно оригинала, а не копии. Но главная из них — «потаянность» содержания рукописи. Она явно не могла быть напечатана в том виде, в каком первоначально родилась под пером автора.

В 1795 году из типографии Московского университета вышла седьмая часть журнала «Приятное и полезное препровождение времени», в которой увидело свет стихотворение П. П. Сумарокова «Плач и смех». Вот в каком виде оно появилось:

Когда жестокой сплин мне ночью спать претит,
То вставши ноутру с тяжелой головою,
Бываю я всегда печален и сердит:

Бранюсь с своею судьбою;

Все бедствия людей я вижу пред собою.

Мне мнится, слышу смертных стон;

Зло лезет мне в глаза тогда со всех сторон.

Явятся предо мной огнем дышащи горы;

Страданья, смерть, чума —

И словом: я тогда куды ни взвел бы взоры,

Нешастий и злодейств мне всюду зрится тьма.
Потом изыскиваю средства,
Нельзяль чем облегчить несносы смертных бедства:

Но видя, что никак нельзя помочь тому,
И что напрасно я на то лишь время трачу,
Нахмурюсь и — заплачу.
Когда же с умными людьми я где сижу
Иль книжку новую читаю и лежу,
При том здоров бываю;
Тогда все горести свои позабываю,
И ни о чем я не тужу.
Тогда и то себе на память привожу,
Что от драгой моей Климены
Не зрел и, кажется, не буду зреть измены,
Что несчастливой судьбы моей премены
Авось либо когда-нибудь я и дождусь —
Авосьлибо велико дело!
Я без него давно оставил бы сей свет;
Нешастный только им одним лишь и живет,
Скажу я это смело.
Хоть сим авосьлибом я тщетно, скажут, льщусь;
Но от него всегда я вмиг развеселюсь
И — засмеюсь.

Позднее, в 1799 году в той же типографии была напечатана первая часть «Собрания некоторых сочинений, подражаний и переводов» Панкратия Сумарокова. В небольшой книжечке стихотворение «Плач и смех» представлено точно в той же редакции, что и в журнале, лишь с небольшим добавлением: автор не без улыбки пояснил, что Spleen — «известный припадок Агличан, по которому часто подвергаются и другие люди с чувством».

В опубликованном варианте стихотворения «плач» лирического героя — результат его бессилия хоть чем-то помочь («смертным»), оградить их от стихийных «нешастий» (извержений вулканов, эпидемий чумы, смертей и сопряженных с ними страданий), а также от неких абстрактных «злодейств». «Смех» же и веселое настроение героя подчинено надежде на перемены судьбы к лучшему. Тем более, что рядом умные люди, хорошая книга, а главное — «драгая Климена», от которой, кажется, нельзя ожидать ничего дурного...

Уже в этом варианте стихотворения явно обнаруживаются автобиографические детали. Лирический герой прямо именует себя «нешастным». Так в ту пору даже в официальных документах называли заключенных, каторжан и ссыльных. А Панкратий Платонович Сумароков — столбовой дворянин, корнет Конной гвардии — был сослан (взамен смертной казни) в Тобольск на 20 лет. Столь суровая кара постигла юного офицера (ему шел тогда лишь 24-й год) за прекрасно нарисованную им ассигнацию, которую его приятель вахмистр Максим Куницкий сумел сбыть за настоящую, заполучив взамен лишь шубу. Обман раскрылся, последовал суд, и Сумароков очутился за тысячи верст от столицы на положении ссыльного, лишенного чина, дворянского звания. Случилось это в 1787 году. Образованный молодой человек обратил на себя внимание губернского Олимпа и закрепился в Тобольске. Он зарабатывал на жизнь частными уроками, которые давал детям чиновников и купцов. За несколько месяцев до появления автографа внимание на Сумарокова обратила молодая гувернантка, приехавшая в «стольной град Сибири» с семьей одного из сосланных туда богатых господ. О ней-то, «драгой моей Климене», и писал Сумароков.

По наблюдениям исследователя П. Р. Заборова, вариант сочинения, оставшийся в рукописи, навеян вольтеровским «Жан, который плачет и смеется». В подстрочном примечании исследователь лишь упомянул, что рукописное стихотворение — «большое, полное злободневнейших намеков...» Задолго до П. Р. Заборова об автографе впервые сказано несколько слов в статье «Тобольский поэт и журналист», опубликованной в литературно-

художественном сборнике тюменского литобъединения «Сибирские просторы» (1963 год). В статье даже процитированы семь строк из стихотворения, но только ради одной цели — проиллюстрировать положение о том, что Сумароков следовал державинскому принципу «изображения в стихах частной жизни обыкновенного человека, т. е. прежде всего самого поэта». Нас же это произведение заинтересовало не потому, что в нем имеются «подчеркнуто прозаические детали», воспоминания о пожаре в Тобольске в апреле 1788 года и не потому, что автор «говорит о своих друзьях и своих привычках». Нас интересуют настроения и мысли Сумарокова, которые он не решился предать огласке, а попутно и то, какие изменения произошли в словесно-стилистическом оформлении сочинения. Вот «Плач и смех» в его полном рукописном варианте (публикуется впервые):

Когда нехорошо желудок мой сварит:
Проснувшись поутру с тяжелой головою,
Бываю я тогда печален и сердит,
Бранюсь с своей судьбою.
Представлю бедствия людские пред собою;
Мне мнится слышать смертных стон:
Зло лезет мне в глаза тогда со всех сторон,
Невинность вижу утесненну,
Войнами землю разоренну,
Огню пеняю я: На что Тобольск ты съел?
Иль пищи ты другой, проклятой, не имел!
Злодейства, слабости я вижу смертных рода,
Который Госпожа Природа,
Не знаю для чего, на свет произвела,
И верно в те часы хмельна она была;
Что вместо твердости лишь слабость нам дала.
На толь вселила в нас к грехам она охоту,
Чтоб праведно отдать к дияволу в работу
За наши пакостны дела;
Как будто здешней жизни скука,
Иль лучше беспрестанна мука
Еще для нас мала.
Потом предстанут мне на мысль: болезни, раны,
Землетрясения, Тираны,
Представлю голод и чуму,
Страданья, смерть, огнедышащи горы,
И словом, я тогда куды ни взвел бы взоры;
Нешастий и злодейств повсюды вижу тьму.
Потом изыскиваю средства
Для прекращения тово несносна бедства;
Но видя, что никак нельзя помочь тому
И что напрасно я на то лишь время трачу:
Нахмурюсь... и заплачу.
Когда же с Б... и с П... бываю,
Иль книжку умную читаю и лежу;
Тогда все горести свои позабываю
И ни о чем я не тужу.
Когда же сверх того на память привожу,
Что от драгой моей Климены
Не вижу я еще ни малья измены,
И турков в сих местах ни Шведов не боюсь...
Смеюсь.
Но вдруг среди радости моей
Представлю я, что Швед злодей
Как бешеной на нас внезапно нападает
И подданных своих под пули посылает:

За что и сам не знает,
Для исполнения лишь прихоти своей
Губить своих людей,
О! Сколько бедные народы те несчастны!
Которы збалмашным Царям таким подвластны:
Цари те умных всех равно и дураков;
Не знаю от ково им будто властью данной,
Имея дух строптивый, бранной,
Ведут на бойню, как быков:
Тогда то грусть свою так сильно я ни прячу:

Нахмурюсь... и заплачу.
Когда же я стихи подобны сим мараю,
Иль В... как историю читаю
Иль на кривляния ево когда взираю,
Иль как М. Ф.

Когда заперет дичь
Хоть я обеих их отменно почитаю,
Но, не стерпев, всегда со смеху помираю.
Таков то вот удел людскова существа!
Хоть мы часть некую имеем божества,
Хотя по смерти мы и будем светлы духи;
Но души в жизни сей к несчастью слишком глухи:
К тому ж зависят здесь оне от слабых тел,
В которы их творец замкнути восхотел.

В глазах же смертных рода
Переменяется Природа
Хотя на свете ты и первый плакса будь:
Да из нещастья как найдешь к блаженству путь;
От слез своих утрешься
И так же, как другой, конечно, засмеешься,
Судьбу благодаря.
И нет такова Гераклита,
Который щастливу премену рока зря,
Не превратился б в Демокрита.

*Сочинена 1788 года августа 29 дня
в Тобольске в вечеру.
П. С.*

Прежде всего, следует согласиться с П. Р. Заборовым: стихотворение действительно лишь навеяно сочинением Вольтера. В вольном переводе Сумароков изложил только две первые строфы его сатиры. Все остальное — плод творчества Панкратия Платоновича.

Сравнивая оба варианта стихотворения, нетрудно заметить, что в опубликованном некоторые стихи представлены в другой редакции. Например, натурализм первой строки рукописи уступил место более приемлемой бессоннице от «жесточкого сплина». Последние девять строк публикации, где высказана надежда «несчастного» на лучшую долю, написаны заново с прозрачным намерением автора обратить на себя внимание высоких властей. В рукописи этот автобиографический элемент отсутствует. Но в ней более четко просматриваются социально-политические настроения поэта. Хотя в «злодействах» над «смертными» автор обвинил «хмельную» природу, однако в ряду причин страданий людей он назвал не только стихийные бедствия, но и тиранов. И далее:

Невинность вижу утесенну,
Войнами землю разоренну...

В развязывании грабительских войн, бессмысленных с позиции народов (в том числе и автора), поэт

прямо обвинял царей, по прихоти которых подданных «ведут на бойню, как быков».

О! Сколько бедные народы те несчастны!
Которы збалмашным Царям таким подвластны, —

с горечью восклицает поэт. И вопреки утверждению официальной идеологии, что царская власть — от бога, выражает сомнение: «Не знаю от ково им будто властью данной», намекая на совсем не «божественное» ее происхождение. Автор не скрывает, что, сколько ни плачь, слезами горю не поможешь, что он не видит пути к «блаженству». Но его, однако, не покидает свет надежды, оптимистический взгляд на «щастливу премену рока» в будущем, ибо

В глазах... смертных рода
Переменяется природа.

Вот эти-то «несвоевременные» потаенные мысли о происхождении и характере царской власти, о царях и войнах, приносящих бедствия народам (Россия в ту пору вела войну с Турцией и со Швецией), об изменчивости природы вещей (Сумароков не случайно упомянул Гераклита и Демокрита) поэт и не рискнул публиковать. Он вполне мог ожидать новых репрессий.

При подготовке стихотворения к печати Сумароков опустил и стихи, в которых сообщал о своих привычках и настроениях бытового плана, высказывал отношение к людям, окружавшим его. Но имена этих людей он зашифровал большей частью криптонимами. К сожалению, не все из них поддаются расшифровке. Так, можно утверждать, что «Климена» — София Андреевна Казабе — любимая девушка, затем жена и друг Сумарокова до конца его дней (Панкратий Платонович скончался в родовом сельце Кунеево Тульской губернии в 1814 году). За инициалом «Б» угадывается весьма своеобразная личность — тобольский губернский прокурор Иван Иванович Бахтин, тогда вольтерьянец и рационалист, будущий поэт-сатирик журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789—1791), смело и резко выступавший против крайностей крепостничества. За литерой «П», возможно, скрыт Василий Прутковский — выпускник семинарии, учитель латинского языка и духовных наук Тобольского главного народного училища, один из публицистов «Иртыша». Его произведения — вершина идейно-политической мысли этого издания. Что за люди, упрятанные за инициалы «В» и «М. Ф.», — пока неизвестно.

Автограф стихотворения «Плач и смех» интересен и ценен тем, что позволяет обнаружить просветительский, демократический стержень мировоззрения П. П. Сумарокова еще до начала его активной публичной литературной деятельности в Тобольске, определяет его позицию поэта-классициста. А все это непосредственно отразится на его трудах как редактора и автора тобольских и московских журналов конца XVIII — начала XIX веков.

Златоустовские вехи

Николай
ВЕРЗАКОВ

краевед,
ветеран труда

Собирая материалы по истории Златоустовского машиностроительного завода имени В. И. Ленина, я наткнулся в архиве на бумаги о разделе имущества Мосоловых.

В свое время это была богатая семья, имеющая тысячи крепостных. Через год после закладки Златоустовского завода, в 1755 году, старший из Мосоловых — Перфиль — умер. Четверо его сыновей из-за наследства судились целых пять лет! Во время суда их держали в разных комнатах, чтобы не перегрызли друг другу горло.

Подумалось: если они готовы были вцепиться друг в друга, то как же относились к крепостным, рабочим людям, привезенным из Трехсвятского и других сел?..

За первые пять лет на заводе заметно выросло только кладбище. Положение рабочих представить нетрудно. Долгий световой день они мокли в воде, забивали сваи, возводили плотину, сливные лотки, лари для приведения в действие заводских механизмов, и не могли в землянках, вырытых на скорую руку, как следует обсушиться, простывали и гибли. Не удивительно, что, когда пришли пугачевские отряды, заводские стали служить Пугачеву, а при его отступлении все население ушло с восставшими, завод подожгли.

Страницы документов не бесстрастны. Они могут поведать об удивительных событиях, о страшном угнетении рабочего человека царским режимом.

Права рабочего человека ничем не охранялись, да никаких прав у него и не было. За невыполнение «урока» секли, за побег от непосильной работы секли, за уклонение от православия секли. Даже семью завести человек не мог без разрешения на то заводского начальства.

На мысль о чрезвычайно тяжелой участи рабочего в то время наводит и факт, что многие известные мастера ушли из жизни явно преждевременно.

Знаменитый гравер Иван Бушуев, с легкой руки Павла Петровича Бажова получивший имя

Иванко-Крылатко, умер в 34 года. Иван Бояршинов и Георгий Зайцев дожили только до сорока. Егор Бояршинов умер в 37 лет, Степан Недорезков — в 38, Максим Талежников — в 31 год, Николай Худяков скончался в 22 года, Ефим Бушуев — в 20 лет. А ведь жили они лучше, чем многие другие!

Медицинский инспектор во второй половине прошлого века рапортовал уральскому начальству: «...Почти все без тулупов, а если таковые имеются, то не стоят уж того названия. Вся одежда состоит из изорванного, изношенного чекменя при морозе двадцать пять градусов. Рабочие люди отправляются на рудники на несколько дней, и для содержания себя запасаются разве небольшим количеством картофеля или гороху, а при издержании скудных своих запасов питаются после двенадцатичасовой работы одним сухим хлебом, который при том от сырости при подземных работах скоро превращается в труху. Оттого работающий зимой под открытым небом не в силах стоять противу влияния нечистой и холода».

Рабочие не выдерживали, с заводских работ бежали. Их ловили и пропускали через «зеленую улицу», то есть через строй солдат, содержащихся при заводе.

Не щадили и детей. Так через «зеленую улицу» прогнали девочку Авдотью, дочь мастерового — за подозрение в краже денег. Была она сиротой. Отец ее помер, о чем она слышала от тетки. Видимо, это было несчастное, забытое существо.

Пятнадцатилетнего Ивана Анферова «за сообщество с людьми подозрительными», которое заключалось в том, что он дал беглым хлеба, «из уважения к его молодым летам и глупости» наказали стапятьюдесятью ударами.

Взрослым иногда давали по тысяче ударов и больше. Этого никто не выдерживал. Несчастного подлечивали в заводском госпитале и «выдавали остатки».

Но вот пришли другие времена...

В 1927 году у нас возникла

первая на Урале ударная комсомольская бригада. Центральные газеты тех лет сообщали, что Златоустовский завод стал колыбелью социалистического соревнования и что ударничество здесь пустило глубокие корни.

Следует заметить только, что новое пробивалось с великим трудом. При неудачах комсомольцы вынуждены были терпеть насмешки, при удачах — ловили на себе злобные взгляды. В ударника Ваню Мартыанова кто-то стрелял, бригадира Василия Симонова избивали.

У проходной в дни подучек выстраивались, как говорилось тогда, «маршины тресты». Как только с завода выходил рабочий с зарплатой, ему устраивали «заграждение». Звучали пробочные выстрелы, звенели бутылки со спиртным...

Но все это, хотя и не сразу, уходило прочь. Люди как бы просыпались.

Вскоре после создания первой ударной, в Златоуст за опытомехали делегаты комсомольских организаций Урала.

А еще через несколько лет директор Александр Тимофеевич Золотов говорил:

— Отстроим прокатный, новые мартены заведем. Дадим такое сверло, о каком не может и думать заграница. Мы — это здорово! Мы — все можем!..

И дали такое сверло, и сделала много такого, о чем не мечтала заграница.

Почувствовав вкус свободы, человек обретает невероятную силу и стойкость, способности стоять до последней возможности ради общего, забывая о личном. Слишком дорогим стало добытое революцией, слишком не хотелось его терять. Вот один эпизод.

Работал в годы войны в машиностроительном цехе токарь Бурдин. Он был очень опытен и не мерял каждую деталь, а определял точность на глаз. Время было тяжелое. Фашисты рвались к Москве. В цехах работали до тех пор, пока не выполняли боевого задания, а это — две или три нормы. Кто его выполнял, шел домой отдыхать. А Бурдин стоял. Все тише становилось в цехе, и в который раз

подходил мастер: «Хватит, иди». Но он стоял. Куча деталей росла. Даже если просто перекидать ее, потребовалось бы много времени. И когда не осталось совсем заготовок, он повернулся, чтобы уйти, но упал у станка...

Связанные одной мыслью — выстоять, одним желанием — победить, люди делали почти невозможное: выполняли по пять и даже десять норм.

Сегодня на заводе много молодежи, а молодые, известно, с фантазией. Организуются в ударные отряды и придумывают им названия. Так несколько лет существуют «Альтаир», «Бригантина», «Полюс», «Кристалл» и другие. Но нас интересуют не столько романтические названия, сколько то, как сегодня относятся заводские ребята друг к другу. Каждый старается, конечно, вырваться вперед, но подножку друг другу не ставят. Главный закон отрядов — помощь товарищу — соблюдается неотступно. И это не только в молодежных коллективах.

Каждый год в июле на заводском дворе выпускники подшефного ГИТУ дают клятву:

— Дорожить честью завода, свято чтить традиции рабочего класса, беречь, как зеницу ока, доброе имя златоустовца...

Это не просто слова.

...В центре Златоуста, на горах Косотуре и Уреньге, сохранились лиственницы, похожие на согнутых, но могучих еще старцев. Глядя на них, кажется: они знают о городе все, с самого его основания. Если бы деревья умели говорить! Интересно бы услышать от свидетелей о минувшем. К сожалению, услышать живой рассказ о прошлом невозможно. Остаются документы. Они, словно вехи, помогают проследить историю знаменитого города, завода его.

ПАМЯТНИК В СТЕПИ

Вильям
САВЕЛЬЗОН

На степном поле, белом от ковыля, к востоку от Орска в апреле 1967 года на заключительном этапе полета трагически оборвалась жизнь летчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза Владимира Михайловича Комарова. Сначала здесь установили временный обелиск, а в мае 1982 года был торжественно открыт большой монумент.

Он виден издали — за много километров. Стремительные и плавные линии гранитного постамента, высокая бронзовая колонна — как пламя, вырывающееся из дюз взлетающей ракеты. На колонне — бронзовый бюст героя. Молодые березки и сосенки зеленеют у памятника — прижились в знойной степи.

Владимир Михайлович Комаров — из первого, гагаринского набора космонавтов, был командиром первого многоместного корабля «Восход», испытателем первого корабля серии «Союз», одним из первых дважды Героев Советского Союза среди летчиков-космонавтов.

Космические братья Владимира Михайловича — летчики-космонавты СССР, дважды Герои Советского Союза Владимир Александрович Шаталов и Борис Валентинович Волынов, приехавшие на торжественное открытие памятника в степи, вспоминали девиз В. М. Комарова: «Не искать в жизни легкой дороги. Только постоянный труд и только полезное дело приносят радость».

Образ такого целеустремленного мужественного человека предстояло создать скульптору народному художнику СССР Павлу Ивановичу Бондаренко. Кстати, он автор еще одного космического памятника —

Ю. А. Гагарину в Москве, на площади Гагарина. В работе над бюстом ему помогла вдова летчика-космонавта Валентина Яковлевна. Приехала она и на открытие памятника.

Народ бережет память о своих героях. Сюда, к памятнику, в степь едут возложить цветы молодожены из окрестных поселков, помолчать, подумать о жизни, о долге, едут ребята, уходящие в армию, здесь отмечают окончание полевых работ труженики целинных совхозов.

Фото автора

ДНИ ДОБРОГО ДЕТСТВА — СЛОВНО СТРАНИЦЫ СКАЗОЧНОЙ КНИГИ...

В Средне-Уральском книжном издательстве вышел альбом «Здравствуй, человек!» (сценарий — Н. Зеновой, поэтическая композиция — Л. Быкова). На 1—4-й страницах вкладки предлагаем вниманию читателей несколько фотографий из него.

Юности безоблачное небо,
золотая звонкая заря.
Наступленье дня, в котором не был
и в который входил ты не зря.

Геннадий ГОЛОВАТЫЙ

Не правда ль,
в этом есть приятность —
в бесспорность
превращать невероятность...
В. ГАУФ

РЕАЛЬНОСТЬ СКАЗКИ

Нина
КАЗАРИНОВА

Слайды В. Савкина

...24 марта 2685 года ученые зарегистрировали рождение в галактике N сверхновой звезды. Через несколько лет ее излучение достигло Земли, и все живое на планете стало постепенно уменьшаться. За год люди стали размером с мизинец. Неодушевленные же предметы оставались такими же. Для землян планета стала неизмеримо огромной и незнакомой. Каждая ступенька в подъездах стала труднодоступной скалой, травка на лужайке — джунглями, чуть видимый ранее ручеек — огромным потоком. Мог ли мужчина величиной с мизинец управлять автомобилем, самолетом, трактором!..

На много лет на Земле остановилась цивилизация. Нужно было научиться все делать заново — освоить технику, овладеть электричеством. Все жители огромного четырнадцатизэтажного дома № 200 по улице Садовой переселились в комнату на первом этаже и стали думать, как жить дальше...

Это отрывок из сочинения, которое писал много лет назад ученик пятого класса Станислав Ковалев. Мальчик любил фантазировать и рисовать. Лучшие рисунки посылал на фронт отцу. Однажды он изобразил сказочный город с необыкновенно красивыми домами, где все жили хорошо и весело и где, конечно же, не могло быть войны...

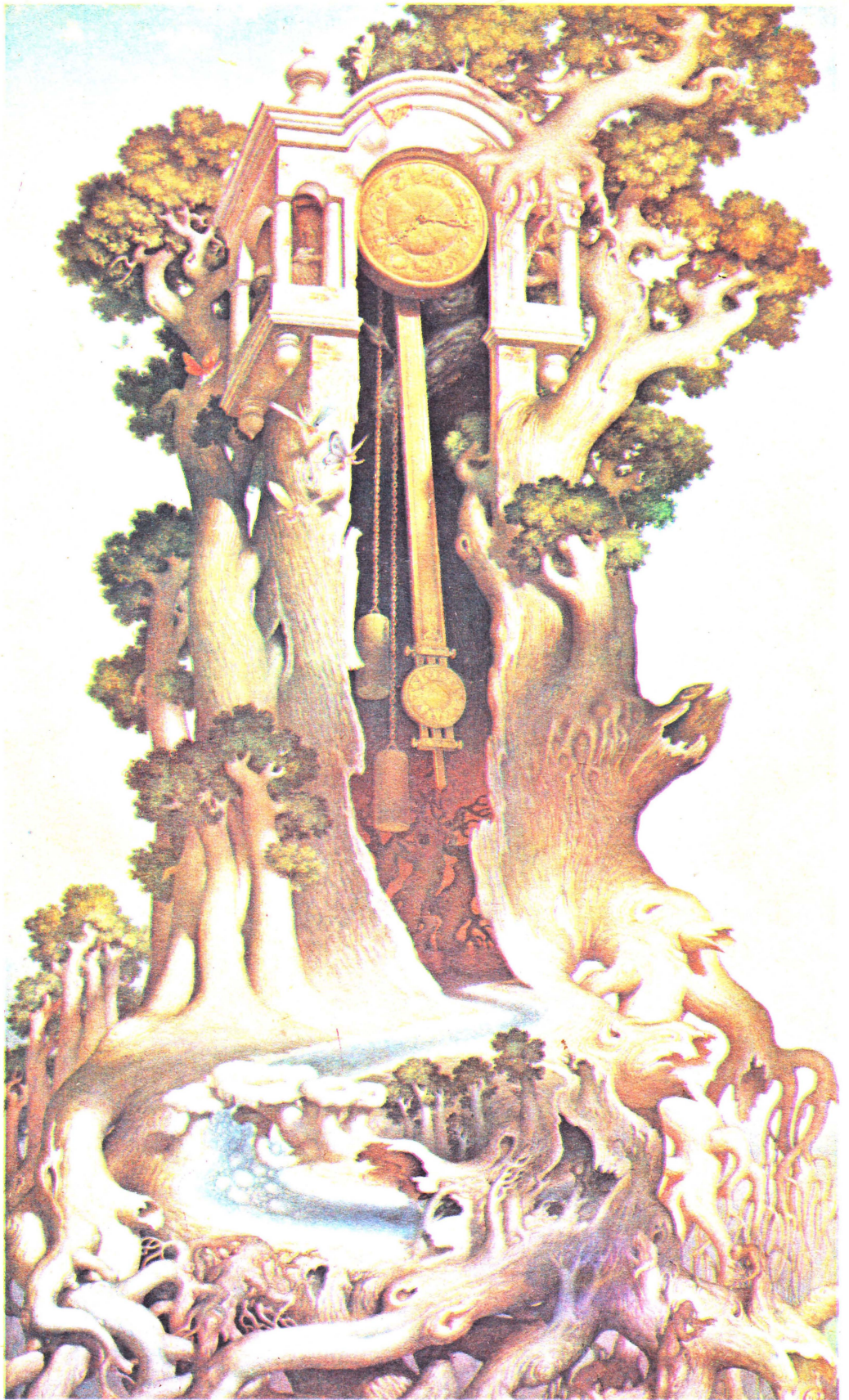
Позднее мальчик пристрастился к чтению. Читая, придумывал облики любимых героев, которых хотелось «остановить», изобразить на бумаге. Подросток украшал виньетками расписание уроков, придумывал фантастические буквы для заголовков школьной стенгазеты. Рисовал в тетрадках по каждому предмету. По ботанике — растения, по литературе — героев понравившихся произведений, по истории — военные сражения.

И потом, много лет спустя, когда Станислав Романович Ковалев станет признанным художником книги, он будет с удовольствием оформлять школьные учебники. Сухой энциклопедический материал оживлять рисунками, полными романтики, сказочности, которые пробуждают у маленького читателя собственную фантазию. На одной из иллю-

МАГЕЛЛАНЫ ВСЕЛЕННОЙ

ДЕРЕВО

ТЕРЕМКИ НА КОРЯГЕ

страций к этой статье вы видите «Городок-азбуку». Такой фантастический азбучный городок послужил форзацем¹ для белорусского букваря.

Буквы превращаются в сказочные дома-терема, ветряные мельницы с крыльцами, затейливыми крышами, оконцами. А в каждом оконце такого сказочного домика горит свет, кажется, идет какая-то своя, интересная жизнь. Вот из такого чудесного «городка букв» составляются слова и понятия, которые предстоит открывать не только первокласснику... Что стоит за каждой буквой? За каждым словом? Понятием?..

На международном конкурсе букварей в Лейпциге белорусский букварь, оформленный С. Ковалевым, отмечен золотой медалью.

За двадцать пять лет работы с книжными издательствами Минска, Уфы, Москвы, Свердловска, Перми С. Ковалев оформил и иллюстрировал десятки и сотни книг — классическую русскую и зарубежную литературу, школьные учебники, политические книги, многие произведения современных писателей. Но, пожалуй, больше всего он отдает творческое вдохновение сказкам. В его оформлении вышли «Сказки» А. С. Пушкина, Г. Андерсена, «Сказы» П. Бажова, «Русские народные сказки» и др. Сказки увлекают художника тем, что в них заключен большой жизненный опыт людей, за сказочным сюжетом всегда стоит реальная жизнь, добро и зло, человеческие отношения.

Думали ли вы когда-нибудь над тем, как рождается вторая сказка — «сказка художника»? Вероятно, перед его глазами после чтения «проходят» все герои, он фантазирует, сочиняет, придумывает. А потом наступает долгая и кропотливая «прозаическая» работа. Художник делает макет книги, размечает в макете расположение текста, заголовков, иллюстраций. Придумывает, какие именно сценки будет изображать и как. Рисует их на кальке, располагает на листе, затем каждую рисует на бумаге, уточняет, «урисовывает» ее. Эта работа для художника важна не меньше, чем собственная фантазия.

Рисунки С. Ковалева вы всегда узнаете. В его иллюстрациях реальность и фантастика переплетаются самым чудесным образом, он заставляет поверить в возможность невозможного, в реальность нереального.

Вот иллюстрация к сказке «Финист ясный сокол». В поисках героя идет краса-девица темным лесом все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще, верхушками в небо

упирается. Как живые стоят дуплистые великаны-дубы. Распростерли они свои высохшие сучковатые ветки, корни причудливо извиваются, соединяются — рождается образ могучего леса, полного какой-то неведомой никому жизни. По извилистой, чуть приметной тропинке пробирается девица в поисках жениха...

Рассказывая об удивительной способности великого сказочника Андерсена радоваться всему интересному и хорошему, что попадает на каждой тропинке и каждом шагу, К. Паустовский писал: «Мы ходим по земле, но часто ли нам приходит в голову желание нагнуться и тщательно рассмотреть эту землю, рассмотреть все, что находится у нас под ногами?.. Разве не прекрасна каждая травинка, наполненная пахучим соком, и каждое летучее семечко липы? Из него обязательно вырастет могучее дерево, и однажды ты от его листья стремишься рванется от порывистого ветра и разбудит девушку, уснувшую в саду. И она медленно откроет глаза, полные синевы и восхищения перед зрелищем поздней весны. Да мало ли что увидишь у себя под ногами. Обо всем этом можно написать поэмы, рассказы и сказки...»

Это желание увидеть или, может быть, придумать неведомую для человека жизнь дерева, цветка, бабочки или лесной глухомани, жизнь, полную тайн и приключений, присутствует в полной мере в иллюстрациях и живописных картинах художника.

А насколько фантастичной может быть жизнь предметов, вещей, с которыми взаимодействует человек и которые его окружают? Конечно же, вы помните знаменитого сыщика Шерлока Холмса. Он мог безошибочно даже по одной вещи найти ее хозяина. Вещь несет на себе печать жизни своего хозяина, она становится его частью, его продолжением. Она может иметь и собственную судьбу, свою биографию, занимательнейшую историю. Стоит только посмотреть иллюстрации к сказкам Г. Х. Андерсена, и вы представите похождения стойкого оловянного солдатика или узнаете, сколько же повидал на своем веку старый уличный фонарь, освещавший в ненастные темные ночи путь прохожим...

Появление своих живописных «картин-фантазий» художник объясняет «двумя привязанностями — к книге и пейзажу». К книге — потому что Ковалев прежде всего художник книги. И сюжеты его картин часто рождаются по ассоциации с литературным произведением: «Когда работаешь над иллюстрацией, возникает желание развить тему шире, чем это позволяет текст». Герои фантазий Ковалева — будь то люди, вековые дубы или сказочные суще-

ства — действуют, живут в пространстве и времени, созданном художником.

Не однажды рассказывал Станислав Романович о замысле картины «Дерево» (1971), каждый раз вкладывая какой-то новый смысл, импровизируя. «Есть представление о том, что растения могут узнавать человека, который за ними ухаживает, волноваться, когда подходят к ним с недобрыми намерениями. Эта мысль интересна. Можно ли в это поверить?! Но можно фантазировать на эту тему». На эту тему Ковалев и написал картину «Дерево». Могучее дуплистое дерево, внутри него — часы как символ времени. Представляется многовековая история дерева, которое было свидетелем событий, пронесшихся над землей. Жизнь дерева сродни человеческой...

Мир природы и наша Земля хрупки. Художник постоянно дает почувствовать хрупкость и уязвимость всего живого на Земле. Нельзя нарушать гармонию природы, тонкую взаимосвязь человека и природы. Но если она будет нарушена... Если человечество не будет задумываться над последствиями своих научных открытий?..

В космическом пространстве «висит» город-планета (картина «Город Дит»). Чрезмерная урбанизация привела к уничтожению растительного и животного мира. Остались лишь насекомые. И человек на такой планете слаб и беден духом. Он ограбил себя, стал придатком промышленности, неспособным на творчество. Как насекомые, ползают люди по ступеням и коридорам города-планеты. Алогична такая жизнь. Алогичен и сам город. Свадебная процессия, движущаяся по лабиринтам города, направляется в беспредельность. Жители осаждают трамвай, у которого нет пути... «Город Дит» — картина-предупреждение. Так ее можно назвать, так называет ее и сам художник.

Работы Ковалева всегда привлекают выписанностью деталей, очень наглядной зрительной достоверностью, рукотворностью сделанного. На самом деле внешняя простота обманчива, за нею сложный мир смысловых и сюжетных связей, ассоциаций. И в то же время за сказочностью и фантастичностью картин Ковалева всегда лежит реальный смысл, реальная почва. Своим творчеством художник заинтересованно и горячо утверждает мысль, что от людей зависит, какой будет наша жизнь, будет ли она безобразной и злой или доброй и прекрасной.

¹ Форзац — лист, прикрепляющийся блок книги к обложке.

Голубятня на

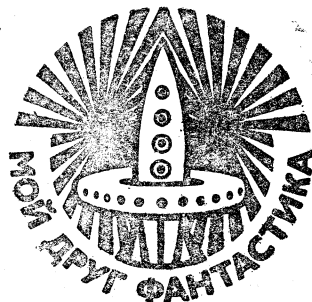
Повесть

**Владислав
КРАПИВИН**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

ВСТУПЛЕНИЕ

Один и четыре

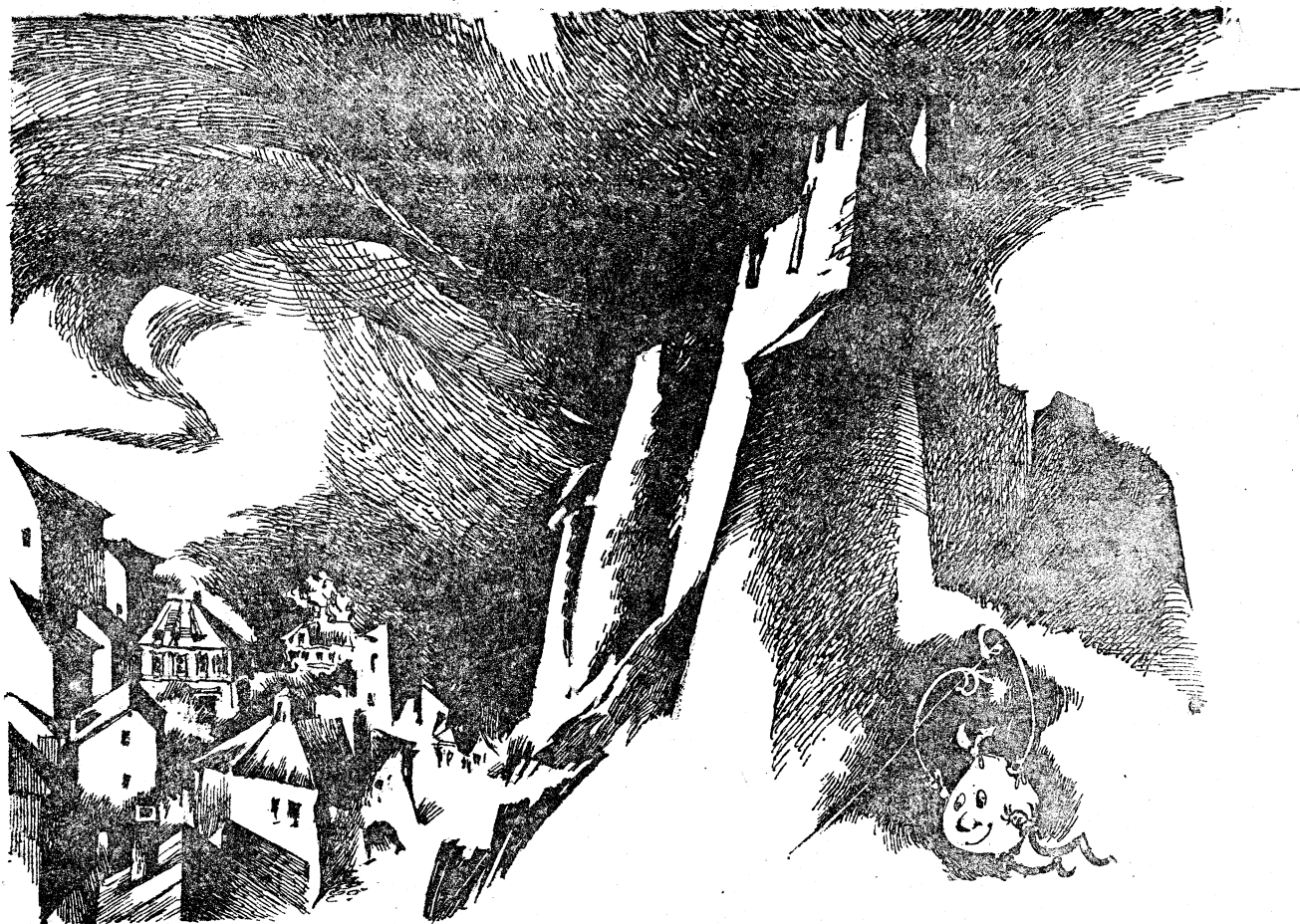
Был, видимо, июнь. У цирка цвели кусты желтой акации. Алька, не вставая со скамьи, дотянулся до ветки, сорвал похожий на ушастого зверька цветок, сунул в рот. Сладко зажмурился.

Тик посмотрел на Альку и сделал то же самое.

— Травоядные, — сказала Данка.

Тогда и Чита, не отрываясь от книги, добыл себе цветочек.

Яр вспомнил, отчетливо вспомнил, как всасывается в язык сладковатый, с травянистым

ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ

запахом лета сок. Виногато посмотрел на Данку и тоже потянулся к ветке. Данка сделала вид, что не заметила.

Яр осторожно раскусил корешок цветка, тихонько засмеялся и закрыл глаза. Он отчетливо услышал голос мамы: «Яська, опять ты жуешь эту зелень! Ты превратишься в верблюда».

«Еще немного, и я вспомню мамино лицо», — подумал Яр.

В сквере было шумно. До утреннего представления оставалось минут сорок, в цирк пока никто не спешил. Мальчишки и девчонки играли в прятки и догонялки. Кто-то смеялся, кто-то кричал: «Это не по правилам, пускай теперь Сашка ищет!» Щелкали пистонные пистолеты. Перебивали и путали друг друга считалки.

Вот знакомая:

На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич...

Вот незнакомая:

Раз-два! Три-четыре!
Синий слон живет в квартире!
На слоне лежит доска,
Раз-два-три —
Тебе искать!

Яр вспомнил, как он, зажмурившись и прижавшись лбом к забору, торопил приятелей: «Раз-два-три-четыре-пять: я иду искать! Кто не спрятался — я не виноват!» Та-та-та-та! — разлетался топот подошв. Разбегутся, притаятся. И тихо во дворе, как на пустой планете.

Не надо про планеты.

Надо сидеть и радоваться подарку судьбы.
Лету. Вот этим голосам и смеху...

Кто-то радуется, а кто-то не очень. Вон курчавый пацаненок в клетчатом костюмчике посорился с мальчишками. Они кричат:

— Не видишь, что ли, нас уже четверо!

— Ну и что? Никто же не уздает! — обиженно доказывает он.

— Ненормальный какой-то! Иди один, а то получишь!

Ребята убежали, а курчавый мальчишка надулся и так сердито сунул в кармашки кулаки, что весь его желто-синий костюмчик смялся и скособочился.

Яр пожалел мальчишку, как самого себя. Когда он был маленький, его, случалось, тоже не брали в компанию...

Алька забрался на спинку скамьи, балансировал на ней и рвал с куста цветки покрупнее.

— Сядь, — сказала Данка. — Свалишься и весь извоишься.

— Щас... — Алька прыгнул, зацепил Читу. — Ой...

— Обормот, — вздохнул Чита. И снова взялся за чтение.

— Правильно, обормот, — сказала Данка. — А ты, Вадик, тоже. Хотя бы сегодня обошелся без книжки... Такое дело, а ты...

— Я все понимаю. Одно другому не мешает.

— Что тебе говорила учительница? — поддел Читу Алька. — «Если бы ты, Вадик, глотал учебники, как глотаешь книжки, ты учился бы на одни четверки».

Чита перелистнул страницу.

— А почему не на пятерки? — спросил Яр.

Чита поднял голову и снял очки. Данка округлила глаза. Тик... в его карих глазах — Яр увидел ясно — метнулись непонятные тревога и радость. Алька подскочил и свалился в траву.

— Вот это да! Вот сказать бы ей: «Поставьте мне пять»!

— Ребята, вы не смейтесь, — растерянно сказал Яр. — Конечно, я могу что-то напутать... Вот когда мы учились...

Алька от смеха перекатился с травы на песок дорожки. Данка подняла его и бесцеремонно шлепнула.

— Ну что за чучело!

Из какого-то незаметного кармашка выдернула платочек, стала смахивать сухой песок с белой Алькиной рубашки — еще недавно чистой и отглаженной. А заодно — с волос, шеи, щек и ушей. Алька, чуть косолапя, перебирал исцарапанными ногами, фыркал, отворачивался и все время хихикал.

Потом успокоились, опять расселись на скамейке. После споров и смеха выпадают иногда такие тихие минутки. Данка, укоризненно вздыхая, сворачивала платок. Алька помусоленным пальцем оттирал с колена прилипшие песчинки и заглядывал в книжку Читы. Тик молчаливо

приткнулся к Яру. Яр обнял его за плечо, откинулся на спинку скамьи и разглядывал здание цирка.

Это был старый деревянный цирк. Поразились знакомый. Над парадным входом подытались на дыбы громадные фанерные кони — черные с красными седлами. В стороне от них белозубо улыбалась фокусница София Марчес с пунцовой розой в смоляных волосах. И держала на ладони лилипута (София и лилипут тоже были фанерные).

Яр вспомнил, как он, восьмилетний, с замиранием ждал на представлении, когда же София вытащит из какой-нибудь вазы или коробки крошечного лилипутика и вот так поставит на ладонь. Но этого ни разу не случилось. Лилипуты, выступавшие в аттракционе Марчес, были не такие уж маленькие — ростом вот с этого «клетчатого» мальчика, который все еще стоял с кулаками в тесных кармашках.

Мальчик будто ощутил взгляд Яра, сердито обернулся, растопырил локти и зашагал через кусты к дальнему дощатому забору.

— А что за забором? — спросил Яр у Данки. — Городской сад?

Она кивнула. Алька вскочил:

— Конечно, сад! Мы там в пиратов играем! Там по вечерам гулянья, а днем почти никого... Только там в гущине крапивы много.

Яр осторожно сказал:

— Мне кажется, там должен быть фонтан. Два мальчика с луком...

— Да, — быстро сказал Тик. — Хочешь посмотреть? Это близко, там в заборе дыра...

Фонтан стоял посреди поляны, окруженной старыми березами. Это был круглый каменный бассейн. Посреди бассейна торчала сложенная из булыжников горка, а на ней темнели фигурки двух бронзовых мальчишек. Один, вытанувший в струнку, поднял согнутый лук с нацеленной в зенит стрелой. Другой сидел у его ног и держал запасные стрелы. Оба смотрели вверх.

«Сколько лет они в этом саду... — подумал Яр. — Вечные ровесники всех мальчишек, которые здесь играли и будут играть... А там в последний раз их не было. И сада не было...»

Фонтан работал в четверть силы. Из тонкой трубки-стрелы выбивалась небольшая струйка, и вода стекала по мальчишечьим рукам и плечам (на плечах лежали зеленые полоски медной окиси). На внутренней стороне бассейна выплевывали водяные жгутики озорные детские рожки, тоже отлитые из бронзы. В бассейне вода слегка рябила, но сквозь нее хорошо различалось бетонное дно. Яр заметил дрожащий блеск нескольких белых и желтых монеток.

— Ура, — деловито сказал Алька. — Будет нам мороженое.

Дрыгнув ногами, он скинул растоптанные сандалеты и соскользнул с края бассейна в воду. Тик хотел пойти за ним, но Данка не пустила:

— Если будет мокрый, то пускай хотя бы один... И вообще это неприлично — мелочь в воде собирать.

— Дана, не обрастай предрассудками, как классная дама, — возразил Чита. — Все собирают.

— И вовсе я не буду мокрый, — сказал Алька. Вода была ему чуть выше колен. — Ух и теплая...

Он стал бродить вокруг каменной горки. Иногда нагибался и, макая подвернутый выше локтя рукавчик, доставал добычу.

— Вон еще денежка! — командовал Тик.

— И вон! — показывал снятыми очками Чита. Яр тоже не зевал:

— Алька, смотри! Рядом с ногой!

Даже Данка сперва увлеклась. Но скоро сказала:

— Хватит уже. В цирк опоздаем.

— Там еще много осталось, — с сожалением отозвался Алька. Но пошел к барьеру.

— Сюда каждый вечер монетки бросают, — объяснила Данка Яру, — потому что этот фонтан все любят. Он все нашествия пережил.

«Какие нашествия?» — хотел спросить Яр. Но тут приблизился Алька, пришлось его вытаскивать на сушу.

— Много? — спросил Тик.

Алька разжал кулачок. На ладони лежала кучка мокрых монеток — серебристых и медных. Яр взял одну желтую. Размером она была в точности как знакомые по давнему детству пятаки. И тоже рубчики по краям. Но изображение оказалось незнакомым: четырехугольная звезда, похожая на розу ветров. Яр перевернул монету. И поморщился от неожиданности: на другой стороне была цифра 4. В подтверждение ее по кругу шла надпись:

Четыре копейки. Размен. знак

Яр с непонятной досадой положил «обманый пятак» в Алькину ладошку. Потом рассердился на себя: расстраиваться из-за такой мелочи, как незнакомая монетка, просто глупо. После всего, что случилось!

Он поймал тревожный взгляд Тика: «Что-то не так?»

«Все в порядке», — улыбнулся Яр.

И Тик улыбнулся. Чуть виновато.

Они пошли к лазейке, ведущей в сквер, к цирку. Алька, гордый добычей, топал впереди. Яру показалось, что Алькина походка стала чуть больше «кавалерийской», чем раньше. И тут же Данка сказала:

— Ты почему хромаешь?

— Да так...

— Алька!

— Ну, там, кажется, стекло было...

— Вечно с тобой истории. — Данка опять до-

стала платочек. — Дай сюда ногу, балда... Вот засоришь да схватишь какую-нибудь заразу...

— Ой, уже схватил... Р-р-р! У меня бешенство! — Алька запрыгал на одной ноге.

— Дурь у тебя... — Данка разорвала платок на ленты. Общими силами замотали порезанную Алькину ступню (он хихикал от щекотки). — Обувайся, радость ненаглядная. Да ступай осторожнее.

— «Осторожнее, осторожнее»... Нога, что ли, отвалится?

— Не ворчи и слушайся старших, — усмехнулся Чита.

— Это Дарья-то старшая? Ой-ой-ой! Вот это да!

— Тогда меня слушайся, — сказал Яр. — Я-то уж точно старше. Даже и не сосчитать, во сколько раз.

Не оглядываясь, Алька проговорил с ехидцей:

— Ну и что? Зато ты не настоящий, а придуманный.

— Алька! — со звоном сказал Тик.

Все остановились. Чита растерянно надел очки.

— Алька, ты что?.. — сказала Данка.

Алька быстро глянул на всех, отвернулся и засопел.

Тяжелая неловкость навалилась на всю компанию. Яр коротко вздохнул. Обижаться было глупо. Но все же на миг ему стало жаль себя. Так же, как жаль было курчавого мальчишку, которого недавно прогнали четверо приятелей...

Судя по всему, назревала ссора. Может быть, даже со слезами. В такой, казалось бы, дружной компании!

Чтобы все сделать шуткой, Яр крикнул, как рассерженный Дед Мороз, и пробасил:

— Тут где-то растет крапива, про которую ты говорил. Я вот сорву, а там посмотрим, придуманный я или нет.

Это прозвучало ненатурально и глупо. Данка отвела от Яра глаза и сказала Альке:

— Бессовестный. Извиняйся сейчас же.

Алька порозовел, опустил пшеничные ресницы. Сказал сипловато, но все же с чуть заметной игривой ноткой:

— Простите, пожалуйста, я исправлюсь.

— Бессовестный, — опять сказала Данка.

— Мы не опоздаем? — чересчур озабоченно спросил Тик.

Яр взглянул на часы.

— Двадцать минут до звонка. Пошли! Мы ведь хотели еще мороженого купить.

— В цирке за мороженым сейчас очередица, — возразила Данка. — А здесь, в саду, недалеко киоск есть. Вы идите и подождите меня у скамейки, я сбегаяю. Алька, дай деньги.

Насупленный Алька вытряс из кармана монетки.

Тик переглянулся с Данкой.

— Я с тобой сбегаю! Тебе не унести столько порций. Сразу... пять...

— Я с вами,— сумрачно сказал Алька.

— Ты хромой.

Данка и Тик умчались. Алька секунду подумал и кинулся за ними...

Яр и Чита сели в сквере на прежнее место. Чита сию же минуту уткнулся в книгу. Яра это даже слегка разозлило. Но он постарался прогнать досаду и неясную тревогу. Потянулся, вдохнул в себя лето и стал смотреть, как втягивается в цирковые двери пестрая ребячья толпа.

Яра легонько тронули за плечо. Сзади стоял хмурый Алька. Он шагнул назад и поманил Яра за собой.

Они быстро отошли.

— Что, Алька? — с испугом спросил Яр.

Это был какой-то другой Алька. Без всякой смешинки в серо-зеленых своих глазах, будто похудевший и подросший.

— Что, Алька? Что случилось?

Тот шагнул к Яру вплотную, прочно взялся за его рубашку, уткнул ему под ребра запрокинутый подбородок. И, глядя снизу вверх, тихо спросил:

— Ты очень обиделся?

Яра накрыло теплой волной.

— Ну что ты, Алька,— одними губами сказал он.

— Нет, правду скажи.

И Яр сказал правду:

— Самую капелюку. Но сейчас уже несколько не обижаюсь. Честное слово.

Алька переглотнул. Еще острее уткнулся подбородком.

— Пожалуйста... Ну, пожалуйста-пожалуйста, извини меня. Ладно?

Яр улыбнулся, пятерней взъерошил Алькины нестриженные волосы. Несколько секунд Алька смотрел с жалобной тревогой. Потом тоже заулыбался, превращаясь в прежнего Альку. Яр подхватил его, невесомого, вскинул на вытянутых руках, закружил над собой. Алька радостно заверещал, дергая ногами и теряя сандалеты.

Подбежали Данка и Тик. Подошел Чита.

— Я тоже так хочу,— сказал Тик.

Яр усадил босого Альку в траву, взметнул вверх Тика. Тик не стал верещать, упруго выгнулся, раскинул в стороны ноги, развел прямые руки (в каждой — стаканчик с мороженым).

— У нас такое упражнение называлось «мельница»,— вращая Тика над головой, сказал Яр.

— А у нас — «штурвал»! — крикнул Тик.

И правда, его тонкие ноги и руки мелькали, как спицы в рулевом колесе парусного корабля из старинного фильма про пиратов.

Яр приземлил Тика и спросил у Данки:

— Тебя позертеть?

— Нет, я уже большая,— вздохнула она.

Предлагать «верчение» серьезному Чите Яр не решился. Но тот сказал ревниво:

— А меня?

— Ты, наверно, и там читать будешь?

— Не-а,— отозвался Чита с дурашливой, почти Алькиной интонацией. И отдал Альке очки (тот сразу их нацепил). А Яр уже не первый раз подумал вот о чем: обычно, если человек снимает очки, взгляд его делается беспомощным, а у Читы — у Вадика — глаза становились твердыми, как у стрелка из лука.

— Летим,— сказал Чита.

...А через пять минут они сидели в цирке. Лизали остатки тающего мороженого. Смотрели, как над желтой ареной зажигаются фонари. У выхода выстроились униформисты в красных с золотом мундирах. Пахло опилками, конюшной, сухим лаком скамеек. Голоса и смех уносились под купол, где блестели никелем трапеции. Стоял такой знакомый «цирковой» гул. Все было как раньше...

Когда раньше? Где?

«Этого не может быть!» — опять резанула Яра холодная мысль. Но тут же улетела. «Ну и пусть! — мысленно крикнул ей вслед Яр. — Это есть!»

Оркестранты на балконе гудели и пиликали вразнобой — пробовали свои скрипки и тромбоны. И вдруг замолчали. Вспыхнули еще фонари — яркие до синевы. Над оркестром на темном панно забегали, запереливались круглые цветные огни.

Яр подумал, что это похоже на щит корабельного компьютера. Конечно, когда корабль меняет режим. А если крейсер висит в субпространстве, то огни горят неподвижно...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гость

1

Огни горели неподвижно. Могли они и совсем не гореть. Свечение лампочек на пульте было лишь традицией. По крайней мере, когда крейсер зависал в субпространстве перед дальним «прыжком». Вахта в это время тоже была не нужна. Если кто-то и дежурил, то опять же отдавая дань традиции или бессоннице.

Капитан Виктор Сайский бессонницей не страдал, а традиций не одобрял, так как они уставом СКДР не оговаривались. Но, с другой стороны, они не были и нарушением. Поэтому Сайский лишь досадливо помолчал, когда Ярослав

сообщил, что не пойдет спать и останется у пульта.

Ярослав был старше всех в экипаже, старше даже астронавигатора Олега Борисовича Кошки, хотя тот уже выглядел пенсионером. У Сайского могли возникнуть подозрения, что разведчик Ярослав Родин просто не доверяет автоматике крейсера, а заодно и капитану, который эту автоматику сам отлаживал и проверял. До последней ячейки! Но высказывать подозрения и вступать в спор капитан не мог. Помолчав, он только спросил:

— Ну... а что же вы собираетесь делать в течение сорока часов? Если не секрет.

— Не секрет,— без улыбки сказал Ярослав.— Буду сидеть. Вспоминать...

Он говорил правду. Часы молчания, когда крейсер повисал вне привычных измерений и понятий, когда он по земным предположениям просто не существовал, и ничего, абсолютно ничего не могло случиться, Ярослав любил. Любил тишину и домашнее тиканье пружинного будильника завода «Янтарь». Будильник неторопливо отмерял локальное время.

Ярослав сидел и вспоминал. Собственно, это было главное, что оставалось у него. От поиска Яр ничего не ждал. Скорее всего, опять будут пустые ненужные планеты: каменные глыбы, сожженные жестким излучением, или жидкие шары в оболочке метановых и аммиачных атмосфер. Они годятся для диссертаций, а для жизни бесполезны.

А если и будет жизнь — вроде микробов и горного мха на Виктории или тех безобидных песчаных тварей на АЦ-1 — ну и что?

Вероятность найти цивилизацию, с которой можно общаться, равна ноль целых, ноль, ноль, ноль... Найти остатки такой цивилизации легче. По крайней мере на Леде нашли. И тысячи умов кинулись разгадывать: кто были существа, построившие посреди каменной равнины громадный арочный мост? Что означают мозаичные фигуры на поле, частично изрытом ударами метеоритов? Кто-то уверял, что нашел разгадку. Была даже написана «История цивилизации Леды». Сначала она понравилась Ярославу. Позже он перелистывал ее с усмешкой. Автор строил догадки и доказательства, то и дело пристегивая факты из истории Земли. Это было похоже на попытку примерить чужую одежду. Ярослава перестали интересовать загадки мозаичных фигур и гигантских арок.

Волновать себя тайнами давно сгинувших в космосе жизней? Зачем, если не сумел разобратся в своей?

Это был не эгоизм. Скорее, это было одиночество. А может быть, усталость.

И оставаясь один, Ярослав теперь вспоминал не Леду, не Черные Кристаллы, не метановые вихри Меркутора и не стада песчаных кротов на

АЦ-1. Он вспоминал двор на улице Огарева. Юрку вспоминал, Славика, игру в лунки, синие вечера с костром на лужайке за стадионом и бу-мажные самолеты, которые пускали с голубя-ни. И очень часто — маму.

Мамина могила не сохранилась.

Когда Яр пришел из первого броска, кладбище — уже сильно заросшее — еще темнело над речным обрывом. Он отыскал тогда холмик с решеткой и плоским серым камнем. К холмику даже вела тропинка — видимо, за могилой присматривала Галина. Она не дождалась Яра, вышла замуж за какого-то журналиста, но, значит, что-то сохранила в душе... Яр поправил камень, покрасил решетку и через три месяца ушел на знаменитом СКДР-7 к Черным Кристаллам.

Когда он вернулся, Нейск ничем не напоминал прежний город. На месте кладбища блестили стеклянные павильоны какой-то фабрики. Это неожиданно сильно обидело, даже оскорбило Яра. Он понимал, что жизнь идет и все меняется, но выдержка скадермена изменила ему. Он отказался встречаться с журналистами и участвовать в конгрессе Академии, который был посвящен Черным Кристаллам. Не пошел даже на встречу с учениками «своей» школы. Вернее, той, что стояла на месте бывшей кирпичной, трехэтажной. Впрочем, обижать ребят Ярослав не хотел. Но он не знал, как говорить с ними. Дети стали непохожи на прежних — рассудительные, крайне вежливые, во взрослых костюмах, со взрослой расчетливостью в глазах и речах. С десятилетнего возраста знающие, кто из них кем станет.

Или Яру так казалось? Все равно, он не пошел...

Он три года проработал в обсерватории Звездного центра и старался жить, как все. И у него получалось. Даже чуть-чуть не женился второй раз. Но тут ему сказали про рейс «девятки», и он сразу согласился...

Будильник в тишине тикал с удвоенной громкостью. Это был старый квадратный будильник с треснувшим на уголке стеклом. Очень похожий на тот, что стоял на подоконнике в комнате маленького Ярослава — Яськи. Когда он принимался трезвонить (от усердия даже подпрыгивал), Яська вскакивал, подбегал, давил кнопку и опять кидался в постель. Но теперь уже ногами к подушке. Это чтобы мама, когда придет стаскивать одеяло, удивилась. И мама каждый раз притворялась, что удивляется. А потом начинала щекотать Яськины пятки. А он хохотал и лягался.

— Ну, хватит, хватит, Ясик. Ох, какой же ты еще ребенок...

Мамин голос Яр помнит. Каждое звучание,

каждую нотку. Руки помнит с прожилками и царапинками. Завитки волос и родинку на мочке уха... А лицо ускользает, ускользает... Карточки сгорели вместе с комбинезоном во время аварии вездехода на Меркаторе. Был еще один снимок — фаянсовый медальон на памятнике. Но где он теперь?..

Будильник стоял на полированном выступе, который тянулся по всему пульту. В полировке, как в черной воде, отражался светлый циферблат и цветные лампочки панели. И магнитная кассета — ее забыл Дима Кротов, самый молодой член экипажа. На одной стороне ленты были записи популярных ансамблей, на другой — чей-то голос. Дима слушал его в одиночку, в своей каюте...

Яр дотянулся до кассеты и убрал ее в выдвижной экранированный ящик. Иначе при смене режима запись могла изрядно пострадать. Почти сразу Яр услышал за спиной легкие шаги. «Вспомнил», — с усмешкой подумал он и сказал:

— Дима, я убрал вашу кассету в ящик.

Дима не ответил. Яр оглянулся. Посреди рубки стоял мальчик.

Мальчик лет одиннадцати, белобрысенький такой, с немного оттопыренными ушами, с царапиной на вздернутом носу. В сетчатой безрукавке с большой дыркой на плече, в мятых серых брюках с «пузырями» на коленях. Правая штанина подвернута, будто он только что ехал на велосипеде. К пыльным вельветовым полуботинкам пристали пушинки — видимо, от цветущего тополя.

Мальчик поглядывал вокруг со спокойным любопытством.

«Ну что ж...» — подумал Яр и кинул руку к левому карману с ампулой.

Когда Яр учился в Ратальской спецшколе, у них на курсе был паренек, Стасик Тихов, он коллекционировал старую фантастику. Немного наивные, но в общем-то увлекательные романы и повести о звездных путешествиях. В этой коллекции был целый раздел, который назывался «Визиты»: истории о том, как в космолетах и орбитальных станциях неожиданно появлялись люди или иные существа. Не из экипажа, а другие. В разделе было три части. В первой говорилось о «зайцах» (чаще всего о мальчишках), которые тайно пробирались на корабль, чтобы участвовать в экспедициях. Вторая часть содержала рассказы о «гостях»: о лицах разного возраста, повадок и характеров — они проникли на звездолеты и станции неведомыми науке путями, иногда с помощью колдовства. В третьей части речь шла о призраках.

Практика звездных экспедиций два первых варианта отрицала начисто.

А «призраками» занималась медицина.

Врачи именовали эту болезнь длинным латинским термином. У скадерменов называлась она короче, но тоже по-научному — «псевдоконтакт».

Псевдоконтакт проявлялся чаще всего у молодых астролетчиков, которых вдруг охватывала тяжелая тоска по Земле, или у ветеранов, уставших от долгих рейсов и разведок. В этих случаях космонавты видели перед собой — очень реально — знакомых или незнакомых людей, которые вступали в беседы, звали куда-то, вспоминали о прошлом.

Псевдоконтакта отчаянно боялись. Он свидетельствовал, что следует менять звездную профессию на земную...

Яр был далеко не молод, ностальгией не страдал. Значит, годы?.. Черт знает, когда они успели пролететь...

«Ну что ж...» — подумал он довольно хладнокровно. — Придется снова засесть в обсерватории...»

Но это потом. А пока — рейс. Бросок. В рейсе следует оставаться скадерменом. Яр щелчком выбил на ладонь крупную пилюлю пентарина. С некоторым сожалением взглянул на мальчишку, который сейчас исчезнет. Мальчишка был удивительно знакомый. Нет, Яр не знал его имени и раньше никогда не видел. Но такими были приятели в его детстве. Таким, видимо, был когда-то он сам.

Этот пацаненок прикатил на своем велосипеде из тех времен, когда о звездных полетах писали только фантасты. Когда не существовало неофициального, но почетного титула «скадермен», да и самого проекта СКДР не было в помине. А был старый Нейск, заросший одуванчиками двор, шаткая заброшенная голубятня, где играли то в партизанский штаб, то в полет на Венеру...

Мальчик стоял вполоборота к Яру и разглядывал на потолке центральный, выключенный сейчас плафон.

— Испортился, что ли... — тихонько сказал он и стал медленно поворачивать голову к Яру.

Яр вздохнул и раздавил зубами желатиновый шарик.

Ледяные стрелы ударили в язык, в небо, в мозг. Все вокруг стало холодным и пронзительно ясным. Таким ясным, что приглядишься — и поймешь, куда и по каким ячейкам скачут за пультом электронные импульсы. Прислушайся — и узнаешь, какие сны снятся юному Диме Кротову или добродушному Борису (Сайский снов, естественно, не смотрит, так как это не предусмотрено инструкциями).

В мыслях тоже ясно, чисто и холодно. Исчезли сумятица, неуверенность, нерешительность.

Исчезло все ненужное, все, что мешает, все, что кажется...

Мальчик не исчез.

Он тоже стал ясным, как бы видимым насквозь. Яр, например, понял, что в кармане у мальчишки шелуха от семечек подсолнуха и огарок свечки и что у него побаливает натертая башмаком пятка, и что здесь, в рубке крейсера, мальчику интересно, а смущения он не испытывает и настроен даже как-то по-хозяйски.

Черт знает что...

Оставалось прошептать «сгинь-пропади» и плюнуть через левое плечо. Яр этого не сделал, хотя про суеверность скадерменов ходили анекдоты. Он ощущал странную беззаботность. Как школьник, который говорит: «Я сделал все, что полагается. Теперь, если что-то не так, я не виноват».

Мальчик встретился с Яром светло-карими глазами. Взгляд был спокойно-доброжелательный и самую чуточку снисходительный. Мальчик улыбнулся уголками губ и опять поднял глаза. На выпуклые хромированные буквы над пультом.

— Эс-Ка-Дэ-Эр-девять,— полушепотом прочитал он.— Супер-крейсер дальней разведки...

— Совершенно верно,— сказал Яр, поворачиваясь вместе с креслом. Гость явно не собирался растворяться в воздухе, и оставалось одно: принять «правила игры». «Черт возьми, почему я не ударяюсь в панику? И почти не удивляюсь?—спросил себя Яр.— Защитная реакция мозга?»

А мальчишка был такой славный и абсолютно настоящий. Как он устоял перед пентарином? Этого не могло быть...

— Совершенно верно,— сказал Яр.— Супер-крейсер дальней разведки. Сокращенно — «эскадер». В просторечии — «скадер».

— А почему «девять»?— Мальчик опять посмотрел на Яра. Как на привычного собеседника.

— Потому что девятый номер. По порядку. Так построили...

— Да?— Мальчик то ли с недоумением, то ли с легкой досадой шевельнул выгоревшими бровями.— А я, когда сюда шел, думал, он один. Просто «эскадер»...

— Ты сюда шел...— задумчиво сказал Яр.— И вот пришел... Да?

— Ага,— и он опять слегка улыбнулся.

— Ну и... может, поздороваетесь хотя бы?

— Ой... здрасте. Простите.— Он чуть покраснел и зашевелил большим пальцем в полуботинке— в том месте, где вельвет был протерт почти насквозь.

Яр, бестолково улыбаясь, молчал. Мальчик решил, видимо, что хватит смущаться, и повел веселыми глазами по пульту.

— Сколько приборов всяких. В сто раз больше, чем я думал... А это что за кнопка?

Яр в броске перехватил руку.

Он не мог ее перехватить. Рука должна была оказаться из воздуха. Или из чего там у призраков? Но она, по-мальчишески тонкая, твердая, теплая, оказалась настоящей. Когда Яр испуганно разжал хватку, на загорелой коже остались белые пятнышки от пальцев.

Мальчик удивленно морщился.

— Извини,— сказал Яр.— Больно? Я не хотел. Но эта кнопка аварийного вызова, сейчас поднялся бы такой тарарам...

— Ой...— сказал мальчик и виновато засопел.

Яр откинулся в кресло.

— Ну, ладно... Любопытно все-таки, откуда ты взялся?

— Я? Ну... я сперва поехал к Данке, чтобы спросить про цирк. А потом сюда, на поляну. Думаю: наверно, пора заглянуть.— Он почему-то вздохнул.— Велосипед у забора поставил, а сам сюда, по лесенке. Вот...

— Угу... Ты хочешь сказать, что крейсер стоит на поляне и к нему ведет лесенка?

Мальчик быстро и прямо взглянул Яру в глаза. Кивнул.

— М-да...— медленно сказал Яр.— Видишь ли, я убежден в другом. Я уверен, что он висит в субпространстве, которое даже не совсем пространство и про которое ученые до сих пор спорят, что же это такое. И в которое трудно приехать на велосипеде хотя бы потому, что...

— Да, я знаю,— перебил мальчик и нетерпеливо мотнул головой.— Это по-вашему в этом... в субпространстве. А в самом деле, по-нашему, на поляне...

— По какому это «по-вашему»?— слегка уязвленно спросил Яр.

— Это... Мы так придумали. Я и ребята. Когда стали в вас играть...

— Ничего себе заявочки!— Яр от изумления вспомнил мальчишечью терминологию давних лет.— Это выходит, я придуманный? И весь экипаж, и крейсер?

Мальчик впервые смутился очень сильно. Оттопыренные уши стали алыми. Он опустил голову и левым башмаком начал неловко чесать правую щиколотку. Прошептал не глядя:

— Ну... вы не обижайтесь, пожалуйста.

— Я не обижаюсь...— Яр дотянулся, взял его за локти (взял настоящего, живого, пахнущего травой, мальчишечьим потом, велосипедной смазкой и клейким тополиным соком), поставил перед собой.— Я не обижаюсь, малыш... но мне трудно в это поверить. В лесенку, в поляну...

— Тогда пойдете!— Мальчик весело отпрыгнул назад.

— Куда?

— На поляну!

Яр понял, что сейчас мальчик уйдет.

— Поймай! Скажи хотя бы, как тебя зовут?
Мальчик мигнул.

— Игна...т...тик,— проговорил он с легким усилием. Видимо, не знал: сказать полное имя или уменьшительное.

Яр этого не ждал. Среди его друзей-мальчишек были Саши, Валерки, Вовки, Юрки, Сережи... Потом пошла мода на Денисов, Егоров, Данилок... Игната он не помнил ни одного.

Но все равно хорошо.

— Значит, Игнатик?

— Ага,— сказал мальчик с облегчением, будто сдал маленький экзамен.— Или иногда просто Тик... Вы пойдете?

Яр улыбнулся:

— Я же на вахте.

— Ну и что? Корабль на автоматическом контроле, вахта сейчас не обязательная.

— Хорошо...— Яр встал. Если играть, так до конца. Но, кажется, конец был близок. Какой?

Игнатик шагнул к двери аварийного гермошлюза и ухватился за хромированный рычаг, утопленный в глубокой выемке. Вопросительно оглянулся на Яра.

— Чтобы открыть эту дверь, надо ее разблокировать и набрать двойной код,— тихо сказал Яр.

— Да не-е...— отозвался Игнатик.

И потянул рычаг.

Дверь тяжело отошла.

Яр увидел полосы солнца.

2

Солнце било в щели и открытую дверь дощатой будки. Будка примыкала к тамбуру шлюза. Игнатик легко перешагнул стальной комингс. Протянул оттуда, из другого мира, тоненькую свою руку Яру. Яр... он вздохнул, зажмурился и тоже шагнул.

У него под ступнями прогнулись шаткие половицы. Яр быстро посмотрел назад. Там была теперь фанерная стенка с грубо сколоченной и плотно закрывшейся дверью.

— Как же я вернусь?— проговорил Яр с внезапным и совершенно детским страхом.

— Да очень просто. Так и вернешься... Ой, то есть вернетесь... Яр...

— Что?— машинально спросил он. Сердце стучало глухо и медленно. С трудом толкало кровь. Было жутко? Пожалуй, нет... Но...

— Что?— механически повторил он.

— А можно... мы будем с вами на ты? Мы так привыкли, когда играли...

Игнатик опять засмутился, зачесал башмаком щиколотку. Он был настоящий. Его смущение было настоящим. И его царапина на носу, спутавшиеся на лбу волосы, дырка на майке.

И заброшенная голубятня была настоящая. То, что это голубятня, Яр понял, увидев за окошком проволочную клетку. Здесь вкусно и знакомо пахло старыми досками.

Яр усилием воли вогнал сердце в нормальный ритм. В конце концов, он был скадермен с тремя звездами на рукаве.

— Да,— сказал си Игнатику,— конечно. Давай на ты, так лучше будет.

— Пошли?— Игнатик шагнул к двери голубятни. Яр за ним. В проеме двери он, согнувшись, замер.

Навстречу ударило лето.

Знакомое до сладкой тоски лето с высокой травой, тополиным пухом, солнцем и чистой голубизной над низкими крышами.

Голубятня стояла посреди поляны, усыпанной звездами одуванчиков. Они покрывали поляну сплошной желтизной. Игнатик прыгнул в одуванчики и сказал Яру:

— Спускайся. Не бойся...

Яр медленно сошел по приставной лесенке.

За поляной лежал широкий двор. Тот самый двор? С двухэтажным деревянным домом, с высоким сараем, вдоль которого тянулась березовая поленница. За покосившимся забором — два тополя и кирпичное здание переплетных мастерских. Косой столб с проводами, на проводах повис разбитый ветром змей с мачальным хвостом.

Вокруг поляны, шелестя спицами по листьям высоких сорняков, ездил на велосипеде мальчишка.

— Во, Алька на моих колесах гоняет,— обрадовался Игнатик.— Алька!

Мальчишка подкатил, затормозил со звонким скрежетом. Распахнул ресницы, глянул изумленно. И вдруг просиял — иного слова не найдешь — навстречу Игнатику и Яру.

— Вот,— скромно сказал Игнатик.— Это Яр. Я привел. А вы не верили.

Алька положил велосипед. Сияя, обошел вокруг Яра, как вокруг новогодней елки. Потом встал перед ним, глянул серо-зелеными веселыми глазами и приоткрыл пухлый рот с трещинкой на верхней губе.

Он был круглолицый, русский, в полинялом обвисшем тренировочном костюме. Чуть пониже Игнатика и на год или полгода помладше.

— Здравсте... здравствуй,— сказал он и протянул прямую ладонь с плотно сдвинутыми пальцами.

Яр улыбнулся... и опять поразился реальности и невозможности того, что случилось. Обдало жуковатым холодом. Но Алька был такой... такой взаправдашний Алька. И все вокруг было.

А раз было, приходилось делать то, что полагается. Устав СКДР гласил: «Столкнувшись с несбычными явлениями, которые на данный

момент не поддаются объяснению, командир и члены экипажа, вместе или в одиночку, должны действовать, полагаясь на собственную интуицию и опыт, в соответствии с обстоятельствами».

В соответствии с обстоятельствами следовало взять Алькину руку и поздороваться. Яр так и сделал.

— Ой! — спохватился Игнатик. — Надо же к Чите зайти! Подождите, я запру велосипед в сарай и пойдем...

Он вскочил в седло и укатил по траве и одуванчикам.

У Яра и Альки наступило неловкое молчание. Чтобы его прогнать, Яр спросил:

— А кто такая Чита?

Алька обрадованно засмеялся:

— Это не «такая», а «такой»! Это Вадька, мы его так прозвали.

— А он не обижается? Чита — это ведь, по моему, обезьяна из старого кино про дикаря Тарзана...

Алька замотал головой так, что волосы разлетелись по сторонам.

— Это не из кино, что ты! Это сокращенно от слова «читатель».

Подбежал запыхавшийся Игнатик.

— Пошли! — Он торопливо взял Яра за руку. За другую — двумя ладошками — ухватился Алька.

Улица была та, где он бегал в детстве. Или почти та. Яр узнавал дома с палисадниками, старые ворота с поржавевшими овальными знаками страховых обществ. Вот старая кривая липа, вот водонапорная колонка, похожая на человечка в матросском берете с помпоном. У нее, как всегда, лужа, из лужи пьют воробьи.

Асфальтовый тротуарчик тут и там пробит крепкими небольшими лопухами...

Вошли во двор, похожий на тот, где жил когда-то Славик Раскатов. На середине приставной лестницы, ведущей к чердаку, сидел мальчик в очках. Это, безусловно, и был Чита. Во-первых, потому, что он читал. Во-вторых, потому, что Алька радостно завопил:

— Чита, мы пришли! Вот смотри!

Чита поднял голову. Рывком откинул со лба темное крыло волос. Положил очки в накладной карман отглаженной голубой рубашки. Прикрыл книгу и встал на ступеньке. Отряхнул красивые светлые брюки с острыми стрелками. И, не держась за брусья лестницы, легко сбегал по шатким перекладкам.

Встал перед Яром — тоненький, высокий, очень аккуратный. Посмотрел прямо и внимательно.

— Здравствуйте, Яр. Хорошо, что вы пришли.

— Мы договорились с Игнатином, что будем на ты, — сказал Яр.

Чита рассеянно кивнул. Посмотрел на Игнатика.

— Тик, просто не верится. Как ты все это сделал?

— Я старался, — скромно сказал Игнатик.

— А где Данка? — нетерпеливо спросил Алька и крутнулся на пятке. — Еще не пришла?

— Вот она идет, — сказал Чита.

В калитку вошла девочка в красном платье. Угловатая, быстрая, с толстогубым добродушным ртом, но строгими бровями и темными глазами. Игнатик и Алька подтянулись. Впрочем, Алька тут же довольно развязно сказал:

— Где тебя носило? Принесла билеты?

— Здравствуйте, — сказала Данка. В основном Яру.

— Это Яр, — сообщил Игнатик.

— Я поняла... — в Данкиных глазах металось любопытство, но говорила она сдержанно. — Значит, все-таки вытащил вас Тик... Он у нас молодец, верно?

— Тут какой-то заговор, — заметил Яр. — Выходит, меня заранее готовились «вытащить»?.. Объясните мне все по порядку! — взмолился он.

— А мальчишки не объяснили? — Данка с укором глянула на ребят. Она была постарше и, видимо, умела командовать.

— А чего... — пробормотал Игнатик. — Я сказал, что мы играли.

— По дороге поговорим, — пообещала Яру Данка. — Вы ведь пойдете с нами в цирк?

— А у вас на меня и билет есть?

— Билета нет, но здесь такое правило: если собираются четверо ребят, один взрослый может пойти с ними бесплатно.

— А если спросят, откуда я взялся и кто я такой?

— Кому какое дело? — буркнул Игнатик.

— Мы скажем, что к Игнатику приехал в гости дядюшка! — воскликнул Алька и ухватил Яра за руку. — Пошли?

Данка хмыкнула и оглядела Альку от плоских растоптанных сандалет до растрепанной макушки. Потом Игнатика — его дырявую майку, мятые штаны и пыльные башмаки. Игнатик начал торопливо раскручивать правую штанину.

— Брысь, — холодно сказала Данка. — Даем вам десять минут.

Игнатик с Алькой переглянулись и рванули к калитке. Уже с улицы Алька крикнул:

— А Яр? Ему тоже надо переодеться!

— Не ваша забота, — ответила Данка.

Яр посмотрел на себя как бы со стороны: спортивные брюки из серебристой тетраткани, форменная рубашка с эмблемой СКДР и звездами на рукаве...

— Я принесу вам папин костюм, — деловито сказала Данка.

— А как отнесется к этому папа?

— Папа умер...

— Ох... прости, пожалуйста. Но...

— А мама на дежурстве... Вы не волнуйтесь, Яр, мы вас не подведем, все будет хорошо.

«Ничего себе «не волнуйтесь»,— с усмешкой подумал Яр и понял, что не волнуется. Действие пентарина кончилось, пришло состояние легкого опьянения и беззаботной лени. Теплое лето обволакивало Яра. Крейсер показался далеким сном. Да и где он был теперь, этот крейсер?

...Данка принесла мягкий вельветовый костюм и клетчатую рубашку. Яр переоделся в сараичике, где пахло сухой травой и копошилась в углу курица-несушка. Одежда оказалась широковата в плечах, а по росту в самый раз.

— Вы... то есть ты немножко на папу похож,— улыбнулась Данка.— Такие же волосы светлые и такой же высокий. Только ты моложе.

— Моложе?— усмехнулся Яр.— Да ты знаешь, сколько мне лет?

— Сколько?

Яр сказал.

Данка охнула.

Но Чита авторитетно разъяснил:

— Это же общее число лет. А по локальному биологическому времени гораздо меньше.

— Да,— согласился Яр.— Но это, пока в рейсе. А на Земле потом жизнь берет свое. И начинает наматывать годы за месяцы...

— Вам никак не дашь больше тридцати пяти,— с чуть заметным девичьим кокетством сказала Данка.

— Пожалуй, — согласился Яр. — А тебе сколько?

— Четырнадцатый... — Она вздохнула. — А когда папа умер, было девять.

— Что же случилось с папой?— нерешительно спросил Яр.

— С папой?.. Да как со многими. Эпидемия... У Игнатика вот тоже... И отец и мама. Он теперь с тетей живет...

Чита сказал, будто заступился:

— Она же ничего, хорошая тетка...

Грохнула калитка— примчались Игнатик и Алька. Красивые такие. В одинаковых парусиновых шортиках— чистых, отутюженных, с лаковыми ремешками и пестрыми нашивками. В рубашках с накладными карманами и погончиками: Алька в белой, Игнатик в оранжевой. Игнатик переобулся в новенькие блестящие сандалии. На Альке остались прежние расхлябанные сандалеты. Данка посмотрела на них с осуждением.

— А других нет, я их утопил,— независимо сказал Алька.

Брюки и рубашку Яра Чита спрятал в тайнике за поленницей, где у него хранились книги. Яр смотрел на это с тревогой. Отдавая одежду, он как бы рвал последнюю связь с крейсером.

— Братцы, а когда вы вернете меня домой?

— Да вернем, вернем,— снисходительно сказал Алька.

— Вечером,— сказала Данка.— Если вы захотите...

— То есть как это «если захотите»?

— Вечером,— торопливо успокоил Игнатик.— Ты не бойся, Яр... Ну, идем?

Чита надел очки и открыл книгу.

— Он что, и на ходу читает?— шепотом спросил Яр.

— Ага,— с некоторой гордостью сказал Алька.

Летнее утро царствовало над тихими улицами. Прохожих было мало. Изредка с таракетием проносились автомобили старых, каких-то полужнакомых марок.

Город становился не совсем знакомым.

Сначала Яру казалось, что он попал в старый Нейск. Или двойник Нейска. В этом была бы хоть какая-то, пускай сказочная, логика: неведомые силы вернули его в мир детства. Но город оказался не совсем таким, каким помнился Яру. Чем ближе к центру, тем больше было путаницы. За старинным зданием банка со знакомыми львиными мордами над окнами стоял вместо привычного магазина «Детский мир» красный трехэтажный дом. За крытым рыночным павильоном, куда Яська ходил с мамой за луком и капустой, подымалась кирпичная лютеранская кирха— такой в Нейске вообще не было...

— Как называется ваш город? Нейск?— спросил Яр у Данки.

Она сказала чуть удивленно:

— Нет, Орехов.

Чита шагал впереди и ухитрялся не спотыкаться.

Алька, шлепая сандалетами, подбежал к нему.

— Ты что читаешь?

— «Зверобой» Фенимора Купера...

— Ух ты... А это кто на картинке? Индейцы?

Он зашагал рядом с Читой, заглядывая в книгу. Яр вдруг заметил, что ноги у Альки чуть-чуть колесом, как у маленького кавалериста. Это было еле заметно и ничуть не портило Алькину внешность. Наоборот, делало его походку особенно ловкой и слегка шаловливой. Алькиной...

Игнатик и Данка шли по бокам от Яра. Игнатик двумя руками держал его за локоть. Один раз он заглянул Яру в лицо, тихо сказал:

— Яр...

— Что... Тик?

Он заулыбался:

— Ничего. Просто...

— А вот и цирк,— сказала Данка.

Когда вышли из цирка, в разгаре был день. С жарким солнцем, с высокими белыми облаками.

— Купаться,— сказал Алька и запрыгал на здоровой, незабинтованной ноге.— Пойдем, Данка, да?— Он заглядывал ей в лицо, слегка подлизываясь.

— Можно,— отозвалась Данка.— Тебе полезно остыть.— Она повернулась к Яру.— С ним невозможно сидеть, верно? Хочет, как сумасшедший, да еще ногами колотит.

— Ну, а что делать, если клоуны?— заступился Яр.— Я сам хохотал, как в детстве... Когда я маленький был, у нас такие же клоуны выступали. Батон и Шура Печкин.

И подумал: «А может, эти же самые?»

— Вы хохотали нормально, а он— как будто его сто русалок щекочут,— сказал Чита, раскрывая на ходу книгу.

— Ты все равно ничего не видел и не слышал, ты читал,— поддел Алька.

— Читал и слышал. И все видел,— невозмутимо сообщил Чита.— Видел даже, как Игнат хулиганил.

— А что я...— неуверенно сказал Игнатик.

— А почему у Софии Марчес кубики два раза не туда падали, а петух все время прыгал в вазу и кукарекал, как бешеный? Она чуть не плакала.

— Тик, ну как не стыдно,— сказала Данка. Впрочем, без особой строгости. Алька весело растопырил ресницы. Игнатик потупился, затеребил шортики и произнес Алькиным голосом:

— Я исправлюсь.

Яр хотел спросить, как это Игнатик сумел устроить такие шуточки, но Алька ехидно поинтересовался:

— Чита, тебя щекотали русалки?

— Нет,— хладнокровно сказал Чита.

— А откуда ты знаешь, как хохочут, если они щекотят?

— Липучка,— сказала Данка.

— Говорят, раньше русалки водились под обрывом у крепости,— сообщил Игнатик и пристроился к Яру. Взял его за рукав.

— Мало ли что говорят,— возразила Данка.— Тебе что ни скажи, ты всему веришь... Знаете, Яр, он просто до ужаса доверчивый. Сам такие штуки умеет делать, а верит всему, что ни скажут.

— Ну и что...— слегка надулся Игнатик. И поплотнее взялся за рукав Яра.

Яр благодарно посмотрел на его белобрысую макушку и спросил:

— А что за крепость?

— Старинная, над рекой,— объяснила Данка.

— Пойдемте купаться к крепости!— оживилась Алька.

— Только надо купить что-нибудь поесть,— рассудила Данка.— Через час вы запищете от голода... Тик, сколько осталось копеек?

Игнатик вытряхнул из кармана какие-то бумажки, огарок свечи и две монетки. Данка недовольно сказала:

— Зачем ты свечку-то с собой таскаешь? Смотри, от нее на кармане сальное пятно.

— Подумаешь...

Они шли по старой улице с двухэтажными домами. Вдоль потрескавшихся асфальтовых тротуаров цвели высокие тополя. В безветрии медленно падал тополиный пух. Тик сдувал его с большого белого каравая, который купил в подвальчике с вывеской «Хлеб и мука».

По тряской мостовой, позванивая, проскакивали мальчишки-велосипедисты. Почтенные пенсионеры в парусиновых пиджаках прогуливали пуделей и болонок. Псы морщились и чихали от пуха. Машин почти не было, прстарахтел только голубой грузовичок, он вез на прицепе бочку с квасом. Двое загорелых ребяташек в красных трусиках катили по дороге громадную камеру автомобиля— тугую и блестящую. Она звонко прыгала на булыжниках.

— Нам бы такую,— вздохнул Алька. Тут же отвлекся, завертел головой.— Ой, смотрите, фотография!

— Ну и что?— строго сказала Данка.

— Автоматическая же! Можно сняться и сразу карточки получить.

— Вечно ты выдумываешь. Зачем?

— На память Яру,— хитро сказал Алька.

— А в самом деле!— обрадовался Яр.— Давайте!

Он подумал, как здорово будет сохранить снимок этой замечательной компании. На память о чуде, которому он уже перестал (почти перестал) удивляться. По крайней мере, останется доказательство, что это было.

— А деньги?— спросила Данка.

Игнатик показал четырехкопеечную монетку.

Они вошли в полутемный фанерный павильончик. Плоский жестяной клоун у стены приподнял шляпу и задрыгал ногами. Над ним зажглась надпись:

**Опустите 4 копейки и встаньте
перед объективом
у черты.**

— Дай, я опущу!— Алька торопливо сунул монетку в щель старинного аппарата рядом с клоуном. Аппарат был нарисованный, а объектив у него— настоящий.

Все торопливо встали у белой полосы на полу. Яр оказался посередине, Алька слева, Игнатик справа, Данка и Чита по краям.

— Перестань читать,— сердито сказала Данка.

В это время зашипело, вспыхнул магниевый свет, все вздрогнули, Алька подпрыгнул и захотал.

Через полминуты глаза опять привыкли к сумраку. Тогда зажглась новая надпись:

Подождите.

А еще через минуту:

Получите!

Клоун опять задрыгал ногами и поднял шляпу. Из щели под нарисованным аппаратом выскользнул на столик фотоснимок размером с открытку. Алька подхватил его, а клоуну снисходительно сказал:

— Спасибо.

На улице карточку подробно рассмотрели. И одобрили. Все получились похожие и веселые. Только Чита все-таки смотрел в книгу.

— Ну и ладно. Иначе это был бы не Чита,— заметила Данка и отдала снимок Яру. Он положил его во внутренний карман вельветового пиджака. При этом он заметил, что в кармане есть не то плоский бумажник, не то твердый конверт. Но тут же забыл.

Улица вывела на речной обрыв.

Река была широкая, с желтоватой водой, с толчеей плотов у противоположного низкого берега. На том берегу толпились домишки слободы. За слободой тянулись луга и синели рощицы. Над ними висели светлые груды облаков.

Река плавно поворачивала, и зеленый с желтыми проплешинами обрыв изгибался широченой дугой. На дальнем конце изгиба Яр увидел крепость.

Это были кирпичные башни—квадратная и несколько круглых. Они стояли почти вплотную друг к другу—будто кто-то на краю громадного стола сдвинул вместе красновато-коричневые банки и коробку.

Вершины башен были неровные, с осыпавшимися зубцами.

— Странная крепость,— сказал Яр.— У нас такой не было.

Тик посмотрел на него с тревогой:

— А что? Это... плохо, да?

— Нет...— скрывая сожаление, отозвался Яр.— Но когда вы меня... когда я оказался у вас, то подумал сначала, что попал в свой родной город...

— Все-таки это Орехов, а не Нейск,— виновато заметила Данка.

— Да... Но непонятно, откуда столько знакомого... Даже цирк с Софией Марчес.

— Это Тик напридумывал так похоже,— сказал Алька.— Ой...— он перепуганно посмотрел на Яра.

Яр засмеялся, дотянулся, взлохматил ему и без того растрепанную русую голову. И сказал, слегка наклонившись к Игнатику:

— Ну и молодец, что напридумывал... Двор у вас в точности такой же, в каком жил я. Мне даже показалось: вот поднимусь на второй этаж и окажусь в своей собственной комнате... И голубятня такая же... Голубей в ней не было, и мы там играли по вечерам.

— Как?— спросил Игнатик.

— По-всякому... Тоже придумали... У нас тогда была постоянная компания: Валерка Дымов, Славик Раскатов, Димка Сазченко, Юрик... фамилию не помню... и я... Девочки, правда, не было,— он покосился на Данку.

— А вас не ругали?— спросил Чита и оторвался от книги.

— За то, что не было девочки?

— Нет, за то, что пятеро,— быстро сказал Игнатик.

Яр по очереди оглядел всех. И Алька, и Тик, и Данка, и даже Чита смотрели на него с непонятным ожиданием.

— Братцы,— осторожно сказал Яр.— Я заметил непонятную вещь. У вас, по-моему, ужасно не любят число пять. Почему?

Алька сердито фыркнул. Тик быстро обвел друзей блестящими глазами и покрепче взял Яра за руку. Данка странно улыбнулась. Чита пожал плечами:

— Это же несчастливое число. Все знают...

— Я-то не знаю... У нас такого нет,— сказал Яр.— Это что? Обычай? Примета?

— Все на свете,— объяснил Чита.— Людям известно, что пять—это всегда не к добру. Во всех случаях жизни.

— Даже неприличным считается, если что-то пять,— сказала Данка.— Если впятером собираются, это... да никто и не собирается. Иногда только ребята, но за это попадает.

— Говорят, что хулиганство...— буркнул Алька.

— Ну... а мы сейчас тоже впятером. За это не попадет?

— Это не впятером,— усмехнулся Чита.— Это четверо и один. Четверо ребят и взрослый. Считается, что он смотрит за детьми. Поэтому даже в цирк пускают бесплатно.

— Ну, идем купаться-то?— жалобно спросил Алька. И шагнул к откосу. Там среди бурьяна и конопли начиналась тропинка и петлями спускалась к воде.

— Пойдите, Алька... Я хочу все же разобраться, почему такой обычай. Или даже закон?

— Закон?— удивилась Данка.— А откуда он возьмется?

— Как откуда? Мало ли... Вам лучше знать. Может, от директора школы, может, от правительства...

— А откуда возьмется правительство?— сказал Чита.— Правительства были раньше, когда люди еще воевали.

— А сейчас не воюют?

— Сейчас? — удивилась Данка. — Сумасшедшие, что ли? И без того хватает...

— Значит, по всей Земле нет войн?

— По какой земле? — сунулся Алька.

— По всему земному шару?

— А как это «земной шар»? — нерешительно спросила Данка.

— Разве планета — не шар?

— Шар, конечно, — заметил рассудительный Чита. — Но при чем здесь земля?

— Разве планета называется не Земля?

— Земля — вот, — Чита колупнул ботинком траву и почву. — А планета — просто Планета. Она так и называется...

— А-га... — соображая, протянул Яр. — Ну что же... А разве других планет у Солнца не открыли?

— Давным-давно открыли, — объяснил Чита. — Альфа, Бета, Гамма, Дельта... и так далее. А наша — просто Планета. Потому что для нас она главная.

— Логично, — заметил Яр.

— Пойдемте же купаться! — отчаянно сказал Алька.

Яр его понял. Яру тоже ужасно захотелось сбегать по тропинке среди зарослей, сбросить одежду, бултыхнуться в воду. Потом свалиться на песок и, может быть, зарыться в него, в сухой и теплый. И устроить с Тиком и Алькой возню. Вспомнить наяву берег Туры с такой же широкой желтоватой водой... Ну их, планеты. Хотя бы в этот летний день...

И все же Яр задал еще вопрос:

— Если нет правительств, кто же управляет людьми на всей... Планете?

— А зачем ими управлять? — опять удивилась Данка. — Маленькие, что ли? Каждый и так знает, что ему делать.

— Да нет, говорят, все же управляют, — как-то сумрачно возразил Чита.

— Мы еще маленькие, мы это не проходим, — чуть насмешливо сказал Алька.

Игнатик заглянул Яру в лицо.

— В самом деле, пойдём купаться, Яр.

Они начали спускаться. Данка двигалась осторожно, боком. Алька, несмотря на забинтованную ногу, ускакал вперед. Чита ухитрялся читать на спуске и ни разу не споткнулся. Игнатик не выпускал руку Яра.

4

Под заросшими откосами и обрывами тянулась песчаная полоса. Кое-где на ней торчали пляжные грибки. На песке резвилось и загорало множество мальчишек и взрослых. Мальчишек, разумеется, больше. Ребята и Яр долго шли вдоль воды и наконец отыскали свободное место с гладким, почти не тронутым следами песком.

Алька торопливо задергал пуговицы рубашки. Сказал с восторгом:

— Ох и побулькаем...

— Тебе нельзя, у тебя нога порезанная, — возразила Данка. Впрочем, без всякой уверенности, что Алька послушается.

Он только фыркнул и показал язык.

— Балда упрямая, — сказала Данка. Одним махом сбросила через голову платье, промчалась по песку и гибко, по дуге, кинула себя в воду. В серебристом купальничке она мелькнула, как узкая рыбка.

— А говорили, что здесь русалки не водятся, — улыбнулся Яр.

Мальчишки нетерпеливо кинули в кучу одежду и башмаки. Даже Чита без жалости скомкал свои наглаженные брюки. Только Яр аккуратно укладывал костюм — чужой, надо беречь. Игнатик, Алька и Чита нетерпеливо на него поглядывали.

— Ты нас побросашь? — спросил Игнатик. — Как?

— Ну, раскачал — и в воду, — объяснил Алька.

Вода была мутноватая и теплая, с привкусом травы и песка. Яр швырял с размаху в эту воду орущих от радости Игнатика и Альку. Потом все ныряли с него, как с вышки. Даже Данка, которая приплыла с середины реки. Оказалось, что лучше всех ныряет Чита. Тощий, ребристый, в обвисших трусиках, он взлетал с плеч Яра, как пружинка, и падал без плеска. Данка тоже хорошо ныряла. Игнатик не очень. Алька же просто плюхался.

Когда выходили на берег, Алька вдруг завопил:

— Ой, меня кто-то за ногу тащит! Крокодил!

Никто, даже Яр, не обратил внимания: привыкли к его фокусам. Только Игнатик бросился к Альке. Схватил его за локоть, дернул к себе. Оба шлепнулись у берега на мелком месте.

— Ты чего! Я же понарошке! — захохотал Алька.

Игнатик вскочил, ушел на берег и лег.

— Ну какие здесь крокодилы, — немного смущенно сказал ему вслед Алька.

— Ох и пустозвон ты, — вздохнула Данка.

— Я виноват разве, что он всему верит? — огрызнулся Алька.

Вслед за Игнатиком все в беспорядке попадали на песок. Яр украдкой смотрел на Игнатика и Альку — те лежали недалеко друг от друга. Алька боком-боком подобрался к Игнатiku, осторожно дотронулся локтем до его плеча. Игнатик улыбнулся. Тогда Яр облегченно закрыл глаза и перевернулся на спину. Блаженно вытянулся на сухом теплом песке Планеты.

Какой планеты?!

Скадермен всегда обязан быть скадерменом. Разведчиком. Попадая в незнакомые условия, он должен исследовать, изучать, анализировать, делать выводы. Строить хотя бы первоначальную теорию. Во имя дальнейшего развития человеческой мысли, во имя прогресса и науки.

Яр чувствовал, что самым скандальным образом теряет право на свой высокий титул. Он не анализировал и не строил. Он валялся на песке в обществе трех загорелых пацанов и девчонки и, вопреки логике, чувствовал себя таким же, как они — довольным и беззаботным.

Впрочем, он попытался мысленно прикинуть конспект первого донесения.

Пункт первый. Способ высадки на объект. Значит, так: через голубятню на поляне с одуванчиками (о, бедные академики в экспедиционном комитете СКДР!).

Пункт второй. Вид космического объекта. Планета типа, максимально приближающегося к земному... А может быть, все-таки просто Земля? В другом витке пространства-времени или в каком-нибудь параллельном варианте развития, или... тьфу! Сюда бы Стасика Тихова с его коллекцией фантастики, там подобной зауми — хоть зачитайся. (Но Стасик разбился в десантной ракете на голой гранитной планетке с красивым именем Легенда. И где теперь его коллекция?)

Ну ладно, пункт третий. Наличие биологической жизни. Сколько угодно. Во всех видах. Вот божья коровка ползет по локтю...

Пункт четвертый. Имеются ли какие-либо признаки цивилизации?

О господи, вон они, живые представители здешней цивилизации! Похитили разведчика Ярослава Родина с крейсера и в ус не дуют! Данка сидит на песке в позе знаменитой Русалочки и крошечным гребешком расчесывает мокрые волосы. Игнатик и Алька докопались до влажного песчаного слоя и строят крепость — вроде той, что стоит наверху. Чита, естественно, читает. Впрочем, это не мешает ему время от времени украдкой швырять в крепость песочные бомбочки. Яр давно заметил, что Чита многое умеет делать, не отрываясь от книги.

Очередная бомбочка шлепнулась на верхушку главной башни.

— Ну ладно, Чита,— сказал Алька.— Сейчас ты запоешь... Тик, давай устраивать карательную экспедицию.

Оба угрожающе засопели и на локтях и коленках стали подбираться к Чите с флангов. Он делал вид, что ничего его не касается. Но, когда Игнатик и Алька с воплями кинулись в атаку, Чита непостижимым образом ускользнул. Бросил книжку и помчался к воде. Алька с Тиком — за ним.

— Сейчас всю реку взбаламутят,— сказала

Данка.— Ой, вон пароход идет, волны будут! Пойдем, покачаемся?

На середине реки шлепал громадными колесами черно-белый пароход с желтой трубой и голубым флагом. От форштевня и колес бежали к берегу длинные волны. По песку мчались к воде радостные мальчишки.

— Идем! — поторопила Данка.

— Лень,— честно сказал Яр.— Лучше я поваляюсь.

Данка убежала. Яр опять попробовал сосредоточиться. Настроить мысли и нервы на тот жесткий ритм, который свойствен скадермену, ступившему на незнакомый космический объект.

Не получилось. С первых минут, когда Яр оказался на Планете, его беспокоили мысли, не имевшие отношения к задачам разведчика и науке планетологии. Его волновало, не обидел ли он Данку неосторожным вопросом об отце. Не слышком ли сильно поспорил с ребятами Алька? Не разболится ли порезанная Алькина нога? Почему у Игнатика среди веселья и смеха вдруг мелькает в глазах тревога?

Игнатик... Белобрысый похититель скадерменов, покоритель субпространства и сказочник с оттопыренными ушами и поцарапанным носом. Когда он доверчиво и как-то чуть испуганно берет Яра за рукав, к горлу подкатывает теплая ласковость. В конце концов, это понятно: у Яра мог быть такой сын. Такой же, как кареглазый Тик... Или как Алька? Может быть... Или как серьезный и быстрый Чита... Или дочь, похожая на Данку... Если бы Галина дождалась тогда.

Но она не дождалась. И Яр никогда не осуждал ее. Он знал, что это могло случиться. Он сам не раз говорил ей, что главное для скадермена не земные радости, а звездный поиск. И верил, что это так...

Мальчишки с Данкой выбрались из воды. Расселись вокруг Яра. Данка сказала:

— Ты пережаришься.

— Не-е...— сказал Яр Алькиным голосом.

Алька вспомнил:

— У нас же хлеб есть! Давайте обедать.

Они разломали и дружно умяли пухлый свежий каравай.

Алька похлопал по животу и лениво встал.

— Пойду попою водички...

— Из реки? — ужаснулась Данка.

— Я тыщу раз пил,— сказал Игнатик и тоже поднялся.

— Вы посмотрите, какая вода мутная!

— Это же песок,— возразил Чита.— Песок — не микробы, он даже полезен для пищеварения.— Он двинулся за Игнатиком и Алькой.

Данка жалобно посмотрела на Яра:

— Может, правда попить? Ты не боишься воды с песком?

— Я могу пить какую угодно воду. Даже морскую... А вот вы...

— А, ничего не будет! — Данка махнула рукой и побежала к воде. Яр за ней.

Они заплыли подалее, поглотили теплой, но не очень противной воды, поныряли и опять растянулись на песке.

— А знаете, что мы натворили? — вдруг спросил Чита.

— Что? — радостно подскочил Алька.

— Мы один хлеб разломали на пять частей. И запили водой из реки, не из водопровода. Настоящий обряд. Мы теперь вроде тайного союза нарушителей обычая.

— Все за каждого, один за пятерых, — серьезно сказал Игнатик.

— Вот это да... — с тихим восторгом прошептал Алька. — Уже?

— И ничего не случилось, — усмехнулась Данка. — Ни землетрясения, ни молний. Ни криков классной дамы...

— И крепость на нас не обрушилась, — подержал Чита.

Все посмотрели на крепость.

Она стояла высоко на обрыве, прямо над тем местом, где лежали и сидели пять «заговорщиков». Кирпичные башни ярко освещало солнце, они были коричневато-оранжевыми. Над разрушенными зубцами плыли круглые облака. Внизу ветра не было, но там, на высоте, облака двигались быстро. Они наплывали из-за реки и уходили за крепость. Крепость бесконечно клонилась им навстречу, будто и в самом деле грозила рухнуть под обрыв.

— Что сейчас там? — спросил Яр. — Музей?

— Ничего нет, — сказала Данка. — Просто развалины.

— Но, наверно, туристы все равно лазят?

Данка покачала головой:

— Там почти никто не бывает. Говорят, что опасно. Крепость стоит на песке и может в любую минуту обвалиться.

— Видишь, даже здесь, внизу, кроме нас никого нет, — гордо сказал Алька. — Все боятся...

В самом деле, берег был полон народа, а на пятачке под крепостью — пусто. Вот, значит, почему...

— А если в самом деле обвалится?

— Ну да! Полтыщи лет стояла, а сейчас вдруг посыплется, — хмыкнул Чита. — По теории вероятности — это чушь.

— Да там все прочное, — тихо сказал Игнатик. — Яр, мы там знаешь сколько лазили... Хочешь, слазим вместе?

Яр хотел.

В Нейске не было крепости. Был только старый монастырь на обрыве, но туда никого не пускали: в нем располагался секретный научный

институт. Еще нависал над берегом фундамент взорванного собора. Под фундаментом Яська с Валеркой и Юриком разыскали подземный ход, но он оказался заваленным в самом начале.

Им тогда хотелось приключений и тайн. Они мечтали: вот если бы в городе сохранилась старинная цитатель — с башнями и подземельями, где можно отыскать ржавое оружие. Даже с привидениями...

Яське даже снилась иногда такая крепость. Впрочем, взрослому Яру тоже иногда снилась...

Мальчишки торопливо натягивали одежду.

— В обход пойдем, по тропинке? — решительно спросила Данка.

Алька презрительно фыркнул.

— На штурм, — твердо сказал Игнатик.

Чита затолкал «Зверобоя» под брючный ремешок, снял очки и прицельно глянул вверх.

— На кого вы будете похожи... — вздохнула Данка. — Яр, ты тоже полезешь напрямик?

— Я боюсь за костюм...

— Да с костюмом-то ничего не делается, почистим... — Данке самой явно не хотелось тащиться в обход.

— А крик на берегу не подымут? — спросил Яр. — «Куда полезли, хулиганы, там опасно!» Чего доброго, милицию позовут, а у меня никаких документов...

— Какую милицию? — удивилась Данка.

— Милиция — это отряды добровольцев, если... ну, какое-нибудь стихийное бедствие или еще что-нибудь, — объяснил Чита. — Кто же будет из-за нас собирать отряд?

— А кто охраняет порядок? — спросил Яр.

— Где? — не поняла Данка.

— Ну, везде...

Она пожалала плечами:

— В школе — учителя. Дома — родители... или вообще старшие. На работе — начальство...

— На море — береговая охрана. Это если браконьеры, — сказал Игнатик. — Я знаю, у меня еще одна тетя есть, она у моря живет, на той стороне. Она писала про браконьеров...

— Разве бывают письма с той стороны? — удивился Алька.

— А что такого? Говорят, и люди иногда приезжают, — сказал Чита.

Все почему-то помолчали.

— Лезем, — решительно сказал Алька.

Было трудно и весело. Пласты песка оседали под тяжестью тела, песчаные ручки неслись вниз, шурша в редких стеблях. Один раз Яр почти с полпути съехал с песчаной лавиной в бурьянные заросли у подножия обрыва. И все же они штурмовали крутой берег снова и снова. Данка неожиданно вырвалась вперед и мель-

кала в своем красном платье, как флажок — высоко-высоко. Алька тоже ловко карабкался выше Яра. Игнатик и Чита держались по бокам — Яр понял, что они деликатно подстраховывают его. «Отяжелел, старая кляча, — обругал он себя. — Никакой подготовки». И поднажал, отплевываясь от песка.

Песок был везде. За воротом и за пазухой, во рту и в ушах, в волосах и в обуви. Теплый, сухой, чистый...

Яр отчетливо вспомнил, что такое уже было. Почти так. Во сне. Не очень давно. Только вместо четырех ребят с ним штурмовал берег один мальчишка. Похожий на Игнатика, лишь волосы потемнее. Сердитый, босой, с грязным бинтом на коленке, в черной рубашке с блестящими пуговками. Он тащил на боку игрушечный барабан, который когда-то мама подарила маленькому Яське. Это был сын Юрка (которого на самом деле никогда не было). Он спешил наверх, чтобы сыграть сигнал — очень важный...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Свеча и мячик

1

Зажатый отвесными башнями двор крепости был налит солнечным теплом. Сухо пахло нагретыми камнями. Тишина стояла удивительная. Щелканье подошв раскалявало ее трескучими выстрелами. Рассыпчатое эхо улетало вверх. Там, в темно-синем зените, над осыпавшимися кирпичными зубцами все так же плыли облака. Белые, очень яркие.

Алька пританцовывал на каменных плитах, вытряхивал песок из волос, из карманов, из сандалет. Потом догадался — скинул одежду и стал выколачивать. Игнатик и Чита сделали так же. Яр высыпал песок из башмаков, вытряс из пиджака, отряхнул брюки. Плиты под босыми ногами были шероховатые и очень теплые.

Чита сидел на корточках и Алькиной сандалетой сгребал в кучку вытряхнутый песок. Получался солидный курганчик.

Данка сказала с усмешкой:

— Ох и увозились. Я так и знала.

Сама она стояла чистенькая, аккуратная, будто не взбиралась по обрыву, а прогулялась по лужайке.

— Надо вам было все же пойти тропинкой, — добавила она снисходительно.

— Еще чего! — бодро возразил Яр.

Данка сказала:

— Все мальчишки одинаковы. Даже... если пожилые.

— Мерси, — отозвался Яр. — Ничего не имею против «мальчишки»...

Алька с Игнатиком оделись, а Чита все еще сгребал песок. Очень старательно. И внимательно разглядывал песчинки.

— Да хватит уже, — сказал Алька. — Пойдем покажем Яру крепость... Яр, мы тут все ходы-выходы знаем.

— Хвастунишка, — хмыкнула Данка.

Чита, натягивая брюки, сообщил:

— Всех никто не знает. Тут масса тайников и переходов...

В переходах пахло влажным кирпичом. Пласты солнца врубались в коричневатый полумрак сводчатых залов. На ступенях винтовых лестниц, которые были прорезаны в толще стен, скрипела каменная крошка. В стенах темнели полукруглые ниши. В одной из них Алька нащупал вделанный в камни обрывок цепи.

— Во... Здесь, наверно, держали рабов или пленных.

— Тех, кто скачет и никого не слушает, — сказала Данка. — Не лезь вперед, свалишься в какую-нибудь яму.

— Бе-е... — тихонько, но строптиво ответил Алька.

Яр пытался разобраться: что же за стиль у этих построек? Станный и незнакомый. Снаружи — глухая мощь, никакой архитектуры, внутри — пологие своды и арки, как бы ласково приглаженные сверху. В арках была плавность и легкость.

— Кто эту крепость построил? — спросил Яр у Читы. Чита, наверняка, был самый эрудированный.

— Никто не знает, — сунулся Алька.

Чита сказал:

— Это загадка. Полтысячи лет назад пришел какой-то народ, выстроил крепости, но никого не покорял, ни с кем не воевал. Потом вдруг сразу ушел на юг...

— На истинный полдень, — уточнил Тик. — Тогда было еще пять сторон света.

— Как это пять? — удивился Яр.

— Пять, — подтвердил Чита. — Это еще в старину, задолго до большой войны. Север, Запад, Восток, Юг и Истинный полдень. Сейчас уже никто не знает точно, что это такое. Где-то на юго-востоке. Та сторона, где солнце подбирается к самой высокой точке, но еще не дошло до нее... Считалось тогда, что это счастливая сторона. Как бы символ молодости...

— Пойдемте в Львиный зал! — вмешался Алька.

Львиный зал был длинный, все с теми же приглаженными арками. Вдоль стен стояли на кусках гранита, а чаще валялись на боку или вверх лапами каменные львы с ленивыми крот-

кими мордами. Алька по-свойски хлопал их по животам.

В стенах были прорезаны прямоугольные окна.

По углам Яр увидел много мусора. Лежала грудка досок, валялись мотки проволоки и ржавые гвозди, обрывки газет и пустые бутылки. И все это серое от пыли.

— Когда-то здесь хотели делать ремонт,— объяснил Чита.— Потом раздумали, испугались обвала.

Яр спросил:

— Те, кто строил крепость, о чем они, интересно, думали? Такую махину ставить на песке...

Чита солидно возразил:

— Разговоры про песок — это чушь. Под песком, наверняка, гранитный монолит. Мы в подземные ходы лазили, там сплошь камень.

— Жалко, что недалеко лазили,— вздохнул Алька.

— Они длинные, эти ходы,— сказал Тик.— Говорят, некоторые из них под рекой идут, на ту сторону...

— Вот бы разок пробраться,— почему-то шепотом проговорил Алька.— Перейти реку...

— Я вот тебе перейду,— пообещала Данка. И сказала Яру: — А странно все-таки, да? Построить такие крепости, а потом уйти...

— Может, их заставили,— сумрачно сказал Чита.

— Кто? — не поверил Алька.

— Те, кто велят... — с непонятной усмешкой проговорил Чита.

Игнатик хмыкнул.

Чита посмотрел на него и заметил:

— Не такой уж ты доверчивый.

«Ничего не понимаю», — подумал Яр. В этот момент Данка ему сказала:

— Здесь недалеко есть еще одна интересная комната. С камином.

— Пошли,— согласился Яр.

Они спустились по маленькой винтовой лестнице. Комната оказалась круглая, небольшая. Камин (вернее, очаг с поломанной решеткой у пола) был сложен из грубо отесанных камней. Свет попадал в отверстие высоко в стене. Солнце овальным пятном лежало на камнях очага, покрытых старой копотью. На копоти была нарисована рожица со смеющимся ротом-полумесяцем.

— Это Тик в прошлом году нарисовал,— объяснил Алька.— Мы здесь картошку пекли.

— Лицо, как у бормотунчика,— сказала Данка.

Алька подскочил:

— А давайте сделаем бормотунчика! Чита, ты ведь хотел, да? Ты нарочно песок сгребал! — Правда, давайте! — подхватил Игнатик.

— А песок-то подходящий? — спросила Данка.

— Да, я смотрел,— кивнул Чита.— Я сейчас принесу.

И он убежал.

— А что за бормотунчик? — недоуменно спросил Яр.

— Ты разве не делал бормотунчиков, когда маленький был? — удивился Игнатик.

— М-м... не помню. Вернее, помню, что не делал. Они какие?

— Ну, это такая штука... Такой... — сбивчиво заторопился Алька.

Данка объяснила:

— Их обязательно надо делать в тихом месте и когда рядом только друзья. И бормотунчик тогда как друг... Игнатик их делает лучше всех на свете.

Игнатик скромно промолчал, отошел и стал подбирать у стены куски алюминиевой проволоки.

Пришел Чита, принес в подоле рубашки песок. Спросил:

— А из чего делать?

— Может, из моей рубашки? — самоотверженно сказал Алька.— Я могу подол оторвать.

— А мама оторвет тебе голову,— подал голос Игнатик.

— А мама уехала. Я три дня буду у Читы жить, мы договорились,— победоносно сообщил Алька.

— Оторвет, когда приедет,— уточнила Данка.— Яр, у тебя в кармане платок. Он тебе очень нужен?

— Не очень...

Платок расстелили на каменном полу. Игнатик насыпал на него горку песка. Завязал в узелок. Получился белый мешочек размером с большое яблоко. Игнатик подобрал в очаге обугленную щепочку. Любовно нарисовал на мешочке круглые глазки, нос-пяточок, веселый рот. Из кусков алюминиевой проволоки смастерил витые ножки, потом ручки с растопыренными пальцами. Оттянул на узелке с песком материю, прикрутил ручки там, где у рожицы должны быть уши. А ножки приделал к подбородку.

Получилось удивительное существо — не то четырехлапый паук, не то безголовый человек с рожицей на пузе.

— Надо цеплялку,— вполголоса сказал Игнатик.

Алька и Чита подхватили тонкую ржавую проволоку. Один конец обмотали вокруг выступающего камня на очаге, другой закрепили на железном крюке, вбитом в стену. В метре от пола.

Игнатик согнул пальцы бормотунчика, подвесил его за руки на проволоке. Тот покачался и замер. Все тоже замерли, чего-то ждали.

У Яра на дне сознания шевелились мысли, что

надо скоро возвращаться на крейсер и получится ли это, и надо ли рассказывать там про все, что случилось, и как грустно будет расставаться с ребятами, и удастся ли увидаться снова. Но самым главным был интерес: что за бормотунчик, для чего он?

Бормотунчик тихо качнулся. Его нарисованная рожица, конечно, не изменилась, но в глазах и улыбке появилось что-то живое. Так, по крайней мере, показалось Яру. Он услышал бормотание, попискивание, легкий треск, шепот. Словно включился маленький расстроенный приемник. Бормотунчик закачался сильнее... И вдруг, перебирая ручками, двинулся по проволоке. Остановился у края очага. Прекратил качание, зацепившись ножками за камень. Не двинув угольным ртом, сказал картаво:

Раз-два-три-четыре-пять,
Я иду искать.
Если кто не спрятался,
Я не виноват...

Голос был механический, как у старинного магнитофончика.

— Какая-то незнакомая считалка,— проговорил Алька.

— Знакомая,— сказал Яр.

Бормотунчик шевельнулся и произнес:

— С цифрой пять на медной бляшке, в синей форменной фуражке... Ну, что вам еще?

— Сказку,— тихо попросил Игнатик и быстро оглянулся на Яра.— Какую-нибудь сказку про пятерых друзей.

В бормотунчике сильно зашелестело. Он опять покачался на тонких ручках. Сказал с металлической насмешливой ноткой:

— Сказок вам хватит и без меня. Смотрите, кругом такая р-ро-мантика... Верно, Яр-р?..

Яр вздрогнул.

— Ты меня откуда знаешь?

Бормотунчик беспокойно задергался:

— Я могу ответить только на один вопрос! На один. На второй — крак — разряжусь. Ты спрашиваешь? Это вопрос?

— Нет-нет, это не вопрос, не отвечай,— торпливо сказал Игнатик. И прошептал Яру: — Он про многое знает, бормотунчики все такие...

Бормотунчик вдруг пропел дребезжащим голосом:

Та-ра-ра, та-ра-ра,
Очень странная игра,
Непонятную считалку
Барабанщик бьет с утра:
Пять ворон,
Один патрон,
Сто врагов с пяти сторон.
Барабанит, барабанит,
А песок скрипит и ранит...

Он резко замолчал.

И все молчали. Алька нерешительно хихикнул, но Данка цыкнула.

Бормотунчик вдруг спросил уже без дребезжанья, чисто:

— Что, Яр, досмотрел свой сон?

— Какой сон? — с неожиданным и резким страхом спросил Яр.

— Это вопрос?

— Это вопрос,— жестко сказал Яр.

— Тот сон, как вы лезете по обрыву... Не бойся, он доберется. Может, ты не доберешься, а он доберется...

— О чем это он? — прошептала Данка.

— Да мало ли что... Они часто несут всякую дребедень,— отозвался Чита.

— Сам ты несешь дребедень,— обиженно сказал бормотунчик.— Лучше разожгите огонь. Ночевать будет холодно.

— А зачем нам здесь ночевать-то? — удивился Алька.

— Разожг... — тонко крикнул бормотунчик. Дернулся и безжизненно повис на проволоке.

Игнатик досадливо обернулся к Альке:

— Ну вот, он разрядился... Зачем ты полез со вторым вопросом?

— Да это и не вопрос вовсе! Просто у меня вырвалось...

— Ладно, пойдем,— вздохнула Данка.— Все равно он был какой-то странный.

— Может, серебристых кристалликов мало в песке,— виновато сказал Игнатик.

— Наоборот! Полным-полно, я смотрел,— возразил Чита.

Яр не слушал ребят, мысли прыгали, как у мальчишки, который проснулся среди ночи, увидев загадочный и страшноватый сон... Казалось, столько всего случилось за этот день! Стоит ли удивляться? Но он удивился пронизательности бормотунчика. И даже расстроился. Не даром на Земле говорят, что в приметы верят лишь дети и скадермены.

— А может, правда разожжем огонь? — звонко спросил Алька.

— Картошки-то нет... — заметил Чита.

— Не обязательно картошку печь. Просто так посидим у огонька,— тихо сказал Игнатик.— Недолго... Ладно, Яр?

2

Яр подумал, что огонь — это и в самом деле неплохо.

Сначала прохлада внутри крепости была приятной после жары. Но теперь чувствовалось, что воздух сыроватый и зябкий. Хотелось погреться. Да и просто хорошо посидеть у горящего очага.

Когда Яр последний раз сидел у живого огня? Боже мой, это было, когда ему стукнуло семнадцать лет. С однокурсниками из Ратальской школы он ушел в лыжный поход, и группа попа-

ла в буря. Они укрылись в лесу, отыскивали охотничью избушку, развели огонь в печке. Это была такая хорошая ночь...

Яр встряхнулся. Вместе с ребятами он взялся собирать у стен и таскать к очагу старые доски, желтые обрывки бумаги. Доски были большие, в очаг не лезли. Одну из них, тонкую и трухлявую, Алька храбро попытался с размаху сломать о колено. Не сумел, конечно, завертелся на пятке, держась за ушибленную ногу.

— Олух царя небесного, опять покалечишься, — сказала Данка.

Яр, посмеиваясь в душе над собственным пижонством, положил доску на два камня, рубанул ребром ладони.

— Во... — с тихим восхищением выдохнул Игнатик.

— Еще, — потребовал Алька.

Чита молча положил перед Яром другую доску. Данка сказала:

— Так можно руку разбить...

Яр, усмехаясь, ударил еще раз. И еще. И заработал, как автоматическая дроворубка.

— Хватит уж... — сочувственно сказал Чита. — Вон сколько дров.

Яр гордо распрямился и украдкой стал потирать ладонь — поотшибал все-таки. Алька, выгибаясь назад от тяжести, поволок охапку обломков к очагу.

— Ой, а спички? — растерянно сказала Данка.

Алька с шумом бросил дрова и обернулся. Чита посмотрел на Яра:

— У вас нет?

Яр оглянулся на Данку и развел руками:

— Если нет в карманах, то...

— Папа не курил, — виновато сказала Данка.

— Вот и погрелись, — заявил Алька и с обиженным видом уселся на дровах.

Игнатик, сосредоточенно хмурясь, достал из кармана свечной огарок. Поставил на камень. Сел перед ним на корточки.

— Ой... — прошептала Данка. — Тик, ты думаешь, получится?

Он оглянулся резко, почти сердито.

— Подойдите.

Они послушно подошли, встали у Игнатика за спиной.

— Может, за руки взяться? — нерешительно сказала Данка.

— Нет... Яр, ты здесь? — Игнатик снизу вверх посмотрел на него. — Вот хорошо... Сейчас...

Свечка затрещала и зажглась.

Игнатик засмеялся. Встал. Сказал с негромким торжеством:

— А вы не верили... Яр, я им говорил, а они не верили.

Яр, ничего не понимая, кивнул.

— Как это не верили? Мы верили, — серьезно сказал Чита. — Давайте разжигать камин.

Через пять минут пламя гудело и вытягивало языки в черную глубину дымохода. Из досок и камней ребята сделали скамейки, поставили их буквой П, «ножками» к очагу. Алька сел у края очага, слева. Чита — справа (и открыл книгу). Данка — рядом с Читой. Яр с Игнатиком устроились напротив огня. Горячие блики запрыгали по лицам, оранжевая рубашка. Игнатика засветилась, как отраженное пламя.

Игнатик шепотом сказал — то ли Яру, то ли себе:

— Сколько огня от крошечной свечки...

— Но свечка-то... Как она зажглась сама собой? — отозвался Яр.

— Она не сама. Это я ее... — вздохнул Игнатик, будто признался в шалости.

— Он давно хотел, да нас было мало, — объяснил Алька. — Надо, чтобы пятеро...

— Братцы, — жалобно сказал Яр. — Объяснили бы вы все по порядку, а?

— Тут целая история, — охотно отозвалась Данка. — Рассказать?

— Это еще в прошлом году было, мы играли в лунки. На пустыре, у старого тополя... Ну, лунки — это простая игра. Надо выкопать ямки — столько ямок, сколько человек играет. В один ряд, в цепочку. Потом по этим лункам кто-нибудь пускает мячик. В чьей лунке мячик остановится, тот его хватает, кидает вверх и кричит: «Штандер!» Такое слово специальное. А когда мячик о землю стукнется, тот его снова ловит и бросает в кого-нибудь. А все, конечно, разбегаются, пока он не крикнул «штандер»... Ты такую игру знаешь, Яр?

— Я помню... Только, по-моему, лунки и «штандер» были две разные игры...

— Это, наверно, где как... В общем, мы решили играть. Стали рыть лунки. Алька наш, как всегда, заторопился: скорее, скорее... Молчи давай, не спорь... И получилось, что вырыл он две лунки вместо одной...

— Я за тебя старался, потому что ты еле двигалась...

— Господи, что за ребенок...

— Сама...

— Тьфу... Ну и получилось: пять лунок, а нас, конечно, четверо. Хотели зарыть одну, а Тик вдруг и говорит: «Не надо, пускай пять остается...» До сих пор не знаю, почему он так сказал...

— Я и сам не знаю, — отозвался Игнатик.

— Мы говорим: «А кто будет хватать мячик, если он в пятую лунку угодит?» Он говорит: «Ну, пожалуйста, я буду...» Нам немножко страшно сделалось: будто впятером играем. И весело...

Сперва мячик в пятую лунку не попадал, она самая дальняя... А потом закатился...

— Это я катал,— сказал Алька.

— Ты, ты... Игнатик схватил да как кинет, как крикнет: «Штандер!» Звонко-звонко. Мы остановились, ждем: в кого он бросит? А он тоже стоит, голову поднял, вверх смотрит. Потом говорит: «Мячика нет...» Понимаете, мячик улетел и не вернулся.

— Совсем?.. Никогда? — полусшепотом спросил Яр.

— Да... Мы сперва решили, что он в ветках тополя застрял. Конечно, трудно ему там застрять: он гладкий, круглый. Да и тополь совсем не густой, полувисохший. Но если не там, то куда он девался? Стали палками кидать по веткам. Кидали, кидали — ничего нет. Потом смотрим — что-то летит вниз. Упало. Только не мячик, а свечка. Вот этот вот огарочек. Взяли, а она теплая и фитилек еще дымится... Смотрели-смотрели, думали-думали: что такое? Откуда она взялась? Ничего не придумали, конечно... Тик вдруг говорит: «Спорим, что я ее сейчас зажгу! Без спичек, просто так!» Мы, конечно, удивились: Тик никогда не хвастается, не то что некоторые... А он опять: «Вот возьму и зажгу...»

Поставил свечку на землю, сел перед ней, потом нас позвал поближе. Вот так же, как сейчас. Смотрел, смотрел на нее... Свечка вдруг зачадилась, искорка появилась на фитильке. А больше ничего... Ну, Тик чуть не заплакал... Тик, ты не обижайся, Яру ведь все можно говорить... По правде говоря, даже почти заплакал. А потом сказал: «Вот если бы нас было пятеро, вот тогда бы...». В тот вечер, Яр, мы в первый раз подумали: а может, в самом деле хорошо, если пятеро?

— И придумали меня... — усмехнулся Яр.

— Ты все еще обижаешься... — насупленно прошептал Алька.

— Нет,— сказал Яр очень серьезно. — Только объясните мне до конца: зачем вы меня позвали? Ведь не для того же, чтобы свечки зажигать, да?

— Да, — вздохнул Игнатик и придвинулся к Яру плотнее.

А Данка сумрачно сказала:

— Потому что вчетвером нам плохо.

Чита быстро поднял на нее глаза, она смеялась:

— Ой, нет, я не то... Нам, конечно, хорошо вчетвером, только...

— Только пять лучше, чем четыре,— объяснил Чита и закрыл книгу.— Видимо, правду говорили в старину, что, если людей пятеро, они неуязвимы. Им не страшно...

— А вы... — осторожно сказал Яр.— Кого-то боитесь? Или чего-то?

Ребята сидели неподвижно, лишь Алька машинально потирал колени, ему припекало их близким пламенем. Но он не отодвигался. Игнатик прислонился виском к плечу Яра. Он всегда

держался ближе всех к Яру, и это право никто у него не отнимал. Зато он был молчаливее других.

Однако сейчас Игнатик заговорил:

— Никто не знает... Но все боится.

— Непонятно... — отозвался Яр.

— В том-то и дело, что непонятно,— подавленно сказал Чита.— Вроде бы все в порядке. Бегаем, играем, в кино ходим, все у нас есть. Не то что в старину, когда воевали и голодали. А только временами что-то не так...

— Что не так? — напряженно спросил Яр.— Что, ребята?

— Многое. Даже не объяснишь,— вздохнула Данка.

— Да нет, можно объяснить! — резко перебил Чита.— Ну, вот недавно Алька вечером прибегает и дрожит: «Почему облака такие? Я не могу на такие смотреть...»

— Я не дрожал... Просто холодно было,— тихо отозвался Алька и стал дуть на колени. Потом завозился и отодвинулся от огня.

— А что за облака? — спросил Яр.

— Обыкновенные, серенькие... А я посмотрел, и тоже страшно стало. А потом оказалось, что полгорода в панике было...

— Ну а дальше? Что-нибудь случилось?

— На этот раз нет... Правда, две машины столкнулись... А зато четыре года назад — эпидемия. И какая-то непонятная: все врачи заболели первыми... И в позапрошлом году опять...

— Или нашествия эти... — сказала Данка.

— Какие... — начал Яр. Но его звонко перебил Алька:

— А почему нельзя на тот берег?

— Или нельзя дружить с кем хочешь,— негромко сказал Игнатик.— Нам-то повезло, не запрещают. А бывает наоборот...

— Бывает, что говорят: с этим не дружи,— разъяснил Чита.

— Кто говорит?

Чита пожал плечами:

— Вроде бы никто и не говорит. А все знают: нельзя.

— Ничего не понимаю,— искренне сказал Яр.— Облака, эпидемия, дружить нельзя... А почему на цифре пять такое проклятие?

— Ее боится,— сказала Данка.

— Кто?

— Все. Кроме нас,— ответил Игнатик и потерся виском о плечо Яра.

— Кто-то боится по глупости. А кто-то... боится, что перестанут бояться,— раздумчиво проговорил Чита.

— Про это даже сказки есть, Яр,— оживился Игнатик.— Там, если пять человек, у них всегда все получается, они сильные. Но в сказках это всегда плохие люди... в общем, отрицательные герои. Разбойники, пираты, колдуны

всякие. Но, по-моему, это специально, чтобы пример не брали... Зато они непобедимые...

— Вот и вы сказку выдумали. Про меня,— с грустью сказал Яр. Он думал, что и ребята загрустят. Но они оживились.

— Это Тик придумал! — радостно сообщил Алька.

Данка объяснила:

— Он приходит однажды и говорит: «Давайте играть, будто голубятня—это звездолет, и в нем есть человек, который наш друг. И будто мы всегда можем с ним встретиться...» Ну, мы и стали играть.

— А потом поверили, что это по правде,— серьезно сказал Алька.— Тик говорит: «Давайте в самом деле позовем Яра».

— Мы сперва не хотели,—немного виновато объяснил Игнатик.— Мы даже не думали. А потом показалось, что это можно...

— Если уж Тик во что-то поверил — значит, можно,— заметила Данка.

— У Игната—ума палата,—с привычной подковыркой сказал Алька. Но Данка на него не цыкнула.

— И сразу это получилось? — поинтересовался Яр.

— Не...— вздохнул Игнатик.— Я много раз пробовал, но не выходило... Наверно, это можно, только когда скадер в субпространстве... Сегодня подошел к голубятне и сам не знаю, почему думаю: «Вот сейчас, наверно, получится. Наверно, Яр один на вахте».

— Слушайте, добры молодцы! — воскликнул Яр.— А имя тоже вы мне придумали? Или оно все же мое собственное?

— Тут, видимо, просто совпадение,— вежливо сказал Чита.

— Много совпадений,— вздохнул Яр.— Больше, чем вы думаете...

Игнатик беспокойно зашевелился, глянул Яру в лицо: «Это плохо, что много?» Яр улыбнулся.

— Скажите-ка, а какой был мячик? Тот, что улетел. Синий?

— Да,— торопливо кивнул Игнатик.

— И три белые полоски,— добавил Алька.— Как на матросском воротнике, у меня такой есть...

— И фабричное клеймо,— сказал Яр.— Стершийся красный треугольник... Да?

3

Когда же это случилось? Месяца через два после того, как Яська познакомился с Юриком. Да. И было им в то время по одиннадцати лет, в пятый класс перешли. А Славику Раскатуву исполнилось десять. Он был самый младший, зато самый большой придумывальщик. Это он и вспомнил, что у бабки Каблуковой на пустом,

но запертом сеновале стоит старинный сундук неизвестно с чем.

Вспомнил вечером, когда сидели в темной голубятне и рассказывали всякие истории: про клады, подземные ходы и привидения.

Сундук приметили еще ранней весной, когда по просьбе бабки скидывали снег с сарая. Тяжелый Димка Савченко провалился ступней сквозь трухлявую тесину, получилась дыра, и все в нее заглянули. Как не заглянуть, если дыра? Тогда и разглядели: на полу, разлинованном полосками солнца, стоит горбатый сундучище, обитый узорчатым железом. Потолковали об этом, но без особого интереса: надо было кончать со снегом. Потом вышла Каблuchиха, расплатилась за работу карамельками, ребята ушли со двора и про сундук забыли.

А сейчас вот Славик сказал:

— Вдруг она там какие-то сокровища хранит?

— Что она, психованная? — хмыкнул Димка.

Димка был бабкин сосед. Они обитали в одном дворе, только Димкин флигель стоял в глубине, в садике, а бабкин дом выходил окнами на улицу. Каблuchиха жила с глухонемой племянницей, больше у них никого не было. И коровы давно не было. Сено поэтом на сеновале не водилось, но на дверях почему-то висел замок.

— Замок просто из вредности, чтобы мы не лазили, — объяснил Димка. Свою престарелую соседку он знал прекрасно. — А в сундуке шиш, а не сокровища. Бабка из ума еще не выжила, чтобы на трухлявом сеновале ценности прятать.

— Нам чужие ценности и не нужны, — слегка обиделся Славик. — А может, там такое, что бабка и сама не понимает. Вдруг какие-нибудь книги старинные или карты морские? Может, у нее какой-нибудь предок был путешественник?

— Я где-то слышал такую фамилию: адмирал Каблуков, — задумчиво сказал Юрик.

— А вдруг там оружие ржавое! — неумоимо подбавлял интересу Славик.

И все наконец поняли, как отчаянным хочется разведать: что в сундуке? Им хотелось приключений. Всем, кроме Димки, который боялся соседки. Но Димке бурно доказали, что бабка в такой темный вечер на двор не сунется и что дело вообще пустяковое — забраться по целаястой стене, отодрать доску и пролезть в дыру.

Димка, вздыхая, сказал:

— А как без света?

Фонарика с собой ни у кого не было. Если идти за ним домой, это ловушка: «Хватит бегать, ночь на дворе!» Было около десяти, над голубятней висело черное небо августа с большими звездами.

— А свечка? — догадался Юрик.

И они обрадованно вытащили из тайничка

огарок свечи, которую иногда зажигали в голубятне. И спички, конечно.

На сеновал проникли быстро. Зажгли огарок. И стало все, как полагается: страшновато, громадные тени кругом, шелест какой-то по углам. Разговор получался только шепотом.

Сундук был не заперт. Юрик поднатужился и стал поднимать горбатую пудовую крышку. Она, конечно, скрипела. Юркины продолговатые глаза отражали золотые точки. Никто не дышал. Только Славик тихонько ойкнул: он сидел у сундука на корточках, держал перед собой свечку, и горячий стеарин капнул ему на ногу.

Крышка поднималась, поднималась и наконец с шумом упала назад: Юрик не удержал тяжесть. Огонек свечи заметался. Все замерли, будто сюда могла ворваться толпа вооруженных стражников...

Потом заглянули в сундук.

В сундуке ничего не было.

Совсем ничего. Даже дна.

Янтарно светились стенки из старого некрашеного дерева, а вместо дна чернел прямоугольник пустоты.

Кладовщики переглянулись. Потом снова посмотрели вниз.

— Люк,— прошептал Яська.

— Тайный ход,— отозвался Славик тоже шепотом.

— Странно,— сказал Юрик.— Куда же он ведет?

— Куда, кроме стойла,— хмыкнул Димка.— На тот свет, что ли?..

Из черной пустоты веяло неуютным холодком.

Славик перегнулся через край сундука, чтобы посветить в глубину. Опять сказал «ой» и выпустил свечку. Она полетела, в люк и тут же погасла.

— У, растяпа,— процедил Димка.

— Все пальцы горячим закапало,— виновато объяснил Славик.

— Вот устроим «звоните ноль-один», будет тогда горячее,— сказал Димка.

— Она же погасла,— оправдывался в темноте Славик.

— Погасла... А завтра Каблукова ее в стойле найдет и сразу — к мамке. На меня все шишки...

Все озабоченно помолчали.

— Пусть сперва докажут, что наша,— попытался успокоить Димку Яська.

— Мамка-то? Она докажет,— сумрачно сказал Димка.— У нее для этого туристский ремень специально в «Спортоварах» куплен...

Тогда Славик проговорил виновато и решительно:

— Я сейчас туда спрыгну и найду свечку. Раз сам уронил... Посветите спичками.

Яська чиркнул щепоткой спичек о коробок.

При разгоревшемся огне тоненький и быстрый Славик перекинул ноги через край сундука, повис в нем, вцепившись в кромку. Он не боялся, знал, что до пола невысоко. Димка ухватил его за скрещенные на спине ляжки штанов, как за багажные ремни. Легко вынул обратно.

— Балда. Там грабли валяются да вилы. Наденешься... Айда лучше через низ, со двора.

Стойло не запиралось. Они просочились в глухую, пахнущую трухой и старым деревом темноту.

— Тепло...— удивленно прошептал Славик.— А когда я висел, такая холодища была, до сих пор ноги в пупырышках...

Они стали зажигать спичку за спичкой, искать огарок среди пустых бочек, сломанных стульев, лопат и метелок. Не нашли.

— Надо под самым люком смотреть,— посоветовал Яська. Но жиденький свет не достигал потолка, люк нельзя было разглядеть. Наконец спички кончились.

— Ну и черт с ней, со свечкой,— буркнул Димка.— Мы не нашли — бабка тоже не найдет...

— Странно... Зачем на сеновал тайный ход через сундук? — задумчиво сказал Юрик.

Димка хмыкнул:

— Может, к бабке в молодости на сеновал парни лазили. На свидания...

Он больше своих друзей был искушен в жизни и меньше их увлекался романтикой.

— Странно,— повторил Юрик.

Но самое странное случилось утром.

Димка и Яська решили — на всякий случай — еще раз поискать свечку, а заодно убрать с пола обгорелые спички. Было светло, в квадратные оконца врывались яркие лучи.

Свечку не нашли.

Не было и люка на потолке.

— Может, бабка приходила, задвинула какой-нибудь тайной крышкой? — с тревогой сказал Яська.

Но на досках потолка не было никаких щелей и прорезей.

— Айда на сеновал,— скомандовал Димка.

Они пробрались к сундуку прежним путем, через дыру в задней стене. Крышка у сундука была откинута: ее так и оставили вечером. Яська и Димка заглянули...

Разумеется, у сундука было дно. Гладкое, прочное, такое же, как желтые некрашенные стенки.

Сундук был пуст. Лишь в уголке, будто притаившись, лежал мячик.

Потертый синий мячик. Стремя белыми полосками — как на старенькой матроске Славки Раскатова.

— Вот такая история, братцы,— закончил Яр. Трещал огонь, в который Чита аккуратно подкладывал обломки досок. Он положил последний обломок и сказал:

— А что... В этом есть какая-то связь.

— Ничего себе «какая-то!» — отозвалась Данка.

Алька уверенно заявил:

— Значит, это наш мячик.

— Не знаю,— сказал Яр. — Это же было очень давно.

— Что такое «давно» для космоса? — мудро отозвался Чита.

«Для космоса, может быть, и ничего. Но для меня...» — подумал Яр.

Нет уже давным-давно ни Славика Раскатова, ни Димки Савченко, ни Валерки Дымова. Славик стал военным и погиб в короткой стычке на одной из восточных границ — тогда еще случилось такое. Димка, говорят, до старости работал учителем труда в той же школе, в которую они когда-то бегали пацанами. Валерка закончил философский факультет и был крупным ученым — он и в детстве отличался рассудительностью. Именно он, вернувшись из летнего лагеря, доказал тогда Яське, Славiku, Юрику и Димке, что история с сундуком — это явление коллективного самогипноза. Намечтались о приключении — и вот получили, чего хотели.

Впрочем, не совсем доказал. Славик говорил, покачивая кудлатой головой на тоненькой шее:

— Не так это просто.

И рассказал, что, когда висел в сундуке и у него коченели от непонятного холода ноги, он глянул вниз, через плечо. И увидел какие-то огоньки. Будто звездочки в черной глубине.

— Это были светляки,— невозмутимо сказал Валерка.

— Они у нас сроду не водились! — возмутился Димка.

— Ну, гнилушки... Или показалось...

Так и не договорились.

А теперь уж нет никого. С космосом связал себя только Яр. И сейчас он был от своего детства гораздо дальше, чем просто взрослый человек. Все, кого любил, все, с кем дружил, остались далеко-далеко...

Хотя, кто знает? Может быть, Юрик... Что стало с Юриком, Яр не знал.

Игнатик зашевелился под боком у Яра и вдруг взволнованно заговорил:

— Ой, ребята... А если бы тот мальчик... ну, Славик... Если бы он прыгнул в сундук? Значит, прилетел бы к нам вслед за свечкой?

— Ой, правда... — почему-то испугалась Данка.

Чита сказал:

— Не исключено.

— Вот шлепнулся бы,— заметил Алька, но без насмешки, с сочувствием.

— Он сначала застрял бы в тополе,— успокоил Игнатик.— А потом бы спустился по веткам.

— И это было бы гораздо лучше, чем звать меня,— со вздохом заметил Яр.

— Почему? — с беспокойством спросил Игнатик.

— Потому что он гораздо больше годился бы для вашей компании, чем такой старый хрыч, как я...

— Вы так ничего и не поняли, Яр,— с упреком сказал Чита.

— Кто бы разрешил нам дружить с мальчишкой? С пятым-то! — воскликнул Алька.— Мы потому тебя и придумали, что взрослый. Ой...

Игнатик объяснил тихо:

— Взрослого никто не заподозрит, что он наш друг.

Яр помолчал, глядя, как рассыпаются на угольки прогоревшие доски. Сизый дым, крутясь, убежал в черный зев дымохода. Игнатик тепло дышал у плеча. Сидеть бы так до бесконечности...

Яр неловко шевельнулся.

— Хорошие вы люди. И мне с вами хорошо... Но ведь скоро я уйду. Я должен, никуда не денешься.

— Обязательно должен? — прошептала Данка.

Яр кивнул.

Игнатик сказал торопливо и жалобно:

— Но главное же не это. Главное, что ты есть. И ты ведь будешь к нам приходить. Да?

— Я бы хотел,— неуверенно отозвался Яр.— Но это зависит от вас, сам я не умею... И крейсер ведь не часто зависает в субпространстве. Два или три раза за весь рейс...

Доски совсем прогорели. Чита больше не подбрасывал дров в огонь. Может быть, потому, что ему тоже стало грустно?

Яр осторожно спросил:

— А что, ребята, не пора нам? Вроде бы темнеет.

— Что ты, еще день,— сказала Данка.

Яр взглянул на часы. Половина пятого. Для лета в самом деле день. Почему же круглое отверстие у потолка погасло?

— Наверно, туча,— сказал Игнатик.— Гроза будет.

— Я сбегая, посмотрю! — Алька по винтовой лестнице умчался в Львиный зал.

И долго его не было.

Потом услышали:

— Идите сюда! Скорее!!

Это был тревожный, даже отчаянный крик. Яр первый метнулся на лестницу. В узких окнах

зала тоже сгущалась темнота. Алька стоял у окна, забравшись на опрокинутого льва.

— Смотрите, что случилось!

Все бросились к окнам.

Яр увидел плавный изгиб высокого берега, улицы и деревья. Над ними вставала угольно-черная туча с ровным, будто обрезанным краем. На ее фоне подымались светлые спиральные вихри.

«Ох и грянет сейчас»,— подумал Яр.

Грозовая стена с нарастающей скоростью двигалась над городом, прямо к крепости. С дальних деревьев в единый миг сдуло листья. Не было ни молний, ни грома, но вдруг яркой свечкой загорелся на берегу деревянный домик.

Яра кто-то рванул от окна. Это был Чита.

— Отойдите!— Он отбросил от окон Данку, Игнатика, Альку.— Отойдите! Надо вниз! Это нашествие!

5

У входа на винтовую лестницу сохранилась железная дверца. Чита вытолкнул всех из зала на ступеньки, отчаянно налег на дверцу, она закрылась под ржавое завывание петель. Стало темно, только внизу светились угли очага.

Данка громко всхлипнула, ухватилась за ржавое кольцо.

— Отойди,— хмуро сказал Чита.— Спускайтесь, ребята.

— Пусти, дурак! Тебе хорошо, у тебя родители за городом! А у меня мама там!

— Уйдет в подвал,— тихо сказал Чита.

— Куда она уйдет от больных?! Она же на дежурстве!

— Уйдет с больными... Ты все равно ничем ей не поможешь.

— Я хотя бы узнаю, что там... Ну пусти!

— Ты не проберешься в город. Сгоришь, вот и все,— сказал Алька.

Данка завсхлипывала сильнее, но медленно пошла вниз.

Яр с ребятами спустился к очагу. Все молча сели на прежние места. Чита кинул на угли обломки досок. Медленно разгорелся огонь. Только тогда Яр спросил:

— Что такое нашествие?

— Разве ты не знаешь?— со слезами спросила Данка.

— Это туча,— сказал Алька.

— Что за туча? Гроза? Тайфун? Или пепел от вулкана? Что?

— Говорят, она живая,— прошептал Игнатик.— И всех убивает.— Он опять сидел рядом с Яром. И каждой клеточкой, каждым нервом Яр ощутил, как Игнатик боится.

— Это как нападение врага,— сумрачно объяснил Чита.— Она все сжигает молниями или превращает в крошки и шлак...

Яр больше не решился приставать с расспросами. Ребята и так были перепуганы.

Чита, видимо, догадался, что Яру по-прежнему ничего не ясно.

— Что это за тучи, никто не знает,— сказал Чита.— И откуда они берутся, толком не известно. А мы тем более не знаем. Последний раз нашествие случилось, когда нас на свете не было.

— Я уже была,— всхлипнула Данка.— Только я ничего не помню.

Яр посмотрел вверх. Отверстие под потолком выделялось, как бархатный черный кружок на слабо освещенных камнях.

— И долго длится нашествие?— спросил Яр.

— Говорят, недолго,— отозвался Чита.— Как гроза... Только после этого целые сутки нельзя высовываться из убежища, потому, что остается электричество. Между домами молнии проскакивают... И еще рассказывают, что часть тучи оседает и живет...

— Как это?

— Не знаю... А нам придется здесь до завтрашнего вечера отсиживаться.

— Повезло еще,— как-то очень по-взрослому заметил Алька.

— «Повезло»,— с сердитым всхлипом отозвалась Данка.

Огонь опять с треском разгорелся в очаге. Но теперь он не радовал. Глядя на пламя, Алька пробормотал:

— Там, наверно, дома горят...

Игнатик прошептал:

— Яр, не сердись. Я ведь не нарочно.

— За что мне сердиться, Тик?

— Если голубятня сгорит... Я тогда не знаю, как ты обратно...

— Обратно— это потом,— сказал Яр.— Там посмотри.

Он был почти спокоен. Скадермен Ярослав Родин попал на незнакомую планету и оказался в чрезвычайных обстоятельствах. Скадермену Родину это было не впервой. Взять хотя бы случай, когда вездеход заглох в песчаных горах АЦ-1. Шансов на возвращение тогда было ничуть не больше, чем сейчас.

Оказавшись в чрезвычайных обстоятельствах, член экипажа СКДР должен данные обстоятельства взвесить, поставить перед собой четкую задачу и всеми средствами стремиться эту задачу решить.

Задача была: обеспечить безопасность четырех несовершеннолетних граждан Планеты, с которыми скадермена Родина свели судьба или случай. Это был долг скадермена Родина. Это было желание Яра—пятого человека в маленькой компании заговорщиков, запертых в старой крепости. Яр прогнал воспоминание об уютной рубке скадера и деловито сказал:

— Будем устраиваться на ночь.

К счастью, досок в круглой комнате было много: целый штабель. Из них сделали широкие нары. Нечего было постелить и нечем укрыться, но Алька бодро сказал:

— Подумаешь! Обойдемся.

Яр, однако, понимал, что придется всю ночь поддерживать огонь, иначе ребята продрогнут в зябком каменном помещении.

Спать никто не хотел, мешали тревожные мысли. Да и рано еще было. Чита неуверенно попросил:

— Яр, вы не могли бы рассказать про другие планеты?

— Мог бы,— согласился Яр. Надо было занять время.

Он стал рассказывать про вихри Меркатора, про песчаных кротов на АЦ, про развалины Леды. Про Черные Кристаллы, которые без лишних церемоний выставили со своей планеты экспедицию землян.

— А что за кристаллы? В самом деле живые? — заинтересовался Алька.

— Безусловно... И не совсем черные. Когда приглядишься, у них в глубине мерцают радужные огоньки.словно световая азбука или сигналы какие-то... Разные были кристаллы — некоторые с ноготь, а некоторые с дом. Они все время росли и соединялись в разные фигуры. Будто город из себя строили... Конечно, это была жизнь, только нам совершенно непонятная...

— А вы пытались объяснить? — спросил Чита.

— Всеми способами... И на третий день на громадном кристалле появились ответные слова. Метровыми буквами, очень красивым академическим шрифтом: «Уходите, пожалуйста. Вы нам мешаете».

— И вы улетели? — огорчился Алька.

— А что было делать? В чужой дом соваться без спросу?.. Мы позволили себе только одну невежливость. Уже из люка наш тогдашний капитан, Лева Замятин, сказал им: «Ну и фиг с вами, хрустальные болваны».

Игнатик улыбнулся. Алька оживленно спросил:

— А они ответили?

— Ответили,— соврал Яр. — Зажгли слова: «Фиг с тобой, Лева».

Данка тоненько засмеялась. И вдруг отчаянно вскрикнула, слетела с нар.

По доске ползло странное существо размером с желудь. Не то жук, не то шмель с короткими крылышками. Оно слабо двигало ножками, скребло отвисшим брюшком по дереву. Оно тускло поблескивало, как свинец.

За ним ползли еще два таких же существа.

Чита, Игнатик и Алька следом за Данкой шагнулись с нар.

— Вот они... — вздрагивая, сказал издали Чита.

— Кто? — спросил Яр, передернувшись от отвращения.

— Ну, эти... из которых состоит туча.

Яр пересилил себя и нагнулся над насекомым. Скорее всего это был шмель. Яр потянул к нему палец.

— Не трогай! — взвизгнула Данка.

Яр поморщился и тронул шмеля. Между пальцем и шмелем проскочила синяя искра. Палец ошутимо кольнуло. Яр отдернул руку.

— Электрические твари... Да не бойтесь, по одиночке они не опасны. Противно только...

Шмель, выпустив заряд, перевернулся на спину, дернул ножками и съезжился. Яр опять задел его, искры не было.

— Сдох,— сказал Чита.

Подскочили Игнатик с Алькой, обломками досок трахнули по шмелям — по живым и по издохшему. Игнатик был бледный, и на лбу у него искрились капельки. Он часто переглатывал.

Яр взял за крылышко раздавленного шмеля. Тот оказался удивительно тяжелым — как свинцовая пуля. Из лопнувшего брюшка свисал комок внутренностей — что-то вроде смолы с желтыми прожилками.

«Ничего похожего на простое насекомое», — подумал Яр. Зажмурился от брезгливости и кинул шмеля в огонь. На пальцах осталась жирная металлическая пыль, похожая на графитную смазку.

— Наверно, они в щель под дверь пролезли. Пойду заложу,— сказал Чита и с короткой доской стал подниматься по лесенке.

— А может, оттуда залетели? — Игнатик посмотрел на отверстие под потолком. Отдушина была высоко, да и заткнуть нечем.

Но и не надо было затыкать. Чернота вверху исчезла. Виднелось синевато-серое вечернее небо, а в нем — легкое облачко, освещенное отблеском заката.

Наступила ночь. Притихшие ребята улеглись на твердых нарах. Яр заставил их сдвинуться плотнее, укрыл распахнутым пиджаком. Сам не лег, сидел у огня. Часы текли незаметно, Яр умел настраивать себя так, чтобы время бежало быстро. Он не думал ни о чем важном. Завтрашний день покажет, что делать. А пока Яр смотрел в огонь и вспоминал костры — те, что он с друзьями разжигал в детстве на пустырях и лесных полянах. Иногда оглядывался на ребят. Данка спала, положив голову на Читино плечо. Чита лежал на спине, Данкины длинные волосы щекотали ему подбородок, он смешно морщился во сне. Яр осторожно вынул у него из нагрудного кармана очки — вдруг повернется и раздавит. Убрал их с книгой на край лежанки.

Игнатик и Алька спали, уткнувшись друг в дру-

га носами и перепутавшись испачканными в пыли и копоты ногами. Теплый воздух шел от очага на ребят, им не было холодно, и все же Яр тихонько расправлял на них пиджак.

...Среди ночи проснулся Алька. Сел. Посмотрел на Яра, сказал со вздохом:

— В желудке все засохло...

— Ничего,— строго заметил Яр.— Никто не умер от того, что сутки поголодал.

— Да я не про голод. Пить хочется.

Яр понял, что ему самому хочется пить. Очень.

Но ему — это ладно. А как быть с ребяташками? Жажда — штука скверная. Словно откликаясь на эти мысли, проснулись остальные. Яр умоляюще посмотрел на Альку: «Не надо про воду». И тот понял. Но Игнатик облизнул губы и спросил:

— А воды нет?

— Откуда? — хмуро сказал Чита.

Данка тоже провела языком по губам. Промолчала.

Когда они пили последний раз? Во время купанья. Примерно полсуток назад. Не такое уж большое время прошло. Но если знаешь, что нет воды, пить хочется в десять раз сильнее. К тому же днем все пережарились на солнце, а потом перегрелись у пламени.

Яр почувствовал, будто у него в горле и желудке сухой песок. На это, конечно, наплевать. Но если то же самое чувствуют остальные...

В отдушине под потолком ласково сияла звездочка.

— Схожу на разведку,— сказал Яр.

— Яр, не ходи! — Игнатик рывком придвинулся к нему.

— Я не долго. И ничего со мной не будет. Меня не берет ни электричество, ни излучение и ничто другое. К тому же все заряды, наверняка, ушли в сырой песок... Я скоро вернусь.

— Не делайте этого, Яр,— веско сказал Чита.— Неизвестно, чем это кончится.

— Известно,— улыбнулся Яр.— Я найду несколько пустых бутылок, вымою их в реке и принесу воды... Братцы, да вы не бойтесь. Я бывал во всяких переделках и всегда возвращался. Здесь дела-то на пять минут...

Больше он не стал ничего говорить. Не стал прощаться. Взял пиджак. Легко взбежал к двери и сверху оглянулся. Последнее, что он заметил перед уходом — повисшего в углу у очага бормотунчика. Яру показалось, что бормотунчик шевельнулся.

«Охраняй ребят», — мысленно попросил его Яр. И щелкнул пальцами, чтобы отогнать всякую беду.

Прикрыв за собой тяжелую дверь, Яр осмотрелся. На стенах Львиного зала танцевали от-

блески. Не яркие, но заметные. В окно Яр увидел, что над берегом горит несколько домов. Ровное пламя перебивалось похожими на лиловые звезды вспышками. Яр пошел к выходу на крепостной двор. Под ногами с легким электрическим треском лопались шмели.

Над башнями светилось бледное небо июньской ночи. Ясное, с редкими звездочками. Через маленькие сводчатые ворота Яр выбрался на обрыв. Пахло речной водой, влажным песком. На западе, у горизонта, запрокинувшись, висел круто изогнутый месяц. На дальнем берегу, будто не было никакого нашествия, мигали спокойные огоньки.

Яр подобрал в зале шесть старых бутылок и теперь держал их в охапке. Спускаться с такой ношей по сыпучему обрыву было немислимо. Пришлось искать иную дорогу.

Метрах в ста от крепости Яр обнаружил тропинку. Здесь берег был не такой крутой, тропинка плавными изгибами уходила к воде по заросшим откосам. Яр спустился. Река тихо плеснула ему навстречу. Яр быстро, но тщательно вымыл бутылки. Наполнил их. Подосадовал, что нет пробок, придется нести так.

Прижимая скользкие бутылки к пиджаку, Яр двинулся к тропинке. Крепость чернела на светлом небе, громадная и бесформенная.

Потом силуэт крепости изменился. Сломался.

Яр ногами ощутил упругий толчок земли. Крепость осела, стала оползать, рассыпаться, съезжать в реку. Башни раскалывались, превращались в груды...

Лишь через несколько секунд до Яра дошел нарастающий гул.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Разминка для КЛФ: подведем итоги

Итак, наша первая — прошлогодняя — разминка для КЛФ... Дело и для нас, и для клубов любителей фантастики было совершенно новым, только этим склонны мы объяснить то невеселое обстоятельство, что участие в ней приняли лишь восемь КЛФ: «Гонгури» из Абакана, бакинский городской КЛФ, волгоградский «Ветер времени», «Контакт» из Горловки, московский и мурманский клубы, «Амальтея» из Новосибирска и ростовский КЛФ «Притяжение». Что говорить, и впрямь негусто, ведь в стране насчитывается не меньше 80 клубов — вдесятеро больше, чем откликнулось на нашу разминку. Показалась слишком сложной? Неинтересной? Не такой, какую должна бы быть? Или вообще не нужной? Нам очень хотелось бы собрать мнения клубов об этом нашем начинании. В том числе — и тех, что не участвуют и даже не собираются участвовать в нем.

А пока — подведем итоги. Необходимо заметить, что и восемь клубов представили материал весьма обильный, так что читатели-одиночки (их около сорока участвовало в разминке) практически почти ничего не смогли добавить к ответам КЛФ. А среди клубов после очень тщательного рассмотрения мы решили выделить — как наиболее глубокие по проработке материала — ответы «Контакта» и «Амальтеи». Этим двум клубам, в Горловку и Новосибирск, и высланы в качестве приза подборки книг с автографами советских фантастов.

1. Можно ли по тексту романа «Туманность Андромеды» [не учитывая первоначальный журнальный вариант] установить время действия романа? Если нельзя, то почему? Если можно, то как!

Вначале — заключительная часть вопроса: «если можно, то как?».

Ответ на нее оказался разновариантным.

Несомненно, прежде всего следует учитывать при этом знаменитую лекцию по истории земной цивилизации, прочитанную Ведой Конг в передаче по Великому Кольцу для планеты КРЗ 664456 + БШ 3252 (или, что много проще, для звезды Росс 614 в созвездии Единорога).

По этой лекции к моменту действия романа позади остался век Расщепления — последний век эры Разобщенного Мира, неизбежно ассоциирующийся в сознании читателя с нашим двадцатым веком. Позади также и эра Мирового Воссоединения (с четырьмя ее веками: Союза Стран, Разных Языков, Борьбы за Энергию и Общего Языка), и эра Общего Труда (с веками Упрощения

Вещей, Переустройства, Первого Изобилия и Космоса). Идет уже 408-й год новой эры — эры Великого Кольца... По подсчетам участников разминки, полагающих век равным столетию, начало действия романа совершенно четко датируется 3208-м годом нашего летосчисления.

Казалось бы, вот — прямое «да» и в ответ на первую часть вопроса. Однако отнюдь не случайно мы упомянули о разновариантности возможных поисков: время действия «Туманности Андромеды» можно фиксировать и по некоторым более или менее определенно датированным в тексте конкретным событиям и фактам. Приведем хотя бы три из них — суммированные (с указанием страниц по изданию в «Библиотеке современной фантастики») в ответе мурманского КЛФ.

«Теперь, спустя двадцать веков после того, как исчезла пустыня...» Речь идет о Сахаре. Она, как известно, не исчезла еще и сегодня. Значит, имеется в виду как минимум начало пятого тысячелетия?

«Более десяти веков назад древний математик Гейзенберг выдвинул принцип неопределенности...» Как подсказывает З. Трегубова (Воронеж), принцип этот, согласно БСЭ, был выведен Гейзенбергом в 1927 году. Стало быть, начало четвертого тысячелетия?

«Сто поколений здоровой, чистой и сытой жизни предков», о которых говорится в шестой главе романа, дают нам (если считать по четверти века на поколение) 2500 лет. Середина пятого тысячелетия?

Разнобой во временной привязке даже этих немногих фактов бросается в глаза. И тут мы, вслед за клубами, должны вспомнить о предисловии, предпосланном И. А. Ефремовым к отдельному изданию романа.

«Еще в процессе писания я изменял время действия в сторону его приближения к нашей эпохе. Сначала мне казалось, что гигантские преобразования планеты и жизни, описанные в романе, не могут быть осуществлены ранее чем через три тысячи лет... При доработке романа я сократил намеченный сначала срок на тысячелетие. Но запуск искусственных спутников Земли подсказывает мне, что события романа могли бы совершиться еще раньше. Поэтому все определенные даты в «Туманности Андромеды» изменены на такие, в которые сам читатель вложит свое понимание и предчувствие времени».

Поэтому-то, как отмечает КЛФ «Гонгури» из Абакана, «езде И. А. Ефремов обходится неопределенными «давно», «древний», «старинный», говоря о нашем времени». Эта корректировка событий, начатая уже в первом книжном издании романа,

продолжалась до самой последней авторской редакции — той, что помещена в «Сочинениях» (1976). В этой последней редакции, кстати, и «двадцать веков», прошедших с момента исчезновения Сахары, заменены на десять, и просто «много поколений» фигурируют вместо однозначных ста. Разнойой, как видим, устранялся целенаправленно и последовательно.

И все-таки и в последней редакции романа остались по крайней мере два события вселенского характера, не укладывающихся в достаточно жесткие рамки 3208 года. Это, во-первых, превращение красавицы северного неба Полярной звезды — Альфы Малой Медведицы наших дней — в Гамму Цефея: времени для такого перемещения (как указывают автор вопроса Г. Прокопик и ростовский КЛФ «Притяжение») потребуется как минимум двадцать веков. Во-вторых, это — расширение Крабовидной туманности («достигшей теперь диаметра в пятьдесят миллиардов километров» — см. начало восьмой главы романа), в-третьих, на взгляд горловского КЛФ «Контакт», опять-таки обеспечивает прибавку в 2500—2800 лет.

События эти, возможная временная их привязка отнюдь не режут глаз при обычном чтении. Вероятно, потому-то И. А. Ефремов, максимально приближая время действия романа к нашим дням (кстати, ведь и «век» в приподнято-романтической трактовке отнюдь не обязательно должен быть равен столетию!), и оставил эти космические «вехи» без изменения.

2. «...Гаяля хорошо запомнила, что такое десять «же», недавно испытанные ею при спуске. Она подумала было, что следует лечь, но отбросила эту мысль и осталась у окна». Для героини какого произведения и десять «же» — не проблема!

Клубы, участвовавшие в разминке, безошибочно определили: вопрос относится к повести «Дети Земли» Г. Бовина. «Повесть эта вышла в 1960 году, — комментируют абаканцы, — люди тогда, видимо, были покрепче...» А горловчане добавляют: «Кстати, десять «же» не проблема не только для героини произведения, но и для его автора. Включить двигатель хоть на десять «же» могут только в того рода произведениях, где освоение космоса мало чем отличается от загородной прогулки (в крайнем случае осложненной восхождением в горы) и, совершив полет на Луну, завтра можно лететь если не к звездам, то на Марс или Венеру. В этих же произведениях иллюминатор мало чем отличается от окна в Кремлевском

Дворце съездов, а ведь смотровые палубы — это этап более позднего освоения космоса в НФ. Такого рода предварительные замечания помогли ограничить ряд произведений, среди которых находилось и искомое».

Что ж, замечание совершенно справедливое: в «космической» фантастике, написанной до выхода человека в космос и после того, как этот выход состоялся, и впрямь существует вполне объяснимый водораздел.

В заключение отметим, что, пожалуй, лишь волгоградцы упомянули о двух мелких неточностях, допущенных в цитате авторами вопроса — ростовчанами — и для вящей маскировки ответа оставленных редакцией при публикации вопросов разминки.

3. «Превосходная книга, правда!» — «Ну да, — сказал Лэн. — Мы сразу поняли, куда надо ехать». Рюг молчал. «Зной и смрад стоят в тени этих чернорабочих драконов, — сказал я на память. — Они жуют все под собою — старую монгольскую кумирню и кости двугорбого животного, павшего когда-то в песчаной буре...» — «Да», — сказал Лэн, а Рюг все жевал травинку...»

Из каких произведений взята эта двойная цитата!

Не только клубы, но и читатели-одиночки легко определили: приведенный здесь отрывок взят из повести А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века». Но это лишь половина ответа: кого же все-таки цитируют Стругацкие?

Многие из отвечавших вспомнили, что и в «Хищных вещах века», и в «Стажерах», и в «Возвращении» не раз упомянут Дмитрий Строгов — писатель будущего, который, по словам Стругацких, «не знает себе равных в исследовании внутреннего мира нового человека». Вспомнили, что упоминают Стругацкие и одну из его книг — «Дорогу дорог», о которой так говорит в «Стажерах» Быков: «Когда эта книга тебе начнет нравиться, можешь считать себя взрослым...» Так вот, вспомнили — и впрямую связали это мнимое произведение мнимого автора с Трансгобьской магистралью, куда решили отправиться Рюг и Лэн.

«И напрашивается вывод, — читаем в одном из писем, — что Стругацкие хотели... написать книгу, в которой описали бы это строительство (быть может, в качестве эпизода). По всей видимости, именно о такой... не написанной книге с легкой грустью сожаления и упоминают авторы. Теперь уж не напишут ее, другие задачи впереди...»

Что ж, не только заманчивая, но, казалось бы, и вполне резонная

версия, подкрепить которую могут и упоминания о Гобийской пустыне в «Стране багровых туч», и созвучные нашему отрывку воспоминания Кондратьева в «Возвращении» о том, «как строили дороги век назад — и не самодвижущиеся, а самые обыкновенные, и притом не очень хорошие. Огромные полуавтоматические дорожукладчики, гудронная вонь, зной и потные, измученные люди в кабинах, запорошенных пылью...»

Однако заманчивая эта версия тотчас рушится, если — вслед за автором бесспорно интересного вопроса Г. Фатеевым (из молдавского поселка Лунга) и клубами Баку и Волгограда — перелистать роман Леонида Леонова «Дорога на Океан». Именно здесь в одной из утопических глав развертывается строительство грандиозной магистрали, отсюда-то и взята Стругацкими «загадочная» внутренняя цитата.

4. Кто до С. Лема писал рецензии на ненаписанные книги!

На этот коварный, как нам казалось, вопрос клубы ответили совершенно обескуражившими нас поначалу (честно признаемся в этом) исследованиями.

Редакция (как и автор вопроса С. Пошевеля из Новочеркасска) предполагала ответ абсолютно однозначный: именно в форме рецензии (или, скорее, развернутого реферата, — но не таковы ли чаще всего и псевдорецензии С. Лема?!) был написан памфлет Сергея Розвала «Проблема неопитекантропов», опубликованный в 1963 году еженедельником «Литературная Россия». В памфлете не только подробно излагались взгляды некоего Рейнольда Ф. Каннингэма, будто бы выпустившего социально-экономический трактат о целесообразности использования в качестве рабочей силы специально обученных обезьян с повышенным интеллектом, но пересказывались и отклики представителей ряда промышленных корпораций, крайне заинтересованных в дешевых рабочих руках. И все это, повторяем, было подано в виде реферата реферативного (опять же!) материала, опубликованного якобы в «Ридерс дайджест»...

Не проявив должной осведомленности о памфлете С. Розвала, клубы зато достаточно дружно пошли в глубь проблемы. Почти все они нашли публикацию отрывков из книги С. Лема «Идеальный вакуум», снабженную предисловием рецензента — безымянного, поскольку стоит за ним, безусловно же, сам С. Лем: от псевдорецензий до псевдорецензента на сборник их — уж никак не более шага... В нужном для нас плане обращает на себя внима-

ние» самое начало этого предисловия: «Не С. Лем первый придумал писать рецензии на несуществующие книги; мы находим подобные попытки не только у современного писателя Х. Л. Борхеса (например, «Анализ сочинения Герберта Квайна» в книге «Лабиринты»). Идея уходит корнями глубже — даже Рабле не был первооткрывателем в этом жанре...»

Аргентинский поэт, писатель-фантаст и критик Хорхе Луис Борхес для нас практически недоступен, поскольку что-то не напоминает переводов его фантастики на русский язык. Из современных фантастов клубы называют других авторов: Майкла Фрейна с его «Оловянными солдатиками», Курта Воннегута, пересказывающего в своих книгах сюжеты сочинений вымышленного Килгора Траута. Что же касается истории фантастики... Тут, прежде всего, преуспели горловчане: они ссылаются не только на М. Шагинян, в предисловии к «Месс-Менд» (1925) вплотную приблизившейся к рецензии на прочие произведения Джима Доллара, но также и на классиков жанра — К. Чапека и Г. Уэллса. В «Воине с саламандрами» (1936) первого из них мы и впрямь обнаруживаем, среди других «документальных» включений, сжатое изложение «монументального» — в 632 страницы — труда философа-отшельника Вольфа Мейнерта «Закат человечества», в свое время «загипнотизировавшего всю Европу». Уэллс же подробно, с комментариями, с авторским отношением к «первоисточнику», пересказывает в своем «Освобожденном мире» (1913) автобиографический роман Фредерика Барнета «Годы странствий», опубликованный «в 1970 году»...

Вопреки указаниям рецензента «Идеального вакуума» поостережемся обращаться к «Гаргантюа и Пантагрюэлю»: вслед за новосибирцами нам откровенно «страшно раскрывать фолиант Рабле, заблудиться в нем весьма просто». Но вот намек Лема на первооткрывателей жанра без внимания не оставим.

Как пишут те же новосибирцы, «моментально приходят в голову воспоминания о «Диалогах» Платона, в особенности его ссылки на еще более древние источники при описании Атлантиды. Чем не рецензии? И их же, «камалтейцев», конечный вывод: «Этот прием и у античных авторов, да и у утопистов был в почете. Так что жанр этот действительно один из самых ранних и, несмотря на это, устойчивых!» Согласимся? По-видимому, придется все-таки, хотя и было выказано в письмах иное — тоже аргументированное — мнение: «До Лема можно было рецензировать ненаписанные произведения, но только после Лема появился новый жанр».

5. Капитан Немо сообщает пленникам «Таинственного острова», что шестнадцать лет назад волею случая на борт «Наутилуса» попал французский профессор Пьер Аронакс, а от них узнает, в свою очередь, что этот француз рассекретил его тайну.

Раскройте одну тайну и вы: чем занимался капитан Немо все это время? Есть, кстати, еще одно интересное обстоятельство, касающееся этих шестнадцати лет. Какое именно? И в каком произведении можно найти ответ на оба эти вопроса!

Из поля зрения лишь одного-двух клубов выпала книга Т. Гнединой «Последний день туготронов» (1964), где во второй повести («Острова на кристаллах воображения») рассказывается о том, как капитан Немо по подземным рекам вывел группу индийских ученых — участников восстания, которым грозила смерть, — на архипелаг в подземном же Лиловом океане, находящемся, кстати, в окрестностях Москвы. Но вот когда он это сделал?! Любопытнейший герой повести Сема Разведкин, привыкший читать по две книги сразу, неожиданно для себя обнаружил кое-какие несоответствия в датировке событий, совершающихся в знаменитой трилогии Жюль Верна. Впрочем, достаточно прочитать внимательно и самого Жюль Верна (даже один только «Таинственный остров»), чтобы углядеть эти несоответствия...

В самом деле, 15 октября 1868 года умирающий капитан Немо, шесть лет безвыездно проведший на острове Линкольна, рассказывает колонистам о том, что 16 лет назад (в 1852 году?) попал на его «Наутилус» профессор Аронакс. Но в «20 000 лье под водой» действие тоже датировано: Аронакс оказывается на борту «Наутилуса» 6 ноября... 1866 года! Выпущенную Аронаксом — никак, стало быть, не ранее 1867 года — книгу о «Наутилусе» знает и помнит Сайрес Смит. Но североамериканцы попадают на остров, которому дают имя Линкольна, 23 марта 1865 года и вплоть до 1869 года не имеют никаких сношений с внешним миром! Наконец, лишь после гибели острова, в 1869 году, появляется в этих водах яхта «Дункан», цель которой — снять с острова Табор оставленного на нем Айртон — должна была бы преследоваться двумя годами раньше, поскольку высажен-то и осужден на 12 лет одиночества он был 18 марта 1855 года.

Несоответствий в датировке всех этих событий и впрямь, как видим, немало. Шестнадцать лет, как отмечают абаканцы, превращаются в итоге в минус один-два года... Невольная ли это ошибка Жюль Верна? Или сознательная?

В любом случае справедливым

представляется резюме горловчан: «Вероятно, Жюль Верн пожертвовал правдоподобием дат ради главной задачи — человек не может жить вдали от родины и товарищей, не может бежать на долгие годы прочь от человечества...»

6. Сколько раз и под какими названиями печатался на русском языке рассказ А. Азимова «Как им было весело»!

9. Составьте библиографию фантастики, опубликованной в периодике вашей области за последние пять-шесть лет.

Объединим ответы на эти вопросы: в обоих речь идет о библиографии. И отметим, что наиболее солидно в этом деле смотрится новосибирский КЛФ «Амальтея», имеющий в своих рядах Г. Кузнецова — неутомимого библиографа, чьими заботами вот уже третий выпуск рукописного внутриклубного журнала украшают материалы к библиографии сибирской фантастики. (В скобках отметим еще, что уникальные эти материалы, сведенные воедино, несомненно украсили бы и любой сборник сибирской фантастики!)

По сведениям Г. Кузнецова, рассказ А. Азимова печатался на русском языке семь раз, причем каждый раз в новом переводе и почти каждый — под новым названием. Предлагаем убедиться в этом: 1) Как им было весело. Пер. С. Бережкова. В сб. «Современная зарубежная фантастика». М., 1964; 2) Как им было весело. Пер. И. Усова. В газ. «Калининградский комсомолец», 1965, 29 декабря; 3) Ну и здорово же было! Пер. А. Бородаевского. В журн. «Пионер», 1966, № 2; 4) Как им было интересно. Пер. Ф. Любичкой. В журн. «Искорка», 1970, № 9; 5) Какое это было удовольствие... Пер. Р. Рыбаковой. В журн. «Юный техник», 1972, № 10; 6) Какие они были счастливы... Пер. В. Паршина. В газ. «Советская Аджария», 1973, 19 декабря; 7) Как они весело жили. Пер. Е. Костюкович. В сб. «Лучезарный феникс». М., 1979.

Списки региональной фантастики ввиду относительной их обширности мы, естественно, опубликовать не сможем (надеемся, что их обменом между собою займутся со временем сами клубы). Предчувствуя это, горловчане предложили нам: «Подведите хотя бы итоги и укажите области, идущие впереди и последние по публикации фантастики».

Что ж... Как отмечалось, лишь восемь клубов рискнули принять участие в этой первой нашей разминке. Среди представленных ими областей по присланным сведениям первой после Москвы (где, как известно, издается большая группа

журналов, систематически либо изредка публикующих фантастику) идет Новосибирская: журнал «Сибирские огни» и газета «Молодость Сибири» напечатали в 1976—1981 годах 5 повестей и 29 рассказов местных авторов! Далее следует Красноярский край: за тот же период в альманахе «Енисей» и газетах «Красноярский комсомолец» и «Советская Хакасия» — 3 повести и 18 рассказов местных авторов. А на самом последнем месте — Мурманская область, где за пять-шесть лет опубликован один рассказ в газете «Комсомолец Заполярья», да и тот оказался перепечаткой: «Эти трое» Ю. Дубровина входили в сборник «Лучший из миров» (М., 1964). Впрочем, не организованные в КЛФ читатели журнала сообщают нам, что во многих областях (в Воронежской и Восточно-Казахстанской, к примеру) фантастика и вовсе не появляется в периодике...

Вопросы седьмой и восьмой, представляющие собою задания творческого характера (сочинить фантастический рассказ из пяти фраз, взять интервью у одного из популярных героев фантастики), пришли явно по душе участникам разминки. Одни только горловчане прислали нам 5 рассказов, 6 интервью...

Наиболее любопытными среди полученных редакцией интервью оказались нам «беседы» с Ийоном Тихим (КЛФ «Притяжение»), Корнелием Удаловым (КЛФ «Амальтея»), стариком Хоттабычем (КЛФ «Контакт») и Александром Приваловым (КЛФ «Ветер времени»), — возможно, нам удастся со временем поместить их на страницах журнала.

Что касается рассказов — некоторые из них вы сможете прочитать уже в этом номере. Прочитать — и убедиться, что и впрямь возможны подобные сверхкороткие рассказы. Впрочем, они совсем не обязаны являть собою образец краткости: один из них, присланный волгоградцами, не уместился и на машинописной странице!

Кстати, вы обратили внимание, что горловчанам в одном случае удалось обойтись и меньшим количеством фраз? Между прочим, с ними солидарен и горьковчанин К. Кауфман. «Зачем писать целых пять фраз, когда можно обойтись и одной, а то и вовсе без слов? — рассуждает он. — И я решил свои рассказы нарисовать». Эти рисованные рассказы пришли по душе редакции: один из них мы напечатали в прошлогоднем декабрьском номере.

Быть может, и в самом деле — да здравствует краткость?!

Виталий БУГРОВ,
редактор отдела фантастики

ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ

Несколько дней мы безвылазно отлаживали новую модель машины времени, и, когда она наконец заработала, я ощутил острейшую необходимость как-то встряхнуться.

...Я ступил на скоростной тротуар и, окруженный плотными толпами людей, роботов и инопланетников, помчался по проспекту Покорения Квазаров к городскому центру нуль-транспортировки, созданному еще в прошлом столетии на месте старого космодрома. В мои намерения входило прогуляться по знаменитому парку андромедянских джунглей, который был разбит на крышах летающих небоскребов Седьмого макрорайона, но вдруг в глаза бросилась вывеска «Книги», и почти подсознательно, ведомый пресловутым девятым чувством, я телепортировался точно в сектор научной фантастики.

Так и есть: на стеллажах громоздятся стопки ярких кассет — сборники «НФ № 502» и «Фантастика, 2182», о которых буквально час назад я читал в утреннем выпуске «Книжного обозрения».

«Чем же еще удивят нас писатели», — подумал я, охваченный сладким ожиданием встречи с Великим Искусством...

Бакинский городской КЛФ

РАЦИОНАЛИЗАТОР

Оранжевые волны мягко накачивались на сиреневый песок. Ярко светило зеленое солнце. Два фиолетовых гуманоида резвились в полосе прибора. Слышалась задушевная песня.

— Звук еще немного подрегулируй и буду смотреть только фантастику! — сказал Сапожков, взял отвертку и направился к недавно приобретенному цветному телевизору.

КЛФ «Гонгури» [Абакан]

ПРОИГРЫШ

Вот уже трое суток сражались мы с Солнцем, пытаюсь для более детального исследования подлететь к нему на гелиоракете как можно ближе. Нам очень мешала резко меняющаяся активность светила, и мы поносили его на чем свет стоит, грозя добраться до него и во что

бы то ни стало разноухать все его самые страшные тайны.

Вдруг из бушующей поверхности звезды с нашей ракете протянулся огромный протуберанец.

Мы прильнули к экранам и с изумлением увидели, что он, завихряясь каким-то невероятным образом, принял форму... гигантской фиги, главный отросток которой, изображавший большой палец, ехидно шевелился!

Он дотянулся до корабля, раздался страшный грохот, и... потирая ушибленную коленку, я встала с пола, села на кровать и облегченно вздохнула: приснилось, стар-тует-то мы — только завтра!

КЛФ «Контакт» [Горловка]

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Его охватило непонятное ощущение, когда он увидел ее, беспомощно стоявшую у стены, такое чувство, словно они были одни во всем огромном и пыльном мире. В листе могучих деревьев загадочно шелестел ветер, золотистым дождем солнца проливалось на землю лето, и он уже шел навстречу ей, и шаги звонким эхом разносились по запущенной улице. Он шел навстречу чему-то волнующему и ласковому, не в силах остановиться и удивленно спрашивая себя: что это, любовь? А чувство все разрасталось и разрасталось, и он потихоньку пьянел от неожиданно прихлынувшего счастья и уже не сомневался, что это именно так, что это — судьба... Впрочем, остановимся здесь, читатель, и задумаемся: ну что может знать о любви робот-подметальщик?

Игорь ТОЛОКОННИКОВ
(КЛФ «Ветер времени», Волгоград)

НЕУДАЧА

Таракан сидел на самой середине стола, нагло ощупывая четырьмя усамы огрызок Антошкиного яблока, и явно чувствовал себя хозяином кухни. Внутренне содрогнувшись от омерзения, я осторожно потянулась за левым тапком. «Сиди, сиди спокойно, рыжий, сейчас мы с тобой познакомимся», — я гипнотизировала его взглядом и осторожно продвигалась к столу, по опыту зная, сколь стремительно удирают эти твари. Рывок, и через мгновение все было кончено: в густом племени, оккупировавшем мою кухню, одним стало меньше...

«Великие Галактики, какой странный конец,— горестно подумал Шэпр, завернув в знак печали одну пару усов под жесткие надкрылья,— а ведь бедняга Шкрл считал их разумными!»

Аня БЕЛОШИСТАЯ
(Мурманский городской КЛФ)

КАК ВСТАТЬ...

Редактор крупнейшего в обзоримой Вселенной журнала «Галактический следопыт», как обычно, проводил утро за просмотром редакционной почты. Одна за другой объемистые кристалло-рукописи летели в корзину дезинтегратора. Наконец, работа была закончена.

— Все люди, люди, а о роботах опять ничего,— сердито проскрипел редактор.

Он откинулся на спинку кресла, вытер со лба выступившие капли масла и отключился от сети.

КЛФ «Контакт» (Горловка)

ВETERАН

«Как просто было нашим предкам отвечать на викторины: при нынешнем избытии фантастики даже электронные мозги — плохие помощники»,— тяжело вздохнул Фэн и принялся за конструирование позитронного мозга на печатных атомах с памятью на миллиард единиц фантастики.

КЛФ «Контакт» (Горловка)

НАХОДКА В ПУСТЫНЕ

Пилот пассажирского самолета обнаружил в пустыне странное круглое сооружение диаметром более пятидесяти метров. Посланная к сооружению группа исследователей выяснила, что это большая фарфоровая тарелка, лежащая вверх дном. На ней надпись, повторяющаяся на всех земных языках: «Нелетающая тарелка. Землянам на память об эпохе тарелок летающих».

КЛФ «Гонгури» (Абакан)

НУ И ЧТО?

Юрий СОСНОВСКИЙ

Оранжевый «Жигуленок» не осилил подъем и заглох. Водитель, чертыхаясь, вылез из машины и вытащил из багажника инструментальную сумку. Леший с минуту задумчиво смотрел на него из-за кустов, потом скадировал, и машина с вцепившимся в нее водителем поднялась над дорогой. Проплыв в воздухе метров сто, она опустилась на вершине бугра. Леший раздвинул кусты и предстал перед водителем.

— Тебе что, делать нечего? — напустился на него водитель. — Нашел время для шуток! Солнце садится уже, а он...

— Я же помочь хотел,— робко возразил Леший.

— Помо-очь! — передразнил водитель. — Тоже помощничек нашелся. Шляется тут... — И он полез в мотор.

Леший потоптался рядом, потом залез на крышу машины и сел, ожидая конца ремонта.

— Ты что, в уме?! — заорал водитель. — Куда забрался, бугай? Крышу проломишь! А ну, брысь!

Не меняя позы, Леший поспешно поднялся в воздух и повис в полуметре над машиной.

— И хвост подбери! — потребовал водитель. — Для тебя, что ли, машину мыл?

Леший вздохнул и подобрал хвост. Несколько минут он молча наблюдал за ремонтом, потом нерешительно сказал:

— А в Гималаях снежный человек есть.

— Ну и что? — отозвался водитель. — Он что, завмагом запчастей работает?

— Нет,— растерянно сказал Леший. — Почему завмагом? Говорят, он почту носит.

— Почту мне и без него аккуратно доставляют,— сообщил водитель. — Один раз попробовали к обеду вместо утра принести. Больше не пробуют.

— Да-а... — протянул Леший. — А летающие тарелки тоже есть. Это инопланетяне ищут контакт с человечеством.

— Ищущий да обрящет,— буркнул водитель. — Мне вот сегодня кемпинг по темноте искать, тоже удовольствие.

«Безнадежно,— подумал Леший. — Ярко выраженный практирический тип с уклоном в нездоровую рациодию. Впрочем, такие, кажется, любят подарки и услуги. Попробовать?»

— Если хотите, я могу вас... мгм... перенести в этот самый кемпинг,— осторожно сказал он. — Это быстро, совсем не больно и не стра...

— А машину тебе оставить? — водитель высунулся из-под капота. — Ишь ты, ханыга хвостатый! Тарелки, зонды, а у самого на уме — как бы чего слямзить! Мотай отсюда, а то... — он недоговорил и показал Лешему кулак с зажатым в нем здоровенным гаечным ключом.

Леший поник головой и медленно поплыл в сторону от дороги. На берегу лесного озера он опустился, деструктурировал лешачий наряд и остался в серо-голубом скафандре.

Покопался в нагрудном блок-контейнере, достал микромазер и, настроив его на орбитальный ретранслятор, передал сообщение о том, что очередная попытка контакта сорвалась в связи с отсутствием у аборигена интереса к таковому.

ТАВАТУЙСКИЕ БЫЛИЦЫ

Памяти мамы —
Лосевой Ангелины Александровны

Левчан
ЧУМИЧЕВ

Рисунки
С. Сухова

У каждого человека есть своя маленькая родина: деревня, городской двор, речонка, полянка, детдом, хуторок — мало ли. Горжусь, что мой адрес — село Таватуй, переулочок Нагорный, дом номер три.

Крапивные огурцы

Своей роднейшее озеро, этот Таватуй. Почти двадцать лет я на нем обитаю, а все никак не могу привыкнуть к его хитростям. Еще когда дома не было, еще когда по квартирам здесь мотались, добрый человек Никандр Семенович Зиновьев говорил:

— Смотри, Левонтий Иванович, рыбацкая да оглядывайся. Налетит ветер, лучше на берегу пережди.

И действительно, выедешь рыбацкая — озеро тихое. Вода как кошка мурлычет и о борт лодки ластится. Только удочки раскинешь — вдруг буря поднимется. За какие-то пять минут все озеро взбеленится. Однажды городского рыбака на берег выкинуло, потом он свою резиновую лодку-надувашку еле-еле в лесу нашел.

...Сегодня восточный ветерок дует. И никого на озере из местных рыбаков нет. Это уж закон здесь — раз восток хозяйничает, клева не жди, разве что ерш какой клюнет.

Кстати, ерш таватуйский издавна славится, двухсотграммовый луноглаз — далеко не редкость.

Как старожилы рассказывают, о таватуйском ерше еще Екатерина II знавала — уху ей только из таватуйских ершей варили.

А я все равно сегодня на рыбалку вышел — не терпелось подаренную японскую леску проверить.

Подгреб я на лодке к своему месту, опустил леску, жду. Нет клева. Решил проверить червяка, потянул, а блесенка за что-то зацепилась. Но японская леска крепкая — терпит. А я тяну и тяну потихоньку.

Сначала поплавок берестяные появились, а потом и сеть капроновая — за самый край я ее ухватил.

Ну, блесенку отцепил и давай вытягивать руками. Через каждые две-три ячейки в мереже рыбина торчала — или окунь, или ершинец. Пока я всю мережу вытащил, лодка осела от рыбьей тяжести.

Половина рыбы протухла — давненько, видно, болталась сетка в озере.

Поехал я к берегу.

А там, в крапивных зарослях, мой сосед Володя Яковлев воюет. Володе этому лет за пятьдесят, он местный, из кержаков, и теперь работает кочегаром в доме отдыха.

Залез Володя в самую крапивную чащобу и колдует там чего-то.

Я вылез из лодки, подошел.

— Во, глянь, Левонтий Иванович — это крапивные огурцы. На, отведай! Вкусные? То-то. Их не чистить, ничё не надо, пыль сдул и айда понужай за обе щеки.

— Как тебя крапива не жалит? — изумился я.

— Так вот, гляди, — Володя нарвал целую охапку крапивы. — Вишь, я ее по шерсти глажу, вверх. Ты попробуй, попробуй. Эдак-то она никогда не кусает. Хоть, хоть гектар ее голыми руками выпластаю. Ага.

— Пойдем-ка, Володя, я тебе тоже кое-что покажу. Я подвел его к лодке.

— А-а! Это Панко Шкелета мережа. Потерял он ее. Только поставил, а его в больницу отправили. Месяц лежал. Давай-ка, Левонтий Иванович, выберем рыбу. Тухлую-то вон туда кидай. А дивно ее, однако. Ага.

...Я не устаю удивляться быстроте, с какой разносятся по деревне новости. На озере я сидел один, «общнулся» только с Володей, ну вороны да сороки еще прилетали тухлую рыбу клевать, а вон уже бежит к нам Пашка Шкелет — худосочный мужичонко, лет под шестьдесят, бежит, вскрикивает издали:

— Ой, спасибо, ребятуншки, отыскали мою рыбницу, мою кормилицу!

А сам уже бутылку на ходу открывает.

— Во-первых, не пью я красного, а во-вторых, браконьер вы, Павел Хрисанфович, — сердито выговорил я Шкелету. — И мерёжу твою в сельсовет бы снести надо.

— Насчет красного я исправлюсь, а об остальном поговорим, — ответил Шкелет.

И вот сидим мы втроем на берегу, закусьваем вкусными крапивными огурцами, а Пашка Шкелет рассуждает:

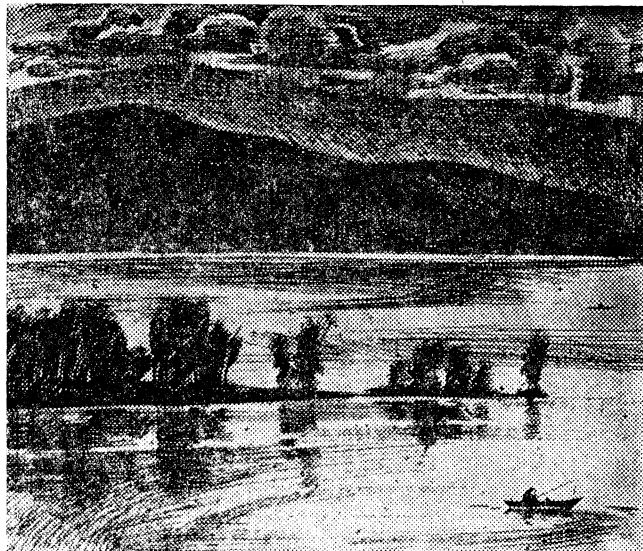
— Вот обозвал ты меня нехорошим словом, Левонтий Иванович. Ладно, я стерплю. Ты тут всего ничего живешь, а я...

— Местные они, Чумичёвы, — встрял Володя Яковлев, — из Бынёг, всего-то верст двадцать отсюда. Опять же отец Иван Андреевич на нашем кладбище схоронен.

— Да я не про это, — отмахнулся Шкелет, — я про то, что от веку мы всегда с рыбой жили. И никогда лишнего не брали. Я для чего мережу держу? Свадьба у кого или, наоборот, поминки. Вот у твоего отца годиные были, Левонтий Иванович. Помнишь пироги-то рыбные? Из моей мерёжи была рыба. И ни одного килограмма я никому не продал. Браконьер, он кто? Кто наживается, кто торгует. У нас кто этим занимается? Артельные. Они на трех лодках с моторами ходят. А ячя-то, смехота на девятнадцать, всю мелкоту гребут. И слова против них не скажи — они, мол, не только гребут рыбу, а и разводят. А кого они развели? Его вон дед разводил, Яковлев. Я пацаном еще был, а помню, как дедко Аким в бочках и сига, и линя в Таватуй привозил... А теперь черт его знает, куда добрую рыбу девают, в магазине окунишко мелкий да чебачок с палец. Дак кто же браконьер-то, Левонтий Иванович?..

— Чё ты, Панко, разбалаболился? — спросил Володя Яковлев, не поднимая глаз от бутылки.

— Вот понаехали к нам городские, — не унимался Шкелет, — дома понакупали. Ну, Пологов ладно, честно живет, и Герой Союза, самолеты немецкие сбивал. А ты на других глянь, Левонтий Иванович. Парников настроили — у государства таких нет. Кроликами торгуют, цветами. Я этим-то, внизу-то которые, земли под картошку дал, а у матери недавно день рождения был. Дай, думаю, учудю, восемьдесят два года старухе, а цветов ей

никто не даривал. Ну, зашел к тем, к пизжним-то. Мол, так и так, два цветка дайте.

А молодой-то, здоровущий-то который, «по три рубля за штучку», говорит. А в парнике их тьма-тьмущая, трехрублевков-то цветет. А ты меня браконьером обзываешь.

— Будем пить или нет? — прямо спросил Володя Яковлев.

И мы вышли под крапивные огурцы.

Берега

Я листал подшивку местной районной газеты. В одной из заметок говорилось, что после аванса в колхозе неделю не доили группу коров.

Подшивку лежала на столе нового председателя Таватуйского поселкового Совета Александра Проконьевича Даринцева. Я протянул ему заметку.

— Читал, — сказал Даринцев. — Испортятся коровы. Я бы таких хозяев...

И в это время в кабинет вошел Ваня Самара, рыбак местной артели.

В Таватуйе он, пожалуй, самый здоровый мужик. Своего старшего брата Николая раза в два тяжелей. Как-то решили мы с ним побороться... Он-то в одежке был, а я в плавках одних, а завалился в крапиву, да я еще внизу оказался... С тех пор дружим не дружим, но раскланиваемся, беседуем.

А сейчас Ваня молча вошел, молча выложил на председателский стол рипуса, затем сига. Сказал наконец:

— Дохнет рыба, Саша.

— Где дохнет? — спросил Даринцев.

— Этих у Боровницкой поймы нашел, у пионерского лагеря.

— Так перестылище же там.

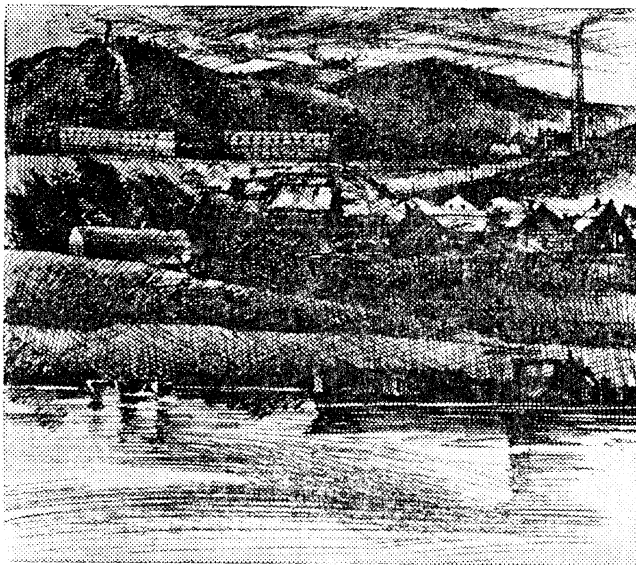
Стояли над рыбинами два здоровенных мужика, чуть не плакали.

— Ты хозяин, вот и принимай меры, — сказал младший Самара и ушел.

— «Мерь», — заклянулся Даринцев. — Сколько раз звонил в эпидемстанцию... Угробят Таватуй.

Кроме меня в кабинете никого не было, так что председатель все мне высказал:

— Считай каждое лето только по нашему берегу

около трех тысяч народу приезжает. Все, я извиняюсь, не только кушают... И куда это добро идет? В озеро. Одна баня на Каменке чего стоит! А катера? А станция насосная? Ну хоть реви.

Я нерешительно предложил:

— Александр Прокопьевич! Ничего вам не обещаю, но давайте съездим, посмотрим. Может быть, через газету. Давайте попробуем?

Я почему такой робкий-то? А пытался один раз в областной газете на нашу рыбную артель, так сказать, критику навести, но мне от ворот поворот сделали. Мол, артель одна из лучших в области, занимается разведением рыбы, и бригадир у них непьющий.

А Александр Прокопьевич встал из-за стола: — Поехали! Попытка не пытка.

Мы отъехали от Совета. Даринцев сидел за рулем грузовика. У магазина толпились «КамАЗы», «КрАЗы», подъемные краны, колесные трактора. Из-за угла, лязгая гусеницами, вывернул... танк. Ну, танк не танк, пушек, пулеметов на нем не было, но гусеницы, броня имелись, водитель прятался где-то внутри, а на броне сидел десант. Десант с ходу атаковал магазин.

Все эти машины прибыли с соседних строек. Строят вокруг Таватуя много. Строят кто где хочет. Ранешние председатели разрешали. Пришлые они все были, не таватуйские. Я троих помню. Была волевая женщина. Ничего не скажешь, требовательная, хозяйственная. Но вот умер один старичок, она дом за бесценок купила, отремонтировала и сбывла во много раз дороже. На пенсию уехала из Таватуя на собственной машине.

Другого председателя Комплексом прозвали. Он настоял на строительстве животноводческого комплекса на Таватуе. Вот и воздвигают в лесу каменные махины, а скот здесь кормить нечем, выпасов нет, так что гонят и гонят к комплексу машины с кормами из других районов и даже областей. И машина-водовозка день и ночь курсирует — воду скотине доставляет.

Со временем председатель, Комплекс этот, ушел, конечно, из Совета. Живет теперь в областном центре.

Третий председатель только-только дом себе выстроил и исчез.

Сейчас вот свой, доморощенный, председатель — Даринцев Александр Прокопьевич.

Не без труда добрались мы до пионерлагеря. Хотя и недалеко лагерь от деревни, но дорога к нему вдребезги разбита тяжеловесами.

Мы подошли к отстойникам — двум цистернам, врытым в землю. Обе цистерны были полны нечистот.

— Не успевают они отвезти... — начал было Даринцев.

Тут и появился дед Судья. Это прозвище у деда такое, он местный, таватуйский, стало быть, с прозвищем. А в лагере дед сторожем служит, причем на двух ставках, старуха у него здесь оформлена, так что дед днюет и ночует в лагере, все знает.

— Они, Санушко, дыря там пробрили, в баках-то. Только ты на меня не кажи — отрекусь, мне у них деньги получать надо. Дыря-то на самом дне, из них и течет вонища в озеро.

У самой воды стояла насосная станция, качающая питьевую воду. Метров на пятьдесят вода вокруг насосной пробурела — озеро размыло земляную дамбу, да и речка Каменка рядом впадает.

Ох уж эта бедняжка Каменка. Чего только она не несет в Таватуй!

На берегу баня стоит. Тут даже для видимости дырявых отстойников нет. Прямо в речку банно-мыльнопузырная бяка течет.

Баню сторож охраняет. Сразу прибежал. Ругается: — Нечего смотреть. Идите, идите отсюда. Скоро сам приедет, обнаружит вас, влетит мне.

Еще увидели мы корабельное кладбище. Уже одиннадцать лет покоится в водах Таватуя огромная железная баржа. Неподалеку от нее полузатоплены два ничейных катера. Один, стоимостью в тридцать шесть тысяч рублей, совсем новый. Мы залезли на него.

— Двигатель-то хоть сейчас запускай, — сокрушался Даринцев, — а насосы, сиденья, вентиля — это уже все растащено. Школьников-то металлолом заставляем собирать, а тут тонны да тонны пропадают. И озеро, гибнет же наше озеро!

— Успокойся, Александр Прокопьевич. Я обязательно напишу о том, что мы видели. Может, напечатают, может, что-то сдвинется.

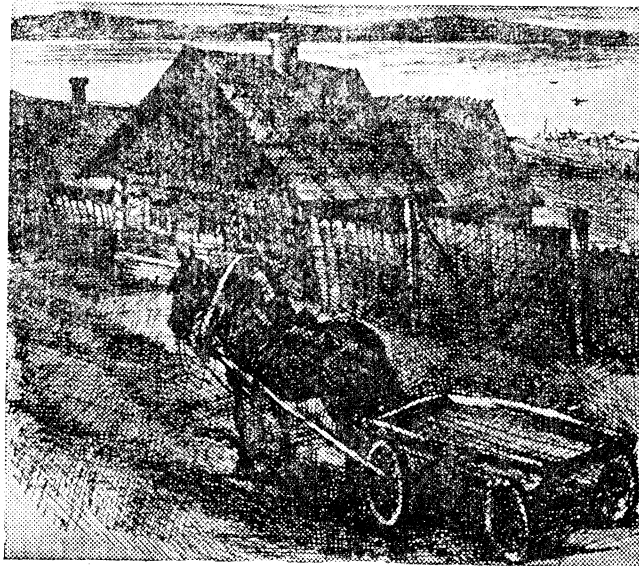
— Дай бог, — сказал председатель. — А то повоюю еще немножко да и сам подамся в рыбную артель. Что мне, больше всех надо?

От и до

Леспромхозовский конюх навоз развозил. Я попросил, чтоб и ко мне телегу подбросил.

Приготовился, жду.

Он привез, свалил, в дом прошел.

Я, как водится, на стол бутылку выставил.
— Белая? — удивился конюх. — Тогда погоди, я еще возик подкину.

Угнал, накручивая над головой вожжами, а вскоре сгрузил еще телегу навоза.

Теперь с правом на совесть потрудившегося человека фундаментально укрепился за столом, выпил и начал рассуждать:

— Видал, природа у нас какая? От и до. Озеро двадцать с лишним километров туда и четыре километра сюда. А лес? Я всю жизнь его шлю-рублю, а он стоит. Потому и городские сюда прут. Вот внизу-то построились, ой живут! Леха, говорит, привези, говорит, навозу под цветы. А цветов у них знаешь сколько? От и до. Ты видел, чтоб у нас в пасху кто в огороде копался? Нет. А бородастый и в Первое мая топором тукает. Днем и ночью робит... Ты чего не пьешь-то? Вся бутылку мне? Ну, спасибо. Я еще тебе телегу назму привезу...

Эх, хорошо! Вот в прошлом году я медведя встретил. Засек, где он спать лег. А жакана у меня нет. Снег уже вышал. Ну, я к Мишке. Знаешь Мишку-то Добытчика? Ну, он пошел и положил медведя и маленьких двух. Одно мне отдал, не ободранного, вместе со шкурой. А молочные-то они вкусные, медвежата.

А мне не везет. Лонись одного сохатого стрелил, но он на трех ногах ушел. Сдохнет, конечно, а куда я за ним по снегу? Я тогда другого стрелил. Он тоже ушел — роги здоровущие. Не везет мне. Но я еще стрелю.

А природа у нас — эх! И рыба, и клюква, и шишки, и зверь. От и до!..

Икона

Я дрова колот, а тут люди эти и подкатили. Совсем-совсем новенькие «Жигули» вмиг на нашу горушку вспрыгнули, у ворот остановились.

Из-за руля вылез коротконогий шустрячок, а другую дверцу открыл высокий симпатичный парень. Оба модные, трезвые.

— Здорово, папаша! — поднял руку коротконогий.
— Здравствуйте, — отвечаю, — а сам из-за «папашки» уже обижаюсь, завожусь уже. Добро бы восемнадцатилетним этот коротконогий был, а то самому-то ему лет под сорок...

Первый-то раз я на это дело лет пять назад обиделся. Ехали тогда со мной в одном купе парень с девчонкой. Ну, парнишечка этот замучил меня — все «папаша» да «папаша». Ах ты, думаю, «сыночек», ну как теперь волки говорят: погоди. И давай я за его девчонкой ухаживать-обволаживать. И стихи я ей, и истории-анекдоты, и про кино...

Ей-богу, поколебал я тогда девчущку. Паренек отозвал меня в сторону, взмолился:

— Ну чего вы делаете? Седые уже... Кларка же, она — дура. Она же влюбляется в вас. А мы с ней с девятого класса...

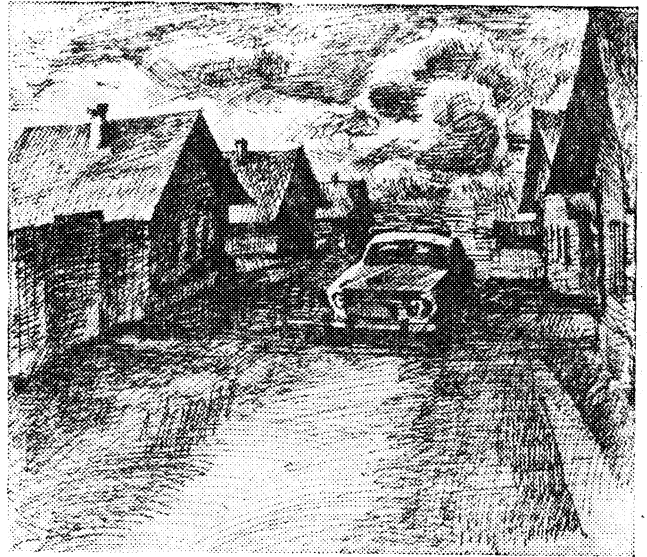
— А-а, — говорю, — «сынчек», заело? У меня имя-отчество есть...

Не знаю, может быть, зря я тогда так себя повел. Но, вообще-то, интересно у людей спросить, как они себя чувствуют, когда их в первый раз в жизни незнакомые люди «папашей» или «мамашей» называют? Вся жизнь было «молодой человек», «девушка», ну там мужчина-женщина, гражданин-гражданка, а вдруг на тебе — «папаша-мамаша».

Да я уверен, почти у каждого в душе ёкнет — эх, как времечко-то катится.

Ну, а у этого коротконового хоть седых волос и немного, но брюхо явно больше моего, а он туда же — «папаша».

Конечно, все это про себя я подумал, а с парнями

мирно говорю-беседую. Я для них вроде темного аборигена.

В Таватуй частенько городские на собственных машинах наезжают, чаще всего ищут, где дом продается или, в крайнем случае, у кого малуху на лето снять.

А эти про отца-матушку спрашивают. Станным мне все это показалось. Чувствую, что неспроста эти модники нагрянули, что еще что-то есть у них невысказанное.

А коротконогий суетится:

— Слышь, папаша, ты, по всему видно, с богом не очень в ладах. А на кого предки-то твои молились? Как у них с богом-то было?

— Да в чем дело, ребята?

— Слышь, папаша, мы представители музея... есть такой музей в Свердловске...

Высокий парень перебил коротконового:

— Рано, Валера, угости товарища сигаретой, поговорим еще, потолкуем.

Коротышка выщелкнул из иностранной пачки сигаретку:

— Вот, папаша, «Мальборо» называется, настоящие сигареты, штатовские.

Я подыгрывал:

— Ишь ты, — говорю, — не гаснет. Опасная для нашей деревни сигарета — пожар может произойти.

Такая тянучка надоела, видно, коротконовому, и он не выдержал, выпалил:

— Может, иконы какие у тебя есть, папаша? За хорошую икону мы синенькую, а то и красенькую бумажку дать можем. А за очень хорошую — все цвета радуги.

«А, была не была, — думаю, — посмотрим, какие вы «музейники».

Валялась у меня икона-самоделка. Лет семь назад приезжали ко мне друзья. А среди них художник-любитель один был. Вот он ходил в какой-то дом за молоком, увидел там икону и сделал с нее копию.

И решил я этим нахрапистым парням показать самоделку.

Надо сказать, что местные жители на зачистивших сюда собирателей очень даже большой зуб имеют. Дело в том, что несколько лет назад какие-то злые люди обидели местных старух, обокрали домик, где старушки молились. Выкрали самые древние, ценные иконы. А Таватуй ведь село кержацкое, старообрядческое. Говорят, оно намного старше самого Екатеринбурга. Подумать страшно, на какие древние иконы местные старухи

молились. Какие деньги-тысячи уволокли отсюда вору...

— Вот,— говорю,— не знаю, подойдет ли нет для вашего музея.

Парни, как кошки на воробья, на «икону» набросились. К забору отошли и давай там руками махать-разговаривать.

Минут десять они между собой беседовали. Потом коротконогий с «иконкой» в руках подошел ко мне:

— Сколько ты за нее хочешь, отец?

— Да чего,— говорю,— мы люди простые, цены настоящей не знаем, а только дров мне на зиму не хватит. А вот привезете машину дров к воротам — отдам я эту доску. Торговаться бесполезно, езжайте с богом.

Сам чурку на попу поставил и колуном по ней ахнул.

Уехали «музейники».

Гляжу, а дня через три к моим воротам «КамАЗ» с дровами прибыл. Полнехонька машина. А чурки! — вполовину березовые, вполовину лиственки.

А давешний коротконогий из кабины выскочил и сразу ко мне:

— Давай, папаша, нашу икону.

Не знаю, и я тут каким-нибудь нехорошим человеком выступил, но что «знатоков» этих надул, несколько не каюсь.

А дровами этими мы до сих пор тоним.

Белые грибы

В тот год вокруг Таватуя от белых грибов проходу не было. Поначалу-то и ведрами-корзинами и мешками-рюкзаками их таскали. Все запаслись, кому не лень.

Ясное дело, про этот грибной рай и в городе скоро узнали. «По просьбе трудящихся» в Таватуя даже дополнительные автобусы снаряжать начали.

Быстро поубавилось грибов, а потом и вовсе они редкостью стали, не верилось даже, что дней двадцать назад здесь грибное царство процветало.

А машины к деревне все прут и прут. И частники, и спецавтобусы, и всякие разные. И все по грибы.

В то лето с деревенской дорогой беда случилась — выбили ее «МАЗы» и «КамАЗы» — на строящийся комплекс сносили, вот и разбили всю дорогу. Рейсовые автобусы только до края деревни ходили, до «Космоса» — это магазин крайний здесь так прозвали.

И вот однажды доковылял я до этого магазина и стал поджидать автобус.

Вскоре группа женщин-грибников появилась, человек в двадцать. Ведра и корзинки у них были почти пустые и бабы почему-то сердились и ворчали на сарафанистую, добродушного вида толстуху.

— Ну, Николаевна, мы тебе такой культпоход не простим.

— «Белых грибов навалом», «Белых грибов навалом», — дразнилась джинсовая молодая. — Меня Вовчик с грибами ждет, родню пригласил...

Толстая Николаевна пучила глаза, оправдывалась:

— Леня-зять цельный рюкзак отсюда припер.

Женщины были явно из одного рабочего коллектива. И, как я понял из разговора, работали на какой-то фабрике по производству игрушек.

Одна из женщин заступилась за Николаевну.

— Да чего вы, бабоньки, хотите! Весь лес машинами да мотоциклами изъезжен. Может, и были грибы, да разве против колес они устоят?

А ведь и правда, подумалось, — беда с этими владельцами машин. Ну нет, чтоб на обочине ее, окаянную, оставить — в лес рулит. А там забуксует, тягача-подмогу зовет. Изроют все вокруг, испохабят.

Между тем с Николаевной изменения случились. Засуетилась она вдруг, забеспокоилась, начала шептаться с товарками.

Одна сказала ей:

— Да сбегай вон за горушку, и все дела.

— Далеко ведь, а автобус вот-вот...

— Вечно ты, Николаевна, без приключений не обходишься, давай дуй за горушку, а мы автобус задержим. Только Николаевна скрылась в сосняке, а он уже здесь, автобус.

Открылись дверцы, и немногочисленные прибывшие пассажиры заторопились вниз, вдоль деревни.

Кондукторша пошла в магазин, шофер стал обходить автобус, пинать по колесам ботинком.

Женщины волновались за Николаевну, а я-то знал, что до отхода автобуса время еще есть, потому что Сережка Клюкин и Женька Яковлев только-только на горизонте появились. Эти Сережка с Женькой каждый день в Свердловск ездят, на консультацию. В институт они готовятся, в лесотехнический.

Но вот и они подходят к автобусу — значит, скоро поедем. Вон уже и шофер за рулем, и кондукторша торжественно провозгласила:

— Обилетимся, товарищи.

Женька с Сережкой передо мной сели.

Купили мы билеты.

А женщины хлопочут, кудахчут:

— Николаевна пропала!

— Товарищ кондуктор, погодите маленько.

Джинсовая молодая шофера упрашивать кинулась:

А из лесочка, из-за горушки бежит, торопится Николаевна.

Странно как-то бежит, подол чуть не до шеи задрала. Бежит, спотыкается, желтым исподним пугает.

— Чего это с ней, — заволновались женщины.

— Николаевна эта вечно не может без приключений.

А Николаевна — вот она. Уже в автобус втиснулась, задыхается:

— Ой, бабоньки! Ой, не могу! Гляньте-ка! — И опустила она подол. И посыпались из сарафана белые грибы.

— Там их... пропасть там их, бабоньки! Прав ведь Леня-ка-то мой оказался. Вылезайте все, айдате за грибами.

И все женщины дружно завыходили из автобуса.

Только джинсовая молодая металась по салону:

— Меня же Вовчик ждет. Не могу я остаться, я же обещала.

— А ты бери, Маринка, мои грибы и езжай спокойно к Вовчику своему, — разрешила Николаевна.

А кондукторша к шоферу кинулась:

— Слышь, Митя, останусь я, а? Скажешь там чего-нибудь. Четыре пассажира всего, все билеченные.

...Катит к Свердловску автобус. Марина собрала грибы. Теперь полная корзина у нее. А я смотрю на заправку сидящих впереди ребят. У Женьки голова светло-рыжая, у Сережки чуть потемней, и оба почему-то похожи на два белых гриба, крепких, ядреных: «коровиками» называют в Таватуе такие грибы.

Я гляжу на парней и думаю: «Дай вам бог поступить в институт, ребята!»

И появились бы тогда у таватуйских лесов рачительные хозяева и добрые заступники.

В магазине

Люди хлеб поджидали. Его в Таватуе по вторникам, четвергам и субботам привозят. Очередь заранее занимают, потому что, мало ли, вдруг не хватит хлеба. Такое здесь случается.

Суббота была. Тут и заявила в магазин девчонка в купальнике. Наверху ленточки, а внизу тоже прикрытые чересчур уж узенькое.

— Тетенька, дайте пачку «Меридиана»!

Валька-продавщица как будто не слышит — никакого внимания к покупательнице.

А бабы пошущукались, двое на берег за крапивой сбежали и давай девчонку хлестать.

— Вот тебе, бесстыдница! Вот тебе, греховодница!

Она убежала, так и не поняв, за что ее отбзгали. С рёвом убежала.

Я бывал когда-то на юге. Видел, как люди в плавках расхаживают по улицам и в магазины заходят.

Летом здесь, на Таватуе, тоже отдыхающих — ой-ёй-ёй. На пляже ты хоть совсем голый ходи, а на улице тебя в плавках не пустят. Первый же встречный начнет стыдить и выговаривать. И не думай отмахнуться, уйти — не дадут. Как скворцы на ворону налетят и угонят обратно на пляж, а то и побьют.

Да... А в тот раз вместо девушки в магазин решительный парень прибыл. Тоже в плавках.

Ну, на этого весь народ навалился. Даже мужики.

— Крапивой его, бабы! Пусть эдаким-то голяком по своему Свердловску бегаёт!

В общем, еле вырвался парень из магазина. Бежал к пляжу, ладошками закрывался.

Не знаю, чем эта «война» кончится. Но, по-моему, правы кержаки: заявился в гости — уважай чужие обычаи.

Житье-бытье

Если горожанин среди волнушек и сыроежек отыщет парочку белых грибов, он куда их положит? Сверху. Чтоб все видели — во, какой удачливый!

У таватуйца на виду сыроежки будут. А если и сверху белые, значит, вся корзина ими набита.

— Ой, какая прелесть! Скажите, пожалуйста, где это вы столько белых набрали? — обратится к таватуйцу приезжая гражданочка.

— В лесу, в лесу, — ответит таватуйец.

— А место? Хотя бы в каком районе?

— Лесное место, лесной район.

Про ягоды тоже бесполезно пытаться местных жителей — не скажут, где нынче уродилась черника или жимолость.

О рыбе тоже один ответ:

— В озере добыл.

О кедровых орехах я уж не говорю — про кедрач никто из чужих никогда от местных не узнает.

Маму мою как-то брали старухи по клюкву, так признались потом, что, мол, тебе, Ангелина Александровна, этих мест не найти, никого сюда не приведешь, так что не опасная. А клюквы там, мама рассказывала, ступить некуда — красным-красно.

На мой взгляд, таватуйцы правильно делают, самым действенным образом охраняют окружающую среду. Ведь сколько случаев было, когда городские наместники рубили кедры ради шишек. Хитрые грабли придумали клюкву сгребать. А костры-пожары...

Конечно, в некоторых домах на Таватуе мерёжа, а то и сетка есть. Ловят, как правило, для себя. Ну, соседа угостят. Почти не продают рыбу. А такие люди, как Никандр Семенович Зиновьев, исключительно удочками орудуют. Про него рассказывают, что когда он возглавлял рыболовецкую бригаду, и то для себя рыбу удочками ловил.

Таватуй всего в пятидесяти километрах от Свердловска. Верхняя Пышма, Невьянск, Верх-Нейвинск — из этих городов тьма рыбаков на озеро едет. Зимой на льду черным-черно. А летом! Все озеро окружено санаториями, домами отдыха, пионерлагерями, и каждый отдыхающий с удочкой на берегу постоять норовит, а то и в лодке леща подкараулить. Да много ли удочкой возьмешь?

Но вот рыбацкая артель... Одна из лучших в области. Действительно рыбаки все местные, каждый уголок озера знают, как свои пять пальцев. Вот и перевыполняют план. Пока. Но озеро явно обезрыбело, отдохнуть бы ему от артели годков пять...

Командует в артели Потап Матвеевич. Сухощавый, подтянутый пожилой человек, очень вежливый и интеллигентный. Он тем знаменит, что не пьет. Бросил давным-давно. Ну, рыбаки меняются, как говорится, приходят и уходят, а Потап остается.

Он тоже местный, Потап. Трудолюбивый, добросовестный. Но озеру-то тяжело от такого усердия.

Прошлым летом еду я с рыбалки на лодке, смотрю — сам Потап тонь закидывает. И как раз то место сетью окружил, где у меня недавно окуни клевали. Обычно-то Потап только руководит, а тут вдруг сам в лодке. Ну, я подгреб поближе, наблюдаю.

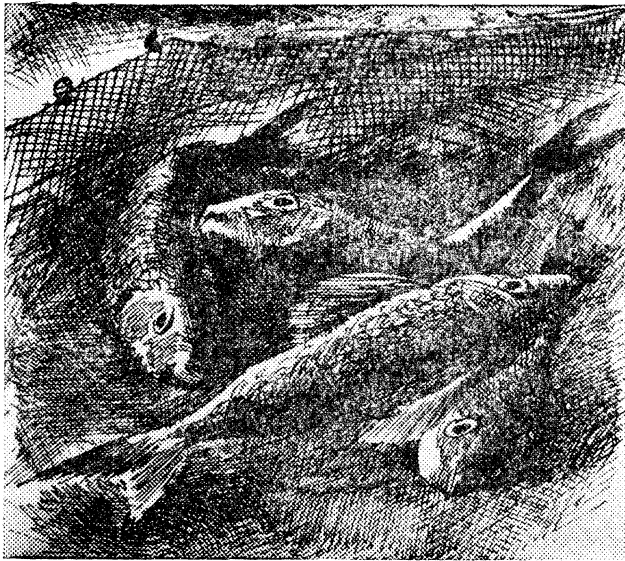
На берегу у одной из вертушек пузатепький нерусский человек суетится. Крутит вертушку, — в глазах восторг с любовью к своему пололам, а рядом парнишечка на сытенького похожий стоит.

Таватуйский народ потихонечку к берегу подходить начал. Филимон с сыном Пашей, Трофим, человек двадцать собралось. Эко диво — сам Потап вымётывает, а у волокуш вместо рыбаков приезжие шерудят.

Ну, люди не шибко стесняются, громко говорят:

— Во, браконьеры!

— Начальство приехало, вот для него и пожалуйста.

Пашка, Филимонов сын, подступил к нерусскому: — Это из-за вас Потап Матвеевич наше озеро пустит?

Сытенький молча забрал своего парнишку и ушел в рыбконтору.

А Потап с сыновьями еще одну тень вытянули и тоже к конторе направились.

Вскоре оттуда машина увезла пузатенького с сыном. Вот такое житье-бытье у нас в Таватуе.

Встречи и разлуки

Задолго до 9 мая у всех таватуйских магазинов, у сельсовета и в других местах появились объявления, приглашающие жителей села в клуб на тематический вечер «Где же вы теперь, друзья-однополчане?»

Объявления были старательно разрисованы красными, синими, зелеными и коричневыми карандашами. Каждая буква была выведена аккуратной, детской пятерочницей рукой.

Здание сельского клуба в Таватуе когда-то было жилым домом богатого человека. Обветшало древнее строение, ремонтировали его, подлатывали, а все равно пришлось заколотить основной зал, и осталась теперь служить делу культуры комната, вмещающая пятьдесят человек.

А по этим детским объявлениям народу в клуб привалило — тьма.

Пожилые мужчины, которым за пятьдесят, — все как один при орденах и медалях. Так уж получилось, что все здоровые таватуйские парни и мужики, все без исключения, ушли в сорок первом на фронт.

И вот теперь, кто вернулся с фронта и кто еще остался в живых, спешили в свой клуб на тематический вечер. Шли с женами, с внуками.

Да, устарел, обветшал сельский клуб в Таватуе. А еще горше, что нет здесь культработника, который бы смог наладить работу художественных кружков, самодеятельности.

Ведь вот сегодня сумела же библиотекарьша Людмила Владимировна Зейналова организовать этот вечер. Да еще как организовала!

Суровые, грустные и лирические песни военных лет чередовались с выступлением бывшего подполковника Николая Гавриловича Ксенофонтова.

Но особый успех выпал на долю выступления уча-

щихся таватуйской восьмилетней школы: Кати Зейналовой, Иры Добрыниной, Лены Хрипачёвой, Иры Кочусовой и других. Нет, девочки не только умеют писать привлекательные объявления, собравшие в клуб полсела. Они и петь умеют, и стихи, и прозу читать. А главное, они сумели передать ветеранам войны свою к ним любовь и признательность.

Ладочки себе отбили ветераны на этом вечере, а под конец пригласили ребят на митинг в День Победы.

Каждый год 9 мая собираются таватуйцы на свою маленькую площадь, где стоит памятник землякам, сложившим головы на фронтах Великой Отечественной войны.

В этот раз говорил старый вояка Никандр Семенович Зиновьев. Он прошел всю войну, долгие годы офицер Никандр Зиновьев еще продолжал служить в Советской Армии, потом вернулся в родной Таватуй, и сейчас получает военную пенсию.

Он так сказал, бывший фронтовик Никандр Зиновьев:

— Нас ушло на фронт сто двадцать таватуйцев... Там осталось восемьдесят семь человек. Все меньше и меньше собирается нас в этот святой день у нашего памятника...

Вот в Москве написано: «Имя твое неизвестно, но подвиг твой бессмертен»... Мы не знаем подвигов своих земляков, в похоронках писали «погиб смертью храбрых». Но вот имена их мы знаем. И не только имена. Помним их в лицо, знаем, какими они были, кто как работал...

Говорил Никандр Семенович, а люди стояли вокруг памятника и плакали.

...Больше всех орденов и медалей из таватуйцев у Афанасия Ивановича Меркурьева — вся грудь в наградах. Насквозь седой уже Афанасий Иванович, а держится молодцом — худощавый, подтянутый. Вот вышел он перед народом и заговорил. И тишина все вокруг обняла, потому что редко когда говорит Иваныч, а уж если скажет...

— Как дошли до Берлина... А в Берлине... Васью Романовского встретил. Дым кругом, гремит-рушится все. А мы, таватуйские, в Берлине! Помнишь, Василий Иванович?

И у всех на глазах обнялись старые солдаты и заплакали. И все плакали. Почти все. А уж ладошки отбивали — это точно — все.

И никто больше выступать из ветеранов не мог. А разговоры слышались:

— А нас привезли в часть, смотрю, отец родной. Мы же двое только на весь Таватуй двухметровые-то. Ну, обнялись. Его вскоре убило, вместе в атаку шли. Эх...

— А я помню, вышли наши танки к Одеру...

— А когда к нам Пологов-то приехал, Павел Андреевич. Виданое ли дело — в Таватуе Герой Советского Союза поселился. Всей деревней ходили смотреть, Герой, а рыбачит как все — удочкой, в магазине в очереди стоит... А Федор Елисеевич Козлов увидел Пологова — здоровья желаю, говорит, товарищ командир! Ну Пологов давай его обнимать-целовать. Федя, говорит, дружище.

Оказывается, наш Елисеич всю войну этому Герою самолет к боевым вылетам готовил...

— Да, а теперь вот помер Федя.

Разговоры, слезы, воспоминания...

А я стою в сторонке и думаю: «Живите дольше, мужики, начавшие в июне сорок первого. Живите дольше, кончившие в мае сорок пятого. И пусть светится вечная память тех, кто погиб смертью храбрых в боях за нашу социалистическую Родину».

В тайге и пустыне

**Игорь
МАЛЫШЕВ**

В таежном лесу

Наш газик бойко катил по лесной дороге. Мимо проносились высокие ели. Каждая ветка на деревьях была укрыта сверкающими в последних лучах солнца пуховиками. Первый снегопад славно разукрасил лес! Сразу почему-то подумалось о еще нескором новогоднем празднике. Представилось, как рады будут ему ребятишки наших рабочих-строителей. А здесь, в лесу, тоже, наверное, в Новый год очень весело? Дед Мороз не забывает лесных жителей — зайцев, медведей...

Неожиданно дорогу впереди пересекла — легка на помине! — очень крупная медведица. Она остановилась у обочины, внимательно посмотрела на приближающуюся машину и вдруг вернулась на середину дороги. Шофер моментально сбросил газ, надавил изо всех сил на кнопку сигнала. Хозяйка леса, однако, не испугалась. Наоборот — встала на дыбы, угрожающе рывкнула, двинулась навстречу.

— Уж лучше бы инспектор ГАИ тут оказался, что ли, — нервно буркнул шофер. Он совсем остановил машину и быстро дал задний ход.

Поняв, что мы отступаем, медведица замахала лапой: дескать, правильно, убирайтесь-ка подобру-поздорову! Она успокоилась только когда газик отъехал на приличное расстояние.

Томительно тянулись минуты. Медведица, похоже, не собиралась уступить нам дорогу. Едва мы попробовали снова тронуть машину вперед, как она опять поднялась, угрожающе взмахнула лапой.

Ее поведение объяснилось еще

через несколько минут. Из кустов выкатился кудматый, крепкий медвежонок. Игриво подпрыгивая, он перебежал дорогу, остановился, оглянулся на мать и что-то проурчал. Наверное, на своем языке он сказал ей: «Да не связывайся с ними, мамочка! У нас и без того дел полно. Вот уже и снег выпал, пора в берлогу».

Злой блеск в глазах медведицы потух, и оба зверя быстро скрылись в чаще.

Гобийский заяц

Ночь накрыла Гобийскую пустыню чернозвездным куполом. В свете фар машины был виден лишь небольшой клочок желтого песка. Неожиданно впереди что-то метнулось, прижалось к земле. Мы остановились, выскочили из кабины и увидели перед машиной небольшого зайчишку. Задние лапки зверька были повреждены — наверное, петлей. Ему требовалась помощь. Решили взять его с собой, в поселок строителей. Так в монтажном вагончике появился тихий поначалу и не очень компанейский новосел.

Прошло три дня, зайчишка упорно отказывался от морковки, капусты и других деликатесов. Лапки у него заживали медленно, и мы не рисковали выпускать его на волю. На исходе четвертого дня наш гость совсем загрустил. Тогда было решено добыть ему естественного корма. Пошли на ближайшую сопку, наломали веток какого-то растения, нарвали травы — в общем, собрали всяких зе-

леных разностей, принесли в вагончик, бросили перед зайцем. Зверек с удовольствием принял угощение, особенно понравились ему ветки неизвестного нам кустарника. Он умял их все до единой и, насытившись, вдруг необычайно взбодрился, осмелел: забрался на кровать, по-зайчьи начал по ней разгуливать.

— Ты смотри, совсем домашний стал, — сказал мой товарищ.

— Да, почти ручной.

Тем временем зайчишка превратился из ручного в просто нахального. Он перепрыгнул с кровати на тумбочку, разбив при этом кувшин, сиганул на стол и без церемоний сунул мордочку в тарелку с супом. Потом, спрыгнув на пол, почти по-собачьи вытянул из-под кровати лисью шкуру, разлегся на ней. Мы не переставали удивляться поступкам зверька. Не успел я лечь и взять в руки газету, зайчишка запрыгнул на мою спину и выдал передними лапами сокрушительную барабанную дробь. Товарищ мой тоже не увернулся, получил серию быстрых и четких ударов.

Мое терпение лопнуло, когда заяц вцепился в ножку стола и сдвинул его с места с силой, которую никак нельзя было предположить в нем. Я набросил на него одеяло, сквозь которое он все же умудрился меня укунуть, сунул его в бельевой шкаф. Зайчишка бушевал там чуть не до рассвета, а утром вылез притихший, с повисшими ушами, сразу припал к миске с водой. Он тут же получил от нас свободу.

Впоследствии друзья-монголы объяснили нам поведение зверька. Оказалось, сорванное нами растение действует на зайцев как дурман.

Чапаевец Франц Лей

В середине июня 1919 года, через несколько дней после освобождения от коляковцев Уфы, в чапаевской дивизии состоялось штабное совещание командиров и комиссаров. Не так часто удавалось собираться им всем вместе, потому чапаевцы решили сфотографироваться.

Снимок сделал уфимский фотограф Шперлинг. Недавно он был опубликован в еженедельнике «Нейе Берлинер иллюстрирте» (ГДР). Среди тридцати семи участников совещания, неподалеку от В. И. Чапаева, Д. А. Фурманова и командира 75-й бригады И. С. Кутякова, запечатлен начальник штаба этой бригады, немецкий интернационалист Франц Лей. В прошлом обер-лейтенант кайзеровской армии, командовавший артиллерийской батареей, он попал в плен во время первой мировой войны. В России он сблизился с большевиками, вступил в Красную Армию.

Позднее Франц Лей плавал капитаном на боевых судах Волго-Каспийской флотилии, был награжден орденом Красного Знамени.

На снимке: в третьем ряду третий справа — Франц Лей.

Д. ТИТОВ

Русским морякам

В городе Пенанге, в Малайзии, на центральном кладбище установлен мраморный памятник: рубка боевого корабля, на ней золотыми буквами высечена надпись: «Русским военным морякам крейсера «Жемчуг» — благодарная Родина».

...Когда фашистский крейсер вошел в порт Пенанг, он выпустил по «Жемчугу» торпеду. Начался пожар, и корабль стал

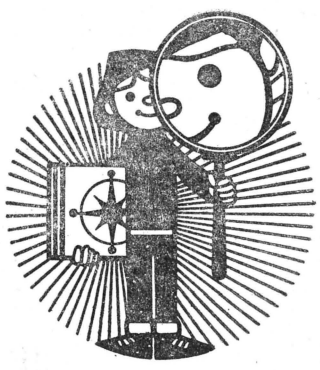
погружаться в воду. Русские моряки не поддались панике, они открыли ответный огонь, мужественно сражаясь. Немецкому крейсеру пришлось уйти в открытое море.

Но русский крейсер «Жемчуг» погиб. Умерших в госпитале моряков жители Пенанга с воинскими почестями похоронили на центральном кладбище.

Б. АЛЕКСЕЕВ

МИР

на лагони

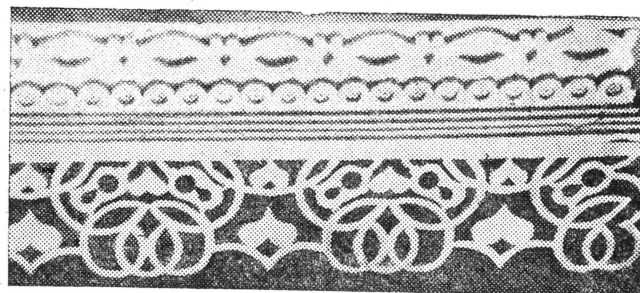

Холоднее не бывает

Исследователи микромира стремятся изучить глубоко охлажденное вещество, когда температура его максимально приближается к абсолютному нулю и, значит, частицы имеют наименьшую энергию, атомы и молекулы совершают так называемые «нулевые» колебания.

Впервые в мире в Дубне создана установка, которая позволила достичь темпера-

туры, отличающейся от абсолютного нуля лишь несколькими тысячными долями градуса. Наука получила могучий инструмент исследования свойств вещества при сверхнизких температурах. Автору уникального холодильника доктору физико-математических наук Б. С. Неганову присуждена за это достижение в области физики премия имени М. В. Ломоносова.

По бархату и клену...

Дома, как люди, у каждого — свой облик, наряд. Мастерской народ, что шел с Украины, из Сибири вслед за Поярковым и Хабаровым, в котомке вместе с семенами пшеницы нес нехитрый инструмент плотника. И выросли на Дальнем Востоке дома радужные, с филигранными солнышками, расписанные васильками на ставнях да карнизах...

Более ста лет назад академик Л. И. Шренк собрал коллекцию узорных сказок малых народов на одежде, обуви, изделиях из бересты и дерева. В национальной одежде, украшениях нанайцев, нивхов ученый замечал спираль, плетенку, другие виды орнамента, которые были в ходу у резчиков европейской части России.

...Я знаю мастера Г. Я. Кривошеева. В его доме масса шкатулок, рамок для портретов, этажерка — и все украшено резьбой. А сама хата, что игрушка.

В нанайском селе Дада живет Чикузэ Золонговна Киле. Ей 86 лет, ее по-сибирски срубленный дом с голубыми наличниками на берегу Амура знает каждый. Ч. З. Киле — член Союза художников СССР, лауреат многочисленных всесоюзных и республиканских выставок, ее работы — аппликации, резьбу по дереву — можно встретить в музеях страны, за рубежом.

Обилие своеобразных и диковинных деревьев Дальнего Востока — бархата, клена, ясеня, ореха — способствовало тому, что местные мастера имели страсть к хитроумной резьбе. Только в центре Хабаровска под охраной государства находится более 50 деревянных строений, и любое из них — уникально, самобытно.

Бережем же мы старинные книги, рисунки, всевозможные поделки. И деревянные кружева тоже наша гордость. Конечно, пятистенный дом в музей не поставишь. Но часть — можно. Именно так сделали сотрудники Хабаровского краеведческого музея. Угол наиболее интересного дома с резьбой разобрали и перевезли. Сейчас это, наверное, главная деталь экспозиции «Деревянная архитектура Хабаровска в конце XIX — начале XX века».

В. БЕРЕЗИН

Фото автора

Пена, которая греет

В одном из полетов советские космонавты на глазах у миллионов телезрителей сотворили необычным способом сувенир — олимпийского мишку. Им лишь понадобилось для этого заполнить специальной пеной форму и дожидаться, когда застынет вспененная жидкость. Так был испытан в космосе новый материал, изобретенный латвийскими учеными. Его назвали рипором. Он привлекает внимание строителей Севера, потому что является замечательным теплоизолятором. Его можно распылять из пистолета, укрывая «шубой» теплотрассы или легкие строения. Рипор надежно прирастает и к металлу, и к бетону, и к пластмассе.

В честь первооткрывателей

Стальной «фонтан» взметнулся на берегу таежной Конды. Это — монумент в честь первооткрывателей тюменской нефти.

Летом 1960 года бригада Семена Урусова пробурила здесь скважину, при испытании которой из устья ударил фонтан нефти. То была первая про-

мышленная нефть, найденная за Уральским хребтом. Сейчас Западная Сибирь — главная топливно-энергетическая база нашей страны.

Интересно, что скважина бригады Урусова, над которой установлен монумент, все еще действует — дает нефть.

В. ДАН

Сын первопроходца

Историки обнаружили челобитную первооткрывателя пролива между Азией и Америкой — Семена Дежнева, в которой есть сведения о его семейной жизни. О отважный мореход был женат на якутке Абакаяде Сючю, а его сына звали Любимом. Он служил в семидесятые годы XVII века казаком в Якутском остроге. Известно также, что Любим Дежнев многократно участвовал в походах на север. Очевидно, в нем жил отцовский дух. Позднее имя младшего Дежнева исчезает из списка служивых людей Якутска, и о дальнейшей судьбе его ничего не известно.

В. ТАРСКИЙ

Плавание в Восточную Сибирь

Четыре века назад проплавленный Ермак проложил дорогу русским людям через Урал в Западную Сибирь. Менее известно имя другого первопроходца — Пантелея Пянды. Весной 1623 года (ровно 360 лет назад) он с сорока казаками отправился на стругах вниз по течению

Лены. Это было первое плавание русских людей по могучей реке, положившее начало открытию Восточной Сибири. Лишь за одно лето казаки судна прошли около пяти тысяч километров, обследовав огромные пространства. Академик А. П. Окладников, известный историк Сибири, писал, что сообщения мангазейского казака-землепроходца о своем походе на север «дали повод к заселению русскими людьми Ленского края».

Танкер «Джон Рид»

«Прочитав с громадным интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран», — так писал В. И. Ленин. Эти слова можно увидеть на одной из стен салона-музея танкера, носящего имя «красного американца» — Джона Рида. В музее представлена изданная в разных странах и на разных языках знаменитая книга. Фотографии и материалы об этом музее отправлены в США, в город Портленд, где родился Джон Рид, и в город Донецк, на шахту Лидневка, где в 1920 году была создана бригада шахтеров имени писателя-революционера.

Б. СОСЕДОВ

Мир еще не весь открыт...

● Пятерка испытателей из Алма-Аты — врач Николай Кондратенко, тренер института физкультуры Владимир Журавлев, инженер Гельмут Гелле, электрик Владимир Волков и слесарь Павел Богданов — задумала пеший переход через Кызыл-Кумы. Главной задачей экспедиции была отработка рациональных действий группы изыскателей при аварии средств передвижения в пустыне.

Маршрут начался неподалеку от Кызыл-Орды. Выйти предстояло к Нукусу. Каждый нес на себе почти по 55 килограммов груза — продукты, вода (только на первое время). Предстояло провести в пустыне месяц. На экспедиционной карте были отмечены водонесные скважины, колодцы.

Из-за старой травмы ноги не смог далеко уйти В. Журавлев — вернулся с попутной машиной. Потом оставшиеся четверо не нашли сразу три обозначенные на карте источника воды. Но за 23 дня они все же преодолели 520 километров. Весь намеченный путь. Последние три дня «пустынники» шли днем (раньше только ночью), чтобы почувствовать все «прелести» адской жары. Они — победили!

● Под Свердловском, на территории одного из автотранспортных хозяйств

уральских энергетиков, словно по мановению волшебной палочки, вырос огромный гараж. Впрочем, волшебство здесь не при чем: гараж, сшитый из резиновой ткани, поднял на земле обычный воздух. Его конструкторам — работникам Уральского комплексного отдела Всесоюзного института «Оргэнергострой» потребовалось включить только вентиляторы. Сильные потоки воздуха справились с делом в считанные минуты. Воздухоопорное перекрытие гаража, под которым может поместиться несколько десятков больших грузовиков и даже автокранов, поддерживается благодаря небольшому избыточному давлению под ним.

Уральские специалисты по проектированию воздухоопорных конструкций уже разработали десятки разнообразных сооружений на этом принципе.

● Затерянные города открыты в горных джунглях Боливии. В мире археологии этот факт затмил все другие не менее интересные события. Ученые поставили культуру древних индейских племен страны в один ряд с культурой инков, ацтеков, майя. Впрочем, некоторые исследователи утверждают, что кое в чем индейцы Боливии даже превосходили самые развитые

цивилизации доколумбовой Америки. Их города располагались, не вредя живой природе, на террасах, вырубленных в крутых горных склонах, рядом с многочисленными водопадами. Каменные лестницы, вымощенные камнем дороги, системы облицованных камнем каналов — все это вместе с идеально ровными террасами говорит о большом строительном мастерстве древних колумбийцев.

Города на террасах были сожжены испанскими охотниками за золотом после того, как племена индейцев восстали в 1599 году. Города горели, водопады были красны от крови восставших. Тем, кто выжил в этой бойне, завоеватели запретили возвращаться на террасы.

В горных джунглях Боливии, как утверждают археологи, сохранились фундаменты 200—300 древних городов.

● Примерно 30 тысяч видов растений производят углеводороды, очень похожие на нефть. В частности, несколько видов каучуконосов вырабатывают большое количество млечного сока, который фактически является 30-процентной водной эмульсией углеводородов. Они даже имеют преимущество перед теми, что содержатся в сырой нефти, ибо они свободны от вредных примесей. Для получения «биобензина»

особенно подходящим может оказаться семейство молочаевых, утверждают американские исследователи. Они же ставят на первое место молочной чинчвидный, или масличный. Этот кустарник ростом полтора-два метра пышно растет не только в субтропиках, но и в зонах умеренного климата. Эксперименты, проведенные с растением, показали: с одного гектара посадок масличного молочая можно получать от 4 тысяч до 19 тысяч литров биотоплива в год. Себестоимость его ниже, чем себестоимость обычной нефти.

● Английский архитектор Седрик Прайс разработал проект дома, в котором по желанию его обитателей можно передвигать стены, перегородки, уменьшать или увеличивать количество окон и т. д. Оригинальную идею отличает элегантная простота, подчеркивают специалисты. Вся конструкция дома основана на одном типе кубического блока (каркас из клееной древесины со стороны около 4 метров). С помощью электронных программ и подъемного крана можно будет выбирать и осуществлять огромное разнообразие вариантов внутреннего устройства дома: его блоки передвигаются, как фигуры на шахматной доске. Стоимость дома не превышает обычной.

Первой была «Сильва»

Много интересных фильмов создали уральские мастера кино. Зрителю известны «Сильные духом», «Угрюм-река», «Приваловские миллионы», «Самый медленный поезд», «В ночь лунного затмения», «Главный конструктор», «Демидовы», «Тем, кто остается жить».

Киностудия в Свердловске, которой исполнилось 40 лет, теперь ежегодно выпускает 10—12 художественных лент, половина из них — для телевизионных экранов, около пятидесяти научно-популярных, учебных и мультипликационных лент, а также киножурнал «Советский Урал».

А началась киностудия с «Сильвы».

13 ноября 1945 года фильм был показан в Свердловске, затем он начал свой путь по экранам страны и за рубежом. Тогда, в первую послевоенную осень, первый фильм киностудии расценивался как большое событие в культурной жизни.

Свою работу Свердловская киностудия художественных фильмов начала в клубе строителей. Здание клуба, построенное в стиле школы Корбюзье в 1929—1933 гг., и сейчас вызывает интерес своим необычным видом и считается памятником промышленной архитектуры. Киношникам выделили здесь две комнаты. Больше места и не требовалось: когда был издан приказ № 1 о начале работы киностудии, в штате было всего пять человек. В мае 1943 года на студию приехал режиссер Александр Ивановский и оператор Жозеф Мартов. А. Ивановский был известным кинематографистом. Он — постановщик фильмов «Дворец и крепость», «Степан Халтурин», «Идушка Головлева», «Дубровский». Популярны его комедии «Музыкальная история» и «Антон Иванович сердится». А Жозеф Мартов был известен по фильмам «Встречный», «Человек с ружьем», «Яков Свердлов»...

Но это были не единственные на Урале деятели кино: в ту пору в Свердловске жили кинематографисты со всех эвакуированных студий — одесситы, киевляне, ленинградцы.

«Сильва» стала первой экранизацией оперетты в советском кинематографе. «Белая акация», «Свадьба в Малиновке», «Мистер Икс», «Вольный ветер» — все это было значительно позже.

Один из шедевров венгерского композитора Имре Кальмана «Сильва» впервые увидела свет в 1916 году. Нет такого музыкального театра, который бы не ставил ее — эту вовсе нелегкую оперетту, которую знатоки жанра называют опереточной «Травиатой». Простая девушка с Козьего болота стала «Княгиней чардаша» (кстати, это первое название «Сильвы») благодаря своей одаренности и душевной чистоте, а не каким-то светским талантам. Главные роли исполнили молодые актеры Зоя Смирнова-Немирович (Сильва) и Ниаз Даутов (Эдвин). В фильме снимались известные свердловские актеры С. Дыбчо (князь Волянюк) и Г. Кугушев (Ферри), а также популярный московский актер Сергей Мартинсон (Бони).

Кинокартину посмотрели десятки миллионов зрителей. Ее показывали и на родине автора оперетты, в Будапеште. Имре Кальман, узнав об этом, писал из Нью-Йорка своему другу, приславшему ему рекламную афишу советского фильма:

«Я горжусь и радуюсь тому, что советское киноискусство принесло нам в Будапешт — город, тяжело пострадавший от фашистской оккупации и войны, — мою скромную оперетту. Поверьте, я со слезами на глазах смотрел на этот плакат, и мне вспомнилось, что в том же самом кинотеатре, где сейчас демонстрируется этот фильм, репродукторы скрежетали полные ненависти и злобы слова нацистской пропаганды. А теперь эти репродукторы передают мелодии моей оперетты. Ты пишешь, что вы все от всего сердца радовались советскому кинофильму.

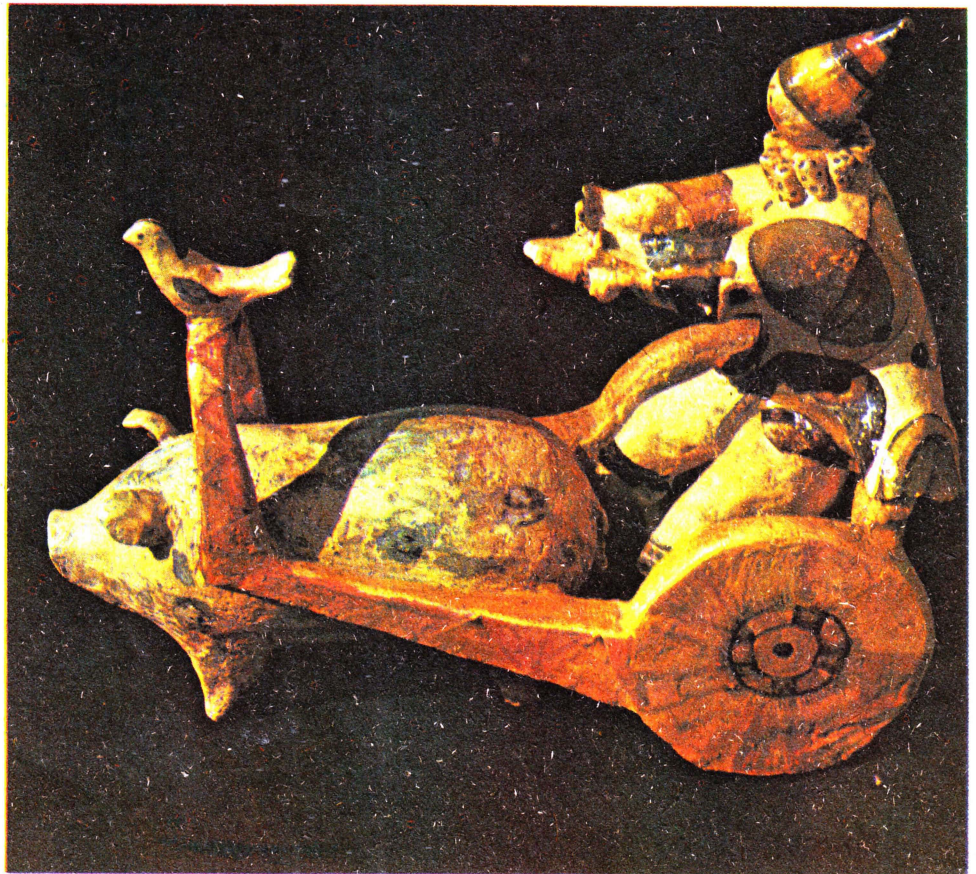
Я могу ответить лишь выражением своего безграничного желания быть вместе с вами в родном Будапеште и разделить ваше большое счастье.»

Известно, что первые копии новых фильмов еще до общественных демонстраций отправлялись на фронт. Смотрели солдаты и «Сильву». Вот отзыв об этом событии ветерана войны Сергея Александровича Скобелина:

— Триста восемьдесят вторая артбригада Второй ударной армии стояла в городе Любтейн. Я увидел рекламу: «Кинофильм «Сильва»... Конечно, пошел, но не обратил внимания, что фильм производства Свердловской киностудии. В то время, честно говоря, я даже не знал, что в моем родном городе существует студия художественных фильмов. Но, когда пошли титры с исполнителями, я подпрыгнул на месте: Кугушев, Матковский, Дыбчо — этих-то актеров я знал прекрасно! И вот пошли кадры... Парк Дворца пионеров, в котором Бони и Стаси исполнили свой знаменитый дуэт, другие знакомые места... Я ликовав, я словно побывал дома.

На снимках: кадры из фильмов «Сильва», «Сильные духом».

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО РОССИИ

Керамика — древнее искусство. В пещере Одубер во Франции обнаружены глиняные фигурки зубров, искусно вылепленные еще людьми каменного века. Цирковое искусство — значительно моложе художественной керамики, оно зародилось в Древнем Риме. Много ныне говорится о стыке наук, кажется, можно сказать и о стыке различных видов искусств. Могли ли художники не попытаться в податливом материале — глине не запечатлеть гибкие фигуры акробатов. Переменчив, изобретателен цирк, летучи его образы, яркие, сказочны...

Наверное, это родство циркового номера с народной игрушкой и было уловлено художником М. Н. Юрковой, которая как бы остановила мгновение циркового представления, вылепила артиста цирка, дрессировщика животных, назвав свою работу вполне конкретно «Дуров едет на свинье».

И, возможно, эта удачная работа, как это случается с авторскими песнями, станет народной детской игрушкой...

Фото О. Канорейко